

164
391

801-18
д049

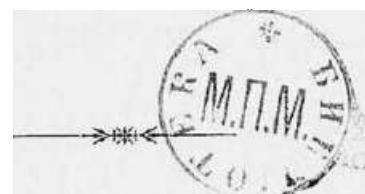
РАЗСКАЗЫ НАРТОВА

0

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

Л. Н. МАЙКОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЛХVII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1891.

предлагается у комиссионеровъ Императорской Академии Наукъ:
Н. Глазунова, пр. С. П. Б. Эйтгерса и Коаг., въ С. П. Б.
Н. Кихнели, въ Ригѣ.

Цена 1 рубль.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1891 года.

Непремѣнныи Секретарь, Академикъ А. Штраухъ

2011120983

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,
Вис. Остр., 9 лин., № 12.

13589-0

Любопытный исторический памятникъ, здесь издаваемый, известенъ только по одной рукописи, хранящейся нынѣ въ Московскомъ публичномъ музѣ подъ № 2747. Къ сожалѣнію, это не подлинникъ автора и даже не списокъ съ подлинника, сдѣланнаго въ прошломъ столѣтіи, а копія, снятая не раньше первой четверти текущаго вѣка; она составляетъ тетрадь листового формата, въ 116 листовъ. Тетрадь эта поступила въ музѣ изъ бумагъ М. П. Погодина, а ему была доставлена А. Ф. Бычковымъ, который приобрѣлъ ее въ Петербургѣ.

До сихъ поръ «Достовѣрныя повѣстованія и рѣчи Петра Великаго» не были изданы вполнѣ, хотя большая ихъ часть и существуетъ въ печати. Впервые появилось изъ нашего памятника извлеченіе въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1819 года (частіи 54—58), при чёмъ изъ 162 разсказовъ напечатано только 72; какою рукописью пользовался составитель этого извлечения — не известно, но текстъ выбранныхъ имъ разсказовъ представляется лишь очень немногія и незначительныя отличія отъ музейной рукописи. Затѣмъ въ 1842 году въ «Москвитянинѣ» (№ 4, 6, 7, 8 и 11) была сдѣлана попытка издать полный текстъ «Повѣстованій», но она не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ разсказы 3-й, 5-й, 19-й, 24-й, 87-й, 137-й, 139-й, 145-й, 146-й, 154-й, 157-й и конецъ 10-го были исключены цензурой. Это изданіе печаталось по той же рукописи Московскаго музея, которую пользовались мы, и воспроизводить ее очень точно; во всякомъ случаѣ нельзя признать справедливымъ отзывъ покойнаго П. П. Пе-

карского, сказавшаго, что издание «Повѣстованій» и «Москви-
тилии» сдѣлано «райне небрежно»¹⁾. Въ нашемъ изданіи не
допущено никакихъ отступлений отъ рукописи, но мы сочли себѣ
въ правѣ привести въ порядокъ ея правописаніе; кроме того,
мы внесли въ рукописный текстъ (въ прямыхъ скобкахъ) тѣ
немногія дополненія, которые нашли въ текстѣ «Сына Отечества»,
а текстъ русскаго перевода письма аббата Биньона, включенный
въ разсказъ 91-й, привѣрили и исправили по изданію того же
перевода въ сочиненіи Пекарскаго: «Наука и литература въ цар-
ствованіе Петра Великаго» (т. I, стр. 530—532).

Интересъ «Повѣстованій» давно обратилъ на себя вниманіе
нашихъ историковъ; все они признаютъ, что эти защищены живо
изображаютъ личность великаго преобразователя²⁾. Устряловъ,
Соловьевъ, Пекарскій пользуются «Повѣстованіемъ» въ своихъ
трудахъ, посвященныхъ времени Петра Великаго. Но критиче-
ская оценка этого исторического памятника еще не сделана, если
не принять за нее краткихъ замѣчаній Устрялова обѣ общемъ
характерѣ «Повѣстованій», о свойствахъ и происхожденіи иѣкото-
рыхъ заключающихся въ нихъ извѣстій³⁾. При новомъ полномъ
изданіи «Повѣстованій» уместно представить соображенія по
крайней мѣрѣ по важнейшимъ вопросамъ исторической критики
этого памятника⁴⁾.

«Повѣстованія» снабжены предисловіемъ, которое подпи-
сано «Андреемъ Нартовымъ, дѣйствительнымъ статскимъ со-
ветникомъ, Петра Великаго механикомъ и токарного искусства
учителемъ» и проч.; въ немъ говорится отъ имени автора, что

онъ состоялъ при государѣ «болѣе двадцати лѣтъ», и что онъ
«собиралъ похвостованія о Петрѣ Великомъ и рѣчи его славнаго
монарха, слыша онъ либо устно отъ самого государя, или отъ
достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ», — написалъ же
свои разсказы по смерти Петра и кончилъ «въ 1727 году». По-
казанія эти такъ положительны, что въ достовѣрности ихъ пельзя
бы, кажется, и усомниться. Однако, еще Устряловъ обратилъ
вниманіе на ихъ неточность: въ первыхъ, изъ документовъ, ство-
сящихся до службы токаря Нартова, обнаруживается, что онъ
былъ взятъ въ токарню Петра не ранее 1712 года, сѣдова-
тельно, состоять при государѣ, быть «самовидцемъ упражненій
и бесѣдъ его» не двадцать лѣтъ, какъ сказано въ предисловіи, а
только десятъдцать; во вторыхъ, некоторые разсказы нашего
памятника основаны не на личныхъ воспоминаніяхъ составителя
или другихъ современниковъ Петра, а на какомъ-то источнике,
по предположенію Устрялова — на дневнике Корба, который
могъ быть извѣстенъ А. К. Нартову въ русскомъ рукописномъ
переводѣ, сдѣланномъ около 1702 года, послѣ того, какъ латин-
скій подлинникъ этого сочиненія былъ высланъ княземъ П. А.
Голицынымъ изъ Вѣны въ Москву¹⁾. Со своей стороны замѣ-
тимъ еще одну неточность въ предисловіи: А. К. Нартовъ за-
зываются изъ немъ дѣйствительнымъ статскимъ советникомъ,
тогда какъ онъ умеръ въ 1756 году въ чинѣ только статского
совѣтника²⁾. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на слогъ
«Повѣстованій»: онъ мало походитъ на слогъ, какимъ писали въ
двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Изъ всего этого слѣдуетъ,
что показанія предисловія не заслуживаютъ довѣрія и не могутъ
быть принимаемы въ расчетѣ при изысканіи самого памятника; по-
этому мы предпочитаемъ оставить ихъ на сторонѣ въ разматрива-

¹⁾ Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. V.

²⁾ Ср. отзывъ о «Повѣстованіяхъ» въ кнїгѣ Е. Ф. Шумурло: Петръ Ве-
ликій въ русской литературѣ С.-Пб. 1889, стр. 80.

³⁾ Исторія Петра Великаго, т. I, стр. LV—LVI; т. IV, ч. I, стр. 208, 209.

⁴⁾ Критическая оценка отдѣльныхъ разсказовъ отнесена нами въ при-
членія, задачею которыхъ поставлено: 1) указать на источники «Повѣстованій»,
2) дать по возможности хронологическое пріуроченіе разсказываемымъ про-
шествіямъ, и 3) сличить извѣстія «Повѣстованій» съ другими однородными
русскими источниками.

¹⁾ Устряловъ. Исторія Петра В., т. I, стр. LXIV и 822. Переводъ сочи-
ненія Корба былъ сдѣланъ извѣстнымъ Николаемъ Спаорилемъ; рукопись этого
перевода хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F. IV. № 821).

²⁾ Пекарскій. Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. XVII.

вать «Повѣстованій» независимо отъ предослания имъ предсловія.

«Повѣстованій» хотя и наложены въ формѣ отдѣльныхъ рассказовъ безъ хронологической послѣдовательности, однако касаются различныхъ моментовъ жизни Петра съ самой его юности, когда токарь Нартова еще не находился при царѣ. Отсюда ясно, что составитель «Повѣстованій» не могъ руководствоваться только своими личными воспоминаніями и долженъ былъ искать пособія въ другихъ источникахъ. Однѣ изъ нихъ и указаны имъ: это — преданія, слышанныя имъ отъ современниковъ Петра насательно такихъ событий, очевидцемъ которыхъ быть не могъ самъ составитель. На другой же его источникъ обратилъ вниманіе только Устраловъ: это — извѣстія, начертанныя изъ книгъ. Разумѣется, тотъ отдѣль «Повѣстованій», где мы находимъ личные воспоминанія А. К. Нартова, наиболѣе важенъ и любопытенъ, и только этотъ отдѣль можетъ быть названъ «первоисточникомъ» для истории Петра (какъ выразился Пекарский); къ нему то и относятся слова Устралова: «Нельзя думать, чтобы Нартовъ безсовѣтно лгалъ, когда онъ говоритъ: я видѣлъ свои глазами». Но именно для того, чтобы выставить эту существеннѣйшую часть «Повѣстованій» въ ея настоящемъ значеніи, необходимо по возможности отдѣлить отъ нее тѣ рассказы нашего памятника, которые не могутъ быть названы рассказами очевидца. Притомъ, наблюдая пріемы, употребленные составителемъ при пользованіи устными преданіями и въ особенности книжными источниками, мы получимъ возможность сдѣлать заключеніе о томъ, на сколько онъ вообще умѣлъ сохранять историческую точность. Итакъ, составъ «Повѣстованій» необходимо рассматривать сообразно тремъ вышеуказаннымъ отдѣламъ.

Изъ 162 рассказовъ нашего памятника для 35 намъ удалось опредѣлить печатные источники болѣе или менѣе точно. Изъ сличеній, сдѣланыхъ въ примѣчаніяхъ къ издаваемому тексту, обнаруживается, что подъ руками составителя «Повѣстованій» несомнѣнно находилась слѣдующія печатныя книги:

1) *Mémoires du règne de Pierre le Grand*, изданныя въ Гагѣ въ 1725—1726 годахъ Жаномъ Руссе подъ псевдонимомъ барона Nestesuranoи.

2) *Histoire de Charles XII* Вольтера, первое изданіе которой относится къ 1731 году.

3) *Histoire de Pierre, surnommé le Grand*, Элеазара Мопильона, дважды изданная въ 1742 году въ Амстердамѣ и Лейденѣ¹⁾.

4) *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* Вольтера, которая появилась въ светѣ впервые въ 1761—1763 годахъ.

5) Журналъ измѣнений въ запискахъ Государя Императора Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштадтскаго мира. Собралъ князь М. Щербатовъ. С.-Пб. 1770—1772.

Кромѣ названныхъ сочиненій, можно предполагать, что составителю «Повѣстованій» служила пособіемъ еще другія печатныя книги, упомянутыя въ примѣчаніяхъ къ разсказамъ 96-му, 124-му, 126-му и 142-му. За то дневника Корба, въ которомъ Устраловъ искалъ источника для некоторыхъ разсказовъ Нартова, мы не включаемъ въ нашъ перечень, потому что все сходное въ «Повѣстованіяхъ» съ извѣстіями Корба сообщено и Мопильономъ, пользовавшимся рѣдкою книгой австрійского дипломата; трудно согласиться съ предположеніемъ Устралова, чтобы составителю «Повѣстованій» быть извѣстенъ русскій рукописный переводъ Корба, безъ сомнѣнія, хранившійся подъ секретомъ, особенно если приглядѣть во вниманіе, что въ царскомъ памятнике не видно никакихъ слѣдовъ заимствованія изъ русскихъ рукописныхъ источниковъ, гораздо болѣе доступныхъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, каковы: записки Крекшина, Матвеева и проч. Во всякомъ случаѣ, приведенный нами списокъ печатныхъ источниковъ, употребленныхъ при составленіи «Повѣстованій»

¹⁾ Ссылки на это сочиненіе въ нашихъ примѣчаніяхъ относятся къ трехтомному изданію въ 12-ю долю листа.

ваний», несомнѣнно доказываетъ, что этотъ сборникъ разсказовъ о Петре Великомъ не былъ оконченъ въ 1727 году (какъ увѣряетъ предисловіе), и редакцію его, до настѣнъ дошедшую, слѣдуетъ пріурочивать не ранѣе, какъ къ семидесятымъ годамъ прошлаго вѣка.

Пріемы, употребляемые составителемъ «Повѣствованій» при пользованіи книжными источниками, не особенно сложны. Два разсказа (17-й и 20-й) составляютъ почти выписку изъ «Журнала» Петра Великаго, лишь слегка сокращенную противъ подлинника и чѣсколько подновленную въ языке. Въ двухъ другихъ разсказахъ (25-мъ и 111-мъ) составитель беретъ изъ того же «Журнала» кое-какія частности, но именно такого рода, которыя не могли быть ему извѣстны безъ пособія названнаго источника. Наконецъ, еще въ одномъ разсказѣ (47-мъ) сообщеніе «Журнала» воспроизводится съ собственными добавленіями составителя «Повѣствованій». Въ пользованіи французскими книгами замѣчается чѣсколько большее разнообразіе пріемовъ: иѣкоторые разсказы (например, 1-й, 2-й и мн. др.) представляютъ почти прямой переводъ изъ Руссе или Мовилльона; вны (например, 7-й, 123-й и проч.) передаютъ французскій подлинникъ въ сокращеніи и съ измѣненіями; затѣмъ, есть такіе разсказы, гдѣ изъ французскихъ книгъ заимствуются только сущность фактovъ, даты и отдельныя подробности, и все это излагается собственными словами составителя въ сопровождении его прибавками; таковы въ особенности разсказы насательно пребыванія Петра во Франціи и Австрійскихъ Нидерландахъ (125-й, 127-й, 133-й, 135-й и проч.). Сочиненіе Мовилльона, очень богатое анекдотическими подробностями за первую половину Петрова царствованія, было особенно пригодно для извлечений, и составитель нашего памятника пользуется этой книгой особенно охотно. Разумѣется, ствѣтвенность за достовѣрность извѣстій, почерпнутыхъ изъ чужихъ книгъ, падаетъ на авторовъ послѣднихъ, а не на составителя «Повѣствованій»; но для его характеристики любопытно отметить его обычай присоединять свои дополненія ко взятой изъ чужой книги

основѣ фактической или хронологической: дополненіе обыкновенно состоитъ въ томъ, что приводится изреченіе Петра, будто бы сказанное имъ по тому или другому случаю; но рѣчамъ этимъ придается всегда особый правоучительный смыслъ, отзывающійся сочинительствомъ и потому подозрительный. Что составитель «Повѣствованій» вообще не чуждъ сочинительства, обѣ этомъ можно судить, напримѣръ, по разсказу 18-му, гдѣ онъ не затруднился вложить въ уста самого Петра разсужденія, высказанныя французскимъ писателемъ отъ своего лица. А какъ мало критического такта обнаруживалъ составитель при пользованіи иностранными источниками, это всего лучше доказываетъ разсказъ 142-й: сообщаемая здѣсь рѣчи, будто бы сказанныя Петромъ при посыщеніи Парижской обсерваторіи, очевидно вымысленныя; они извлечены изъ французской книги, содержащей въ себѣ вовсе не историческое повѣствование о пребываніи Русскаго царя въ Парижъ, а сатиру на нравы французского общества.

Другой отдѣль въ «Повѣствованіяхъ» составляютъ тѣ разсказы, которые взяты изъ устнаго преданія. Отличать ихъ отъ тѣхъ, которые могутъ быть признаны за собственные воспоминанія А. К. Нартова, не всегда возможно, и потому мы не рѣшаемся выставить точную цифру первыхъ. Замѣтимъ только, что количество разсказовъ не книжного происхожденія, относящихся ко времени до 1712 года (когда токарь Нартовъ былъ взятъ на службу къ царю), или мѣсто дѣйствія которыхъ само указываетъ, что любимый мастеръ Петра не могъ быть очевидцемъ описываемыхъ происшествій, простирается до 40. Составитель «Повѣствованій» не считалъ пужнымъ объяснять, какимъ путемъ дошло до него то или другое преданіе, и только въ немногихъ случаяхъ упоминаетъ о лицахъ, разсказывавшихъ ему обѣ извѣстномъ происшествія; такъ, говоря о пребываніи Петра Великаго въ Англіи, онъ ссылается на графа А. А. Матвѣева и А. П. Бесселовскаго (разсказы 4-й и 12-й), говоря о Персидскомъ походѣ — на Ф. И. Соймонова и В. Я. Левашова (разсказы 94-й—96-й), а приводя сужденіе Петра о царевичѣ Софѣ (разсказъ 150-й) — на

кияэл И. Ю. Трубецкого; однако, пробырка этихъ ссылокъ убѣждаетъ въ томъ, что они не вполнѣ точны: изъ семи рассказовъ о поѣздахъ Петра въ Англию два (4-й и 12-й) оказываются книжнаго происхожденія, и ихъ приходится исключить изъ числа основанныхъ на устномъ преданіи. То же должно сказать и о рассказахъ 96-мъ и 150-мъ.

Подобные неточности въ редакціи нашего памятника служатъ, конечно, доказательствомъ тому, что на него легли различные литературные наслогія; однако это еще не даетъ права совершенно отвергать историческое значеніе внесенныхъ въ него преданій. Если, съ одной стороны, еще Устрядовъ указывалъ, что иѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ не заслуживаютъ довѣрія (см. примѣчанія къ рассказамъ 27-му, 44-му и 48-му), то съ другой — въ нашемъ памятнику есть въ такіе основанные на устномъ преданіи разсказы, которые успѣшно выдерживаютъ пробырку по подлиннымъ документамъ; таковъ, напримѣръ, разсказъ 129-й, подробности котораго почти дословно подтверждаются недавно обнародованнымъ свидѣтельствомъ французскихъ архивовъ. Геніальна и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени своеобразная личность Петра должна была глубоко запечатлѣться въ памяти современниковъ; разсказъ о немъ ходило очень много въ русскомъ обществѣ, и мудрено было не черпать изъ этого обильного источника: чтобъ даже составитель «Повѣстованій», то же дѣлали и собиратели анекдотовъ о Петре — Штелинъ и Голиковъ¹); не удивительно поэтому, что у послѣднихъ находится довольно много разсказовъ, занесенныхъ и въ «Повѣстованія» (см. примѣчанія къ разсказамъ 13-му, 31-му, 33-му, 45-му, 50-му, 56-му, 76-му, 81-му и др.). Такимъ образомъ, эти три сборника служить къ взаимной проверкѣ другъ друга и все три даютъ намъ повѣтіе о томъ, какое представление сохранили о Петре люди, лично видѣвшіе и знали его. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, преданіе отчасти

идеализировало дѣйствительное историческое лицо: воссоздаваемый воспоминаніемъ, Петръ, согласно понятіямъ и вкусамъ XVIII вѣка, явился въ образѣ классическаго героя и мудреца. Таковъ онъ и въ разсказахъ нашего памятника, основанныхъ на устномъ преданіи: въ нихъ по преимуществу огль изображается привѣромъ высокой царской доблести, и въ уста его влагаются многозначительные нравственные и политические афоризмы (см. напримѣръ, разсказы 6-й, 28-й, 78-й, 99-й, 145-й и др.).

Гораздо проще и естественнѣе рисуется Петръ въ той части «Повѣстованій», которая содержитъ въ себѣ непосредственный воспоминанія А. К. Нартова. Разсказы этого рода составляютъ около половины нашего памятника. Мы уже знаемъ, что они могутъ касаться событий не ранѣе 1712 года, а затѣмъ они идутъ до самой кончины государя. Но въ этого периода въ двѣнадцать съ небольшимъ лѣтъ слѣдуетъ еще вычесть, впервыхъ, довольно продолжительныи отлучки царя изъ Петербурга (гдѣ проживалъ постоянно его любимый токарь) въ разное время, и во вторыхъ, около двухъ лѣтъ съ половины 1718 года по 1720, когда А. К. Нартовъ находился за границей. Такимъ образомъ разсказы, содержащіе въ себѣ личныя воспоминанія А. К. Нартова, относятся главнымъ образомъ къ послѣднимъ пяти-шести годамъ жизни великаго государя; такихъ разсказовъ можно насчитать въ «Повѣстованіяхъ» не менѣе 35. Въ иѣкоторыхъ изъ нихъ Нартовъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ; въ другихъ онъ упоминается только какъ очевидецъ и молчаливый слушатель; въ третьихъ его присутствіе при описываемомъ только подразумѣвается, но съ полнымъ вѣроатіемъ, ибо дѣйствіе разсказа происходитъ въ токарной, веѣдко замѣнявшей Петру кабинетъ; наконецъ, есть и такие разсказы, въ которыхъ присутствіе Нартова при описываемомъ не засвидѣтельствовано никакимъ осознательнымъ признакомъ, но достовѣрность которыхъ можетъ быть подтверждена либо посторонними показаніями (напримѣръ, разсказы 106-й, 157-й и 159-й), либо соображеніями внутренняго свойства; такъ, Соловьевъ не затруднился воспользоваться извѣ-

¹) Въ примѣчаніяхъ ссылки на «Анекдоты» Штелина относятся къ русскому петербургскому изданию 1787 года (переводъ К. Рембозского), а ссылки на «Анекдоты» Голикова — къ московскому изданию 1798 года.

стями «Повѣствованій», относящимся ко времени суда надъ царевичемъ Алексѣемъ (рассказы 154-й—156-й и 158-й), потому что видѣлъ въ нихъ вѣрное изображеніе душевнаго состоянія Петра въ эти тягостныя минуты. Рассказы нашего памятника, содержащіе въ себѣ личныя воспоминанія А. К. Нартова, внушаютъ къ себѣ тѣмъ большее довѣріе, что въ нихъ пестро переплетано важное съ неважнымъ, шутки Петра съ его серьезными рѣчами: видно, что вспоминавшій о царь вѣрный слуга его любилъ государя какъ человѣка и, высоко цѣля его достоинства, умѣль прощать ему его слабости. Самыя рѣчи Петра, приводимыя въ этомъ отдѣлѣ «Повѣствованій», отличаются простотой, свойственною здравому смыслу, и совершенно не похожи на тѣ высокопарныя изречения, которыя приписали великому государю преданіе, и которыя встречаются въ другихъ отдѣлахъ нашего памятника.

Но, отдавая полную справедливость этой важнейшей части «Повѣствованій», нельзя не сдѣлать одного замѣчанія касательно самой личности того Петрова любимица, съ именемъ котораго должно до- шло до насъ это сочиненіе. Нѣкоторые разсказы, касающіеся до самого токаря Нартова, оказываются не вполнѣ точными (см. примѣчанія къ разсказамъ 64-му и 113-му); въ нихъ можно под- мѣтить желаніе какъ бы преувеличить значеніе Нартова при царѣ: слабость довольно невинной и очень часто встрѣчающейся у авторовъ мемуаровъ; въ данномъ же случаѣ это стремленіе стоять, по видимому, въ связи съ вопросомъ о составленіи «По- вѣствованій», а потому мы къ нему и обратимся.

Изъ разсмотрѣнія того отдѣла нашего памятника, который содержитъ въ себѣ заимствованія изъ печатныхъ книгъ, мы уже сдѣлали заключеніе, что «Повѣстованиѣ» дошли до насъ въ редакціи, относящейся къ семидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. А таинъ какъ Андрей Костантиновичъ Нартовъ умеръ еще въ 1756 году, то очевидно, редакція эта принадлежитъ не ему. Нельзя предположить и того, чтобы А. К. Нартовъ занимался обработкой «Повѣстований», напримѣръ, въ сероковыхъ годахъ, то-есть, вскорѣ

по выходе сочинения Мовильона: такое предположение не возможно потому, что токарь Нартовъ хоть и былъ въ это время советникомъ Академіи Наукъ, однако не обладалъ хорошимъ званіемъ иностраныхъ языковъ; по крайней мѣрѣ неблагопріятель его, известный Шумахеръ, далъ о немъ въ 1742 году такой отзывъ: «Онъ, Нартовъ, въ званіи чужестраныхъ языковъ необыкновенъ, а писать и читать не умѣетъ и въ пристойныхъ ко ѿной Академіи ученіяхъ не бывалъ, ибо кромѣ токарного художества не знаетъ»⁴). Какъ бы мы ни смягчали рѣзкость этого отзыва, недостаточность образования А. К. Нартова должна остаться въ сомнѣніи: почтенный токарь Петра Великаго могъ проявить себя въ академическихъ дѣлахъ добрымъ латристомъ, могъ быть правъ въ своихъ обличеніяхъ на Шумахера и его клевретовъ, но очевидно, не былъ образованнымъ человѣкомъ, не былъ въ состояніи пользоваться французскими книгами, да можетъ быть, и по русски-то писать плохо, во всякомъ случаѣ нелитературно: прошеніе, поданное имъ Петру въ 1723 году, писано не имъ самимъ, а другимъ лицомъ по его просьбѣ; бумаги и письма по академическимъ дѣламъ, сохранившіяся за его подписью, также, вероятно, составлены не имъ лично⁵). Изъ всего этого слѣдуетъ, что участіе А. К. Нартова въ сочиненіи «Повѣ-

1) Пекарский, История Имп. Академии Наукъ, т. II, стр. XI. — Сколько-
нибудь полной биографии А. К. Нартова до сихъ поръ не существуетъ; извѣ-
стія о молодости его почерпаются изъ «Позѣтствахій», а свѣдѣнія обѣ его
академической службѣ можно находить въ вышеупомянутомъ труда Пекар-
ского, въ «Матеріалахъ для биографіи Локоносова», собранныхъ Ш. С. Би-
лярскимъ, и въ «Матеріалахъ для истории Имп. Академіи Наукъ», издава-
емыхъ подъ редакціей М. И. Сухомлинова; справедливая оценка дѣятельно-
сти Нартова, искъ соавтника академической канцеляріи, сдѣлана О. М. Со-
ловьевымъ въ его «Исторіи Россіи», т. XXII, стр. 278—288. О трудахъ Нар-
това по артиллерійскому вѣдоиству ничего не известно въ печати. Въ при-
ложении къ настоящему изведенію мы печатаемъ два документа, дополняющіе
биографическія извѣстія о Нартовѣ.

²⁾ Нѣкоторые изъ этихъ документовъ напечатаны въ «Материалахъ для истории Имп. Академіи Наукъ»; кроме того, въ сочиненіяхъ кнеза А. Д. Кантакзора, т. II, издано офиціальное письмо къ нему Нартова, какъ соѣдникъ академической канцеляріи.

ствованій» можетъ быть допущено лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, и что настоящаго составителя и редактора этого сбераника разсказовъ о Петре Великомъ слѣдуетъ искать въ другомъ лицѣ: это могъ быть только человѣкъ, жившій уже во второй, а не въ первой половинѣ прошлаго вѣка, знавшій иностранные языки (по крайней мѣрѣ французскій), образованный литературно (объ этомъ свидѣтельствуетъ слогъ «Повѣстованій») и, наконецъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ А. К. Нартову на столько, что могъ слышать его разсказы о Петре или же получить отъ него письменное изложеніе его воспоминаній о Петровскомъ времени.

Кажется, что самаяѣроятная догадка въ этомъ отношеніи должна обратить наше вниманіе на младшаго сына Андрея Константиновича — Андрея Андреевича Нартова. Онъ родился въ 1737 году, учился сперва при Академіи, а потомъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, съ 1755 года служилъ въ военной службѣ, затѣмъ по горному вѣдомству и кончилъ жизнь въ 1813 году въ званіи президента Россійской академіи. Въ теченіе своей долгой жизни А. А. Нартовъ постоянно и дѣятельно занимался литературой, писалъ стихи и посвящалъ себя переводамъ; многое изъ нихъ было напечатано, но кое-что осталось въ рукописи¹⁾. Съ 1772 по 1774 годъ А. А. Нартовъ, выѣхавъ съ княземъ М. М. Щербатовымъ и М. М. Херасковымъ, состоялъ членомъ учрежденныхъ по волѣ императрицы Екатерины II комитетовъ «для составленія медаллической со временемъ государя императора Петра Великаго исторіи», сочинялъ проекты историческихъ медалей и составлялъ объясненія къ нимъ²⁾. Для

¹⁾ Біографическая и бібліографическая сѣдѣнія объ А. А. Нартовѣ сбраны М. Н. Долгиковымъ въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 581—584; см. кроме того записки А. Т. Болотова и С. А. Порошина, «Материалы для истории русской литературы», изданные П. А. Ефремовымъ, и «Драматический Словарь» 1787 года.

²⁾ См. статью А. И. Артемьевъ о медальномъ комитете при императрицѣ Екатеринѣ II въ «Запискахъ Русского Археологического Общества», т. III, и того же автора: Описание рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ Имп.

этой работы А. А. Нартову приходилось изучать исторію Петра Великаго, и весьма естественно, что при недостаткѣ русскихъ сочиненій по этому предмету въ тогдашнее время онъ принужденъ былъ обращаться къ пособіямъ иностраннѣмъ: такимъ образомъ могъ онъ познакомиться между прочимъ съ сочиненіемъ Мовильона, которое тѣмъ болѣе было интересно для него, что оба изданія этой книги украшены изображеніями медалей, выбитыхъ еще въ царствование самого Петра. Къ порѣ тѣхъ же работъ А. А. Нартова относится,ѣроятно, и составленіе «Повѣстованій», труда, въ числѣ материаловъ котораго являются, съ одной стороны, печатные пособія — книги Мовильона, Руссе и только что издаванный въ 1770—1772 годахъ «Журналъ» Петра Великаго, а съ другой — рукописные воспоминанія о славномъ государѣ, оставленыя его любимымъ токаремъ. Вышѣ мы видѣли, какіе литературные приемы употреблялъ составитель «Повѣстованій» при пользованіи печатными источниками: между прочимъ онъ исправлялъ слогъ «Журнала» Петра Великаго; безъ сомнѣнія, также поступалъ онъ и при обработкѣ записокъ токаря Нартова. Итакъ, въ томъ памятнику, который дошелъ до насъ и здѣсь издается, нельзя видѣть подлинника этихъ записокъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ подлинникъ лежъ въ основу многихъ и притомъ любопытѣйшихъ статей въ издаваемыхъ «Повѣстованіяхъ». Возможно и то, что этотъ подлинникъ былъ дѣйствительно оконченъ Нартовымъ старшинъ въ 1727 году, какъ утверждаетъ предисловіе; но позднѣйшій составитель «Повѣстованій» — Нартовъ жаждій — погрѣшасть предъ истиной, выдать свою «Повѣстованія» исключительно за сочиненіе своего отца. Замѣтимъ еще, что, обработывая отцовскія записки, А. А. Нартовъ не ограничился, по видимому, передѣлкой одного ихъ слога, но коснулся отчасти ихъ содержанія: только такимъ образомъ можно объяснять себѣ тѣ неточности въ свѣ-

Казанского университета, стр. 77 и слѣд. Въ той же бібліотекѣ находятся и некоторые (не издаваемые переводы А. А. Нартова.

дѣніяхъ о токарѣ Нартовѣ, которыя поражаютъ въ рассказахъ 64-мъ и 113-мъ и въ предисловіи; но проявленное здѣсь составителемъ желаніе возвысить значеніе своего отца при царѣ встрѣтило себѣ разоблаченіе въ архивныхъ документахъ за подписью самого токарного мастера.

Послѣ всего сказаннаго очевидно, что на «Повѣствованіи» нельзя смотрѣть какъ на историческій памятникъ, принадлежащій непосредственно Петровскому времени; это—произведеніе болѣе позднѣе, и притомъ сложнаго состава, въ которомъ нужно отдѣлять нѣсколько литературныхъ наслойній въ зависимости отъ его различныхъ источниковъ. Нѣкоторыя части «Повѣствованія» не имѣютъ никакого историческаго значенія, будучи повтореніемъ чужихъ печатныхъ извѣстій; другія, воспроизведенія преданія о Петрѣ, приравниваются къ позднѣшему анекдотическому сборникамъ, и только за тѣми статьями нашего памятника должна быть признана несомнѣннаяѣнность, въ которыхъ мы слышимъ голосъ очевидца, къ сожалѣнію, звучащій не всегда съ желаемою отчетливостью.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Челобитная А. К. Нартова императору Петру I, 1723 года¹⁾.

Всеславѣтѣйшій, державаційшій императоръ и самодержецъ всероссійскій Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостійшій Вашему императорскому величеству работаги я, нижайший рабъ, съ прошлаго 17[0]9-го года въ Москвѣ, въ Сухоревской башнѣ; послѣ умершаго токарного мастера Егора Бѣвера отдаво миѣ было подъ охраненіе токарные машины; а въ 712-мъ году взять я въ Санктпетербургъ въ токаремъ вашего величества и обрѣтасъ довѣрь при всякой токарной работѣ; а въ 716-мъ²⁾ году посланъ я бытъ, нижайший, по вашему императорскому величеству указу во скрестыне государства для токарныхъ

¹⁾ Государственный архивъ, кабинетскія дѣла, отдѣленіе II, книга 65, лл. 160, 161. Копія сообщена академікомъ А. Ф. Бычковымъ.

²⁾ Такъ въ подлиннике, но это показаніе ошибочно: посланія Нартова за границу состоялось въ іюнѣ 1718 года.

машины и проточить къ тому принадлежащіе дѣла, и привезены оные дѣла въ Санктпетербургъ, а вашего императорскаго величества ходатайство опредѣлено мнѣ только по тринадцати рублей на годъ противъ корабельныхъ подмастерьевъ; а піять я, нижайший, отправляю дѣла послѣ токарного мастера Юрия Курносова, и жалованія ему давалось въ годъ по четыреста по пятидесяти рубльевъ, такожь ему была піять и въ пятидцати толкаю же чисто, итого въ годъ давать сотъ рубльевъ; а въ выѣздахъ 1723-мъ году марта 5-го дня по піятьному вашему императорскому величеству указу явежено послѣ умершаго мастера Зингера дѣла его вѣдать и отправлять иск., вѣжайшему, а вашего императорскаго величества жалованія получали отъ Зингера въ годъ по тысяче рублей, да коромысла девятери па мѣсяцъ по сороку по четыре рубли; да мнѣ мнѣ приказано, чтобы адѣлатъ машину, что сильнѣй тягнуть; а съѣзжаніе дѣла подицуса отправлять съ величиемъ пріѣзжаніемъ и со усердіемъ безъ замедленія; и вышесказанные жалованія достовѣрата мнѣ икъ по которой иѣрѣ не возможно, понеже я, нижайший, имѣю себѣ немалую нужду, что піять живу въ чужой квартирѣ, а за квартиру по кабинету вашего императорскаго величества денегъ не выдаются другой годъ; также къ своему двору къ строевіи съ па протягіе домашнія вужды занимавъ денегъ и имѣю па себѣ долгъ съ семидесятъ рубльевъ, а заплатить мнѣ онаго долга піять чечѣнь, понеже съѣзжаніи хотятъ меня зарестовать. Всемилостійшій государь, прошу вашего императорскаго величества да повелите державотво вашо мнѣ нижайшему училить камого императорскаго величества жалованія противъ машинного мастера Апраксина Малерова, понеже онъ получаетъ вашего императорскаго величества жалованія въ годъ по штиссотъ рубльевъ; такожь и вышесказанніе долгіе заемные деньги державотво мнѣ и за квартиру, въ которой я піять живу, дабы понеѣтъ было занять по кабинету вашего императорскаго величества. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ, механикъ токарныхъ и рѣзныхъ дѣлъ мастеръ Андрей Нартовъ, марта въ день 1723 году. Челобитную писалъ во прошевію однаго мастера Андрея Нартова глашой артиллерійской канцеляріи конфѣрентъ Федоръ Шестаковъ. Андрей Нартовъ.

II.

Доказаніе А. К. Нартова въ Канцелярію Академіи Наукъ, 1754 года¹⁾.

Въ канцелярію академіи поступъ доношеніе.

Въ присланномъ по мнѣ сего 1754-го года февраля 22-дня указѣ, по которому, въ силѣ піятьного Ея Императорскаго Величества указа, вѣдѣло подать мнѣ въ речеюю канцелярію академіи науки, къ сочиненію генеральной єдомости о службѣ моей къ подачѣ въ герольдъ-мей-

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, кн. 2382, лл. 22—24. На верху документа помѣта: «Подано 5 марта 1754 года».

стерскую контору и всяхъ обрѣгахшихъ при дѣлѣ Ея Императорскаго Величества гражданскихъ чинахъ, состоящихъ въ генералитетскихъ, штабъ- и оберъ-офицерскихъ чинахъ и рангахъ по имянно, со определеннымъ жалованьемъ, и по какимъ указамъ, и въ которыхъ мѣстахъ, и сколько кому отъ рода хѣта, и у кого сколько имѣть быть мужска полу дѣтей, и въ каковы хѣта, и где на смотрѣ явлени и имѣть въ службахъ какъ въ учваихъ находятся, и сколько за ейсъ мужска полу дѣтей и крестьянъ и въ которыхъ уѣздахъ.

Того ради канцелярии академіи наукъ при семъ моемъ предписанномъ довошении во извѣстие вложившимъ пунктии предлагаю.

1.

При благоподіи царствованіи блаженныи и вѣчнодостойныи памяти государя императора Петра Великаго пять и быль, по имянному Его Величества указу, въ 714 году изъ вѣдомства адмиралтейской московской канцелярии изъ Санктъ-Петербургъ ко двору Его Величества и опредѣленъ въ лабораторію къ механическому искусству механикомъ, которой чинъ состоять въ разгѣ по табелѣ праирѣщемъ, и со определеннымъ жалованьемъ потристата рублья на годъ, и быль по 718 годъ.

2.

Въ томъ же 718-мъ году посланъ я быть, по имяному же блаженныи и вѣчно достойныи памяти государя императора Петра Великаго указу, въ иностранніи европейскіи государства и быль по 720-й годъ, а въ томъ же году возвратясь по сихъ имѣннаго указу въ Санктъ-Петербургъ и будучи при дворѣ Его Величества по прежнему при своей механической должности безотлучно, за что соизволили усмотрѣть прозорливыи отчами блаженныи и вѣчно достойныи памяти государь императоръ Петръ Великій и указалъ имяннымъ своимъ указомъ наградить меня прибавкою жалованья по шестисотъ рублья на годъ.

3.

Въ 726 году, во дни благополучнаго царствованія блаженныи и вѣчнодостойныи памяти Ея Императорскаго Величества, государыи императрицы Екатерины Алексѣевны, имѣнныи указомъ посланъ быль я въ Москвуъ съ генераломъ Болковымъ въ монетные дворы для передѣлу монеты двухъ миллионовъ и въ произведенію иною къ павутчemu механическому искусству въ дѣлѣстве произведены въ монетномъ дѣлу многіи машины.

4.

Въ 728-мъ году, въ царствованіе блаженныи и вѣчно достойныи памяти государя императора Петра Второго, по присланному ко мнѣ изъ государственной военой коллегиѣ указу, отправляясь быль по должности моего механическаго искусства на Сестрорѣцкіе заводы для передѣлу въ монету двадцати тысячной пудовъ красной мѣдї.

5.

А изъ 733 года, при живеніи блаженныи и вѣчно достойныи памяти государини императрицы Анны Иоанновны, имѣнныи указомъ за подписаніемъ собственныи рукъ, пожаловать я изъ мѣдальонъ иссесоромъ и опредѣленъ въ присутствіе на монетные дворы въ Москву, во учрежденную вторую экспедицію, съ прежнимъ монѣтъ складомъ по шестисотъ рублья на годъ, и сверхъ означеннай должности некѣно быть мнѣ при звѣнь большого Успенскаго колокола.

6.

Въ 735-мъ году, по изоустному указу блаженныи и вѣчно достойныи памяти государини императрицы Анны Иоанновны, имѣнныи токарныхъ курносики машинъ со инструментами отъ дворы яхъ величества подъ охраненіе къ вѣдомство академіи наукъ съ находившимися при томъ учениками и мастеровыми людьми; потому и я изъ Москвы взять съ монетныхъ дворовъ изъ второй экспедиціи, по пиканому же указу, въ томъ же 735-мъ году и опредѣленъ по должности моего искусства въ лабораторію къ механическимъ токарнымъ машинамъ и инструментамъ, притомъ я даваясь мнѣ подъ команду находившемое тогда ученика и мастеровые люди, и быль при академіи наукъ съ складомъ моимъ при учрежденной экспедиціи ассесоромъ и жалованью получать изъ положеній академической суммы по шестисотъ рублья на годъ и бракъ по 746 году.

7.

Въ 746-мъ году, во изобрѣтеніи иною касающемся до артиллерийскаго военнаго снаряда разныхъ плавашемъ, чего въ Россіи еще не было, изъ пріращенія Ея Императорскаго Величества интересу, за что и пожаловалъ я, имѣнныи Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныи рукъ указомъ, кондѣжнныи соѣтникомъ съ прібавкою годового денежнаго жалованья по тысячи подѣльть рублья на годъ, получая изъ лотатѣ-конторы, и по имѣнѣ и при положеніихъ на мѣс., тѣ спку имѣннаго Ея Императорскаго Величества указу, трудахъ съ неусыпными моими рабочемъ и по пропажѣ моей должности находжуъ всегда безотлучно при академіи наукъ, при главной артиллеріи и форгофикації, при адмиралтейской коллегиѣ и въ прочихъ по наданіемъ указомъ мѣстахъ, что по искусству моему касаться можетъ, исправляю и по пытѣ.

8.

Въ 747-мъ году, по указу правительствующаго сената, будучи я при присутствіи господъ сенаторовъ, при его превосходительствѣ, генералѣ и кавалерѣ Александре Борисовиче Бутурлине и при его вѣтительствѣ, тайномъ соѣтникѣ и кавалерѣ князѣ Иване Васильевиче Одуелскому и при прочихъ членахъ и мастерахъ, при Краснѣтатскомъ канапе у раз-

смотришъ яко въ камней, и между симъ усмотрѣю и мною: изъ пускаю ѿ большої канатъ воды надежитъ изъ склонныхъ воротамъ сдѣлать патину и подсиятико ѿ учненіи отъ меня промежутки, и были представлени къ пущему разсмотрѣю ѿ правительствующей сенатъ, которымъ разсмотрѣть, повелѣно было, по присланному ко мнѣ изъ правительствующаго сената указу, чѣльно тѣхъ надежитъ, за прискорѣмъ моими и по показаніямъ отъ меня поделать, дѣлать, которыя и сдѣламъ и утвержденіи вышъ къ тѣхъ сдѣланныхъ воротамъ.

9.

А отъ рода, Андрей Константиновъ сынъ Нартовъ, имѣю себѣ ше-
десять первой годь. И дѣтей у себя имѣю двухъ сыновъ, а внука: Сте-
фафа Андреевъ сынъ Нартовъ, изъ службъ Ея Императорскаго Величе-
ства въ артиллерійской вортицѣ при осадной ротѣ подпоручикомъ; а
отъ рода ему тридесятой годь; Андрей Андреевъ сынъ Нартовъ изъ па-
дегожской вортицѣ въ студентскомъ классѣ, а на смотрѣ былъ въ прави-
тельствующемъ сенатѣ; отъ рода ему седьмой на десять годь.

10.

Сверхъ вышеизданного имѣю у себя крестьянъ, козаковъ именъ
по имѣнію Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственнаго
руки указу изъ 746-го году въ вѣчаое владѣніе изъ Новгородскому уѣзду,
въ разныхъ патинахъ, въ усадищахъ Крючкове сто пятьдесятъ три души,
а людѣй имѣю при себѣ набравшихъ изъ вышеизданного числа крестьянъ
изъ воздушного оклада одиннадцать чалохъ, за которыхъ по тамошней
переписи, и въ числѣ душъ крестьянъ подушный окладъ за нихъ платятъ.

Андрей Нартовъ.

Марта 5 дна
1754 году.

—♦♦♦—

ДОСТОПАМЯТНЫЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ И РѢЧИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Я собирая повѣстование о Петре Великомъ и рѣчи сего [славнаго] монарха, слыша оныя либо устно отъ самого государя, или отъ достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ; и находясь при его императорскомъ величествѣ болѣе двадцати лѣтъ и посия
милость его, бываль я самовидцемъ упражненій и бесѣдъ его;
следовательно, о тѣрості сихъ сказаний никто да не усомнится.

Андрей Нартовъ, дѣйствительный статскій сотѣ-
никъ, Петра Великаго махавикъ и токарного искус-
ства учитель, Императорской Академіи Наукъ и кан-
целярія гвардии артиллеріи и фортификаціи членъ.

Писано мною сие по кончинѣ его величества и кончено въ
1727 году.

1.

Первое путешествіе государя Петра Перваго въ чужія государства.

Слыхалъ ли кто, или читалъ ли кто въ какихъ-либо преданіяхъ,
что бы какой самодержецъ при вступлении своемъ на престоль,
оставя корону, скипетръ и поруча правленіе царства ближ-
нимъ вельможамъ, предпринималъ отдаленное странствованіе по
чужимъ государствамъ единственно только ради того, чтобы
просвѣтить, впервыхъ, себя науками и художествами, имѣть
свиданіе самоличное съ прочими государями, устрои съ ними о
взаимныхъ полезахъ говорить, утвердить дружбу и согласіе, по-
знать правительства ихъ, обозрѣть города, жилища, изыскать

положение мѣсть въ климатовъ, примѣтъя нравы, обычаи и жизнь европейскихъ народовъ, полезное отъ сего перенять, потомъ подобное возвращать въ отечество свое, преобразовать подданныхъ и содѣлать себя достойнымъ владѣтелемъ пространной монархіи? Примѣръ неслыханный, чо въ Россіи самымъ дѣломъ исполненый!]

Усердіе о благѣ и чрезвычайная любовь къ отечеству воспламенили въ великой душѣ двадцатипятилѣтняго царя Петра Алексѣевича такое похвальное желаніе. Сего ради, учредя онъ великое посольство къ европейскимъ державамъ и скрывъ величество сана своего, дабы его не изнали, помѣстилъ себя при томъ частною особою въ лицѣ простаго дворянинна и въ путь при послахъ Лефоргѣ, Головинѣ и Бозицѣ 1697 года марта 9-го дни изъ Москвы оторвался. Путешествіе снаго было чрезъ Лифляндию и городъ Ригу, чрезъ курляндскую Митаву, оттуда въ прусскую столицу Кенигсбергъ, где курфирстъ Фридрихъ III, потомъ король Пруссій, оказалъ отличную посольству почести, и государь съ курфирстомъ возстановилъ искреннюю пріязнь; тутъ же, впервыхъ, его величество дѣлалъ потребныя примѣчанія наставленію своему, ходилъ смотрѣть видѣнія достойное, посещая ремесленниковъ, осматривалъ работу и руководилъ ихъ, знакомился въ университетѣ съ учеными людьми, требовалъ мнѣнія ихъ о заведеніи наукъ въ Россіи, и потомъ съ удовольствіемъ отправился въ посольствѣ чрезъ Брауншвейгскія и Любенбургскія области и чрезъ Вестфалию къ Амстердаму. Но, приближаясь къ голландскимъ границамъ, оставилъ онъ посольство свое и самъ побѣхъ напередъ въ Амстердамъ, который желалъ съ нетерпѣніемъ видѣть. Прибыль онъ туда за пятнадцать дней прежде посольства, имѣя съ собою нѣсколько молодыхъ дворянъ, въ числѣ коихъ находился царевичъ Сибирскій да Меншиковъ, где осмотрѣть артиллерию заслуживающее, удалился немедленно въ Сардамъ въ занятомъ судѣ, которымъ въ одеждахъ матросской управляемъ самъ, и, приставъ къ берегу, выскоилъ первый на землю, чтобы веревкою привязать свое судно, дабы

тѣмъ менѣе могли его узнать. Съ бывшими при немъ вошелъ онъ въ первый вольный домъ; а какъ сіи одѣты были по руски, то скоро вольный домъ наполнился любопытствующими зрителями. Его величество, убѣгая толпы народной, вошелъ въ осѣбую комнату, приказавъ переводчику между черни провѣдать, чѣмъ про него говорятъ. Сказали ему было, что вѣдаются уже о томъ, что Россійский государь находится въ святѣ великаго посольства; а онъ, имѣя отъ государя повелѣніе, уѣхти при семъ народѣ, что они не въ числѣ томъ, а особо посланные сюда учиться корабельному строенію. На другой день его величество нарядился съ бывшими при немъ такъ, какъ одѣваются ватерланцкіе жители, въ короткой бострокѣ краснаго боя и широкіе брюки (штаны) бѣлаго холста; а какъ онъ прежде путешествія своего довольно уже голландскій языкъ разумѣлъ, то сие и помогло ему удовлетворять любопытство свое въ тѣхъ вещахъ, о которыхъ онъ спрашивалъ или которыхъ видѣть и знать желалъ. Здѣсь обучался онъ корабельному строенію, здѣсь работалъ, яко простой плотникъ, и съ товарищами пилъ въѣмѣстѣ; здѣсь имѣлъ знакомство съ лучшими рукодѣльщиками и въ часы отдохновенія учился токарному искусству, а въ Амстердамѣ, съ лучшими художниками, съ мореходцами и съ знатными купцами обходясь, получалъ отъ нихъ разныя сѣдѣнія. Получа онъ въ знаніи корабельного строенія изрядные успѣхи и купя себѣ одно судно, называемое буерь, сдѣлалъ самъ складную мачту, на две части разбирающуюся, каковой до сего не бывало и никто онъ не выдумывалъ. Сія новонизобрѣтенная мачта почтена была такимъ искусствомъ въ мастерствѣ, которое обрѣло ему право принятіемъ быть въ обществѣ корабельныхъ строителей, въ которомъ записанъ былъ подъ именемъ Петра Михайлова; но ему гораздо пріятнѣе было, когда друзья его называли сардамскимъ корабельщикомъ или мастеромъ Питеромъ. На сеѧнъ-то буерь разѣзжалъ онъ въ Амстердамъ и по другимъ мѣстамъ, права онъ имѣлъ самъ, въ молодые дворянне его по званию принуждены были иногда претерпѣвать страхъ, ибо отважный и небоязливый государь въ

самый сильный штурмъ хладнокровно по водѣ странствовалъ. Между прочими особливаго благополучія въ знакомствѣ удостоены были бургомистръ Витсенъ и мореплаватель Мусъ.

Сколько его величество ни скрывалъ о себѣ въ Сардамѣ, однако тайность сія открылась чрезъ одного голландца, получившаго письма изъ Россіи. Монархъ тотчасъ примѣтилъ по принужденному обхожденію товарищей своихъ и по ихъ почтению, чего ибѣсколько ибѣщиковъ не было, и которое ему оказывать начали, что особа его была уже имъ известна; досадовалъ онъ на сіе несказанно, видя, что они съ тѣхъ поръ обращались съ нимъ не столь уже откровенно; сего ради просилъ ихъ, чтобы они на царское достоинство его не смотрѣли и почитали бы его такъ, какъ прежде, говоря имъ прямо по голландски сіе: «Если хотите быть моими друзьями, такъ обходитесь со мною не какъ съ царемъ, а какъ съ своимъ товарищемъ, — иначе лишите меня удовольствія быть вашимъ ученикомъ, ради чего я нарочно сюда прѣѣхалъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте все церемоніи; миѣ свободы тысячу разъ имѣе, нежели несносное принужденіе, которое Сардамцамъ не сродно». Такимъ-то образомъ царь Петръ Алексѣевичъ продолжалъ послѣ свободные труды свои и въ Голландіи получилъ знанія во многихъ наукахъ, а особенно въ математикѣ, архитектурѣ и инженерствѣ, послѣ о себѣ удивленіе во всемъ свѣтѣ.

2.

Царь Петръ Алексѣевичъ по прѣѣздѣ своемъ съ посольствомъ въ городъ Ригу, желая видѣть городскія зданія и крѣпость, яко первые предметы чужестранные, любопытства достойные, ходилъ съ Мешниковымъ и съ прочими молодыми дворянами кругомъ по валу и осматривалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія оной. Губернаторъ графъ Далбергъ, который отъ подчиненныхъ Шведовъ былъ о семъ уведомленъ, тотчасъ возымѣлъ подозрѣніе, приносилъ Леспорту, первому Россійскаго двора послу, за сіе

жалобу, яко бы они крѣпостныя строенія карандашомъ срисовали, требуя отъ него съ угрозами, чтобъ онъ россійскимъ путешественникамъ сіе дѣлать запретилъ; самъ же онъ привелъ шведскимъ офицерамъ и стражамъ за ними строго присматривать и близъ городскаго вала не пускать. Леспортъ, утивнымъ образомъ извиняясь предъ нимъ, что посольство о семъ ничего не вѣдѣтъ, велъ градоначальнику сказать: буде въ свитѣ посольства находящіеся знатные дворяне кругомъ вала ходили, то происходило оное не съ умысла ухищренного, а рада единой прогулки и позво-литънаго, какъ кажется, любопытства путешествующемъ въ чужіе края видѣть славную крѣпость, которой Россіяне никогда не видывали, и если, какъ примѣчаетъ посолъ теперь, сіе не угодно господину губернатору, то увѣряетъ, что сего впредъ не воспослѣдуется. Лесортъ не преминулъ того же вчера донести о темъ неосновательномъ неудовольствіи его величеству. Государь, услышавъ такое странное требование, весьма дивился неучтивому поступку Далберга, поспѣлъ явнымъ себѣ притѣсненіемъ и обидою и съ досадою Леспорту отвѣчалъ: «Такъ ииѣ теперь запрещаются смотрѣть Рижскую крѣпость? Хорошо! Пойдемъ же отсюда скрѣте вонъ; видно, Шведъ настѣ не любить, но я со временемъ увижу ее ближе и, можетъ быть, откажу въ томъ королю Шведскому, въ чемъ ииѣ отказываетъ дерзновенно миѣ Далбергъ».

Такой суровый поступокъ губернатора Далберга, чиненный Россіянамъ угрозы и разнаго рода притѣсненія и, наконецъ, воспіашеніе свободнаго имъ входа въ городъ были явныемъ оскорблѣніемъ не только посольства, но и лица царскаго, отъ чего послѣ воспослѣдовалъ разрывъ сосѣдственныхъ дружбы и возсталъ ужасная война между обоихъ государствъ, которая кончилась къ великому вреду Шведіи и къ бессмертной славѣ Россіи.

3.

Его величество хаживалъ въ Сардамѣ послѣ работы съ товарищами въ одинъ винный погребъ завтракать сельди, сыръ, масло, пить виноградное вино и пиво, гдѣ у хозяина находилась

въ присутствіи одна молодая, рослая и пригожая дѣвка. А какъ государь былъ окотникъ до женщинъ, то и была она предметомъ его забавы. Чрезъ частое свиданіе познакомилась она съ нимъ, и когда государь тамъ ни бывалъ, встрѣчала и провожала его пріятно. Въ воскресный день по утру случилось ему зайти туда одному; хозяинъ и прочие были тогда въ церкви; онъ не хотѣлъ пропустить удобнаго времени, котораго было довольно, для того что предики и служба продолжалась часа три; сѣгъ, завѣтъ съ нею полюбовной разговоръ, приказалъ налить себѣ покаль вина, который принимая одною рукою, а другою обнявъ ее, говорилъ: «Здравствуй, красавица, я тебя люблю!» Выпивъ, поцѣловалъ ее, потомъ поподчиваю тѣль же виномъ ее, выпулъ изъ кармана кошелекъ, полный червонцовъ, отсчиталъ десять червонцовъ и подарилъ дѣвкѣ на ленты. Дѣвка, принявъ подарокъ, смотрѣла на него пристально и продолжала къ нему рѣчь свою такъ: «Я вижу, ты, Питеръ, богатъ, а не простой человѣкъ!» «Я присланъ сюда отъ Московскаго царя учиться корабельному мастерству», отвѣчалъ онъ. «Неправда! Я слышала, здѣсь говорить, что ты царь». «Нѣтъ, милая дѣвушка, цари не плотвичаются и такъ не работаютъ, какъ я; я отъ утра до вечера все на работе». «Это не вѣшаетъ; сказываютъ, что ты учишься для того, чтобы послѣ учить свой народъ». «Ложь, душа, не вѣрь!» Между тѣмъ прижималъ онъ ее къ себѣ крѣпче, а она продолжала любопытствовать и убѣждада, чтобъ онъ сказалъ ей истину. Государь, желая скорѣе бесѣду кончить, говорилъ: «Любовь не разбираетъ чиновъ, такъ вѣдай, я—московскій дворянинъ». «Тѣмъ хуже и неприличнѣе для меня», отвѣчала она;—«свольтаго народа свободная дѣвка не можетъ любить дворянина; я сердца своего ему не отдамъ». При сего словѣ хотѣлъ было озъ ее поцѣловать, но она, не допустивъ, пошла отъ него прочь. Государь, видя, что иначе раздѣлаться съ нею не можно, какъ сказать яснѣе, удержанъ и спросилъ ее: «А сардамскаго корабельщика и Русскаго царя полюбила ли бы ты?» На сіе улыбнувшись, весело вдругъ сказала: «Это, Питеръ, дѣло другое. Ему сердца не откажу и любить буду».

«Такъ люби же во мнѣ и того, и другого, только не сказывайши кому, буде впредъ видѣться со мною хочешь»—чтѣ она ему и обыщала. Потомъ онъ далъ ей пятьдесятъ червонцовъ и поспѣлъ съ удовольствіемъ домой. Послѣ сего, во все пребываніе свое въ Сардамъ, когда надобно было, имѣлъ ее въ своей квартирѣ и при отѣздѣ на приданое пожаловалъ ей триста талеровъ. Картина сего любовнаго приключенія нарисована была масляными красками въ Голландіи, на которой представленъ его величество съ тою дѣвкою весьма похожими. Сію картину привезъ государь съ собою и въ память поставилъ сную въ Петергофскомъ дворцѣ, которую и понынѣ тамъ видѣть можно.

4.

Царь Петръ Алексѣевичъ, во полученіи довольно праѣтическаго знанія въ Голландіи морскихъ производствъ, въ началѣ 1698 года воспіялъ намѣреніе отправиться къ Англію, дабы корабельному строенію и флотскимъ обращеніямъ обучиться тамъ основательнѣе. Король Англійскій Вильгельмъ III приспалъ адмирала Митчела съ эскадрою въ Голландію для отвезенія его величества съ посольствомъ въ Лондонъ. Государь прибылъ благополучно въ Гарвичъ, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ приготовленъ былъ для него и для посольства его великолѣпный домъ близъ рѣки въ Эркъ-Бильдингѣ, который онъ оставилъ посольству, а самъ, съ малымъ числомъ любимыхъ людей, перебѣжалъ жить въ Депфордъ, въ квартиру Эвелена, по близости корабельной верфи, для того, чтобы удобнѣе видѣть ему строеніе кораблей, имѣть обхожденіе съ мастерами и научиться у нихъ конструкціи военныхъ и купеческихъ судовъ, при чемъ часто самъ монархъ руками своими трудился. Маркизъ Кармартенъ и Деанъ, первый—командующій на морѣ, а другой—искусный корабельный мастеръ, были тѣ особы, съ которыми младый государь имѣлъ всегдашнее обхожденіе, и отъ которыхъ онъ получалъ удовлетворительныя вѣданія свѣдѣнія. Между тѣмъ монархъ часто видался и гово-

риваль дружески съ королемъ, осматривалъ въ Лондонѣ зреіній достойное, пріимѣчалъ нравы жителей, правление, бесѣдовалъ съ художниками и учеными людьми; въ корабельницкомъ платьѣ захаживалъ въ кофейные дома и къ ремесленникамъ, а чтобы не признавали его, наливалъ шляпу расщепленную и низко на брови сдвинутую. Но вичто не произвело въ немъ толикаго утѣшения и удовольствія, какъ то, что король приказалъ адмиралу Митшелюѣхать съ царемъ въ Портсмутъ и, въ присутствіи его величества, находившійся флотъ въ Сплітадѣ показать на морѣ и учить пріимѣрное корабельному сраженію и прочія зволюціи. Возвратясь изъ Портсмута, ѿездилъ въ Оксфордскій университетъ, собирая модели для отечества своего, бывалъ въ церквяхъ во время службы и церемоніальныхъ обрядовъ и послѣ посыпалъ архіепископа Кантербургскаго. Король подарила Петру Алексѣевичу прекрасную яхту новую, съ двадцати-четырехъ пушкахъ вооруженную, на которой государь отправлялъ въ городъ Архангельской принятыхъ въ службу свою морскихъ англичанскіхъ офицеровъ, художниковъ, мастеровъ и корабельщиковъ, между коими находился и славный математикъ господинъ Фергусонъ, котораго у насъ въ Россіи неправильно называли Фраферсономъ, и который первый учредилъ математическую, навигаціонную и астрономическую школу. Наконецъ, царь Петръ простясь съ королемъ, великодушно съ посольствомъ угощенъ былъ у герцога Леедса¹⁾ въ домѣ его въ Вимблстонѣ на Темзѣ и послѣ на трехъ яхтахъ, приславшихъ отъ короля, подъ прикрытиемъ иныхъ военныхъ кораблей, адмираломъ Митшелемъ паки въ Голландію съ принадлежащими почестями препровожденъ. Прощаись съ симъ адмираломъ, подарила его величество ему портретъ свой, богато алмазами украшенный, сказавъ: «Я вручаю вамъ, господинъ адмиралъ, свой портретъ съ тѣмъ, чтобы вы, помни меня, яко друга, оный носили; а вашъ портретъ повеау я теперь съ

¹⁾ Герцогъ Леедсъ — одинъ изъ тѣхъ, съ которыми царь Петръ имѣлъ обхожденіе.

собою въ Россію въ благодарномъ моемъ сердцѣ; я прошу васъ, господинъ адмиралъ, пріенять малеваный портретъ вашъ, который вы мнѣ обѣщали, въ Москву, съ тѣмъ при томъ изображеніемъ, какъ вы флотомъ, показывалъ его мнѣ, командовали». Потомъ, пріжавъ рукою адмирала къ груди своей, поцѣловалъ его въ лобъ и, имѣя на глазахъ слезы, съ сожалѣніемъ отъ себя отпустилъ.

Сие происшествіе и орою слышалъ я отъ графа Матвиева, который въ Лондонѣ посломъ находился, то есть, то, что только съ государемъ случилось въ Англіи.

5.

Царь Петръ Алексѣевичъ во младыхъ лѣтахъ, въ 1698 году, будучи въ Лондонѣ, познакомился чрезъ Меншикова, который неотлучно при немъ въ путешествіи находился и въ роскоши и сладострастіи утопалъ, съ одною комедіанткою, по прозванию Кроссь, которую во время пребыванія своего въ Англіи никогда для любовныхъ забавъ имѣть, но никогда однакожъ сердца своего никакой женщинѣ пъ оковы не предавалъ, для того чтобы чрезъ то не повредить успѣхамъ, которыхъ monarchъ ожидалъ отъ упражненій, въ пользу отечества своего воспріятыхъ. Любовь его не была пѣкна и сильна страсть, но единственое только побужденіе ватуры.¹⁾ А какъ при отѣздѣ своемъ съ Меншиковымъ послалъ къ сей комедіанткѣ пятьсотъ гиней, то Кроссь, будучи симъ подаркомъ недовольна, на склонность Россійскаго царя жаловалась и просила его, чтобы онъ государю о семъ пересказа-
зать. Меншиковъ просьбу ея исполнилъ, донесъ его величеству, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующую резолюцію: «Ты, Меншиковъ, думаешь, что и я такой же могъ, какъ ты! За пятьсотъ гиней у меня служить старикѣ съ усердіемъ и умомъ, а эта худо-
служила своимъ передомъ». На сіе Меншиковъ отвѣчалъ: «Ка-
кова работа, такова и плата».

6.

Апрѣля 12-го скрытно былъ государь въ парламентѣ; тамъ видѣли онъ короля на тронѣ и всѣхъ вельмож королевства, сидѣвшихъ купно на скамьяхъ. Прослушавъ нѣкоторыхъ судей произносимыя рѣчи, которыхъ содержаніе государю переводили, его величество къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ сказалъ: «Весело слышать то, когда сыны отечества королю говорять явно правду, сему-то у Англичанъ учиться должно».

7.

Король Англійскій Вильгельмъ, примѣтя безпрѣмѣрную охоту царя Петра Алексѣевича къ морскимъ подвигамъ, приказалъ въ удовольствіе его представить флоту примѣрную морскую баталію. Изъ многочисленныхъ кораблей составленный флотъ, въ присутствіи его чинилъ разныя эволюціи и довелъ синь государя до такого восхищенія, что будто бы синь отъ радости, не постыдясь, послѣ сего командовавшему адмиралу при прочихъ флотскихъ офицерахъ сказалъ, что онъ на сей случай званіе англійскаго адмирала предпочитаетъ звалію царя Россійскаго. Только влюблѣнъ былъ царь Петръ въ морскую службу!

Но я знаю достовѣрное, понеже я слышалъ изъ устъ монаршихъ, что онъ сказалъ такъ: «Если бы я не былъ царемъ, то желалъ бы быть адмираломъ великобританскимъ».

8.

Въ 1698 году, въ маѣ мѣсяца, Петръ Первый, прибывъ изъ Англіи паки въ Голландію, предъ отѣздомъ своимъ оттуда задумалъ еще разъ повеселиться на морѣ; сего ради, имѣя при себѣ Меншикова, отправился на суда въ городъ Гардервикъ, лежащий на берегу моря. На возвратномъ пути къ ночи возстало такая ужасная буря, что корабельщики потеряли надежду ко спасенію и въ страхѣ ожидали бѣдственнаго поглощенія. Но го-

сударь, мужествомъ огражденный, ободрилъ ихъ, показывая видъ безстрашия и смѣючись имъ говорилъ: «Слыхали ль вы когда-нибудь, чтобы какой царь утонулъ въ морѣ? Не бойтесь, кормило въ моей рука». Наконецъ, по претерпѣніи штурма, благополучно прїехалъ въ прежнее пристанище и, возвратясь въ жилище, обнявъ Лефорта, который въ посольствѣ главынымъ находился, съ радостю сказалъ: «Благодарю Бога, что еще вижу тебя, друга моего; Провидѣніе хранить меня для отечества вездѣ».

Посольство состояло изъ слѣдующихъ особъ: первый былъ генераль-адмиралъ Лефортъ, второй — бояринъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, генераль кригсъ-комиссаръ и памѣстникъ Сибирскій, въ третій — Прокофій Богдановичъ Военицынъ, думный дьякъ или статскій секретарь, бывшій прежде во многихъ посольствахъ. Въ свитѣ посольской находился самъ царь Петръ Алексѣевичъ, молодой князь Сибирскій, происходящій отъ древнихъ царей Сибирскихъ, исколько молодыхъ дворянъ, которыхъ его величество съ собою взялъ изъ знатныхъ фамилій либо аманнатами вѣрности пакъ отцовъ, да около семидесяти солдатъ гвардіи. Начальникомъ сихъ дворянъ былъ князь Черкасскій, бывшій потомъ канцлеромъ; при чемъ находился и Меншиковъ, котораго государь любилъ отличао. Посольство сіе отправилось изъ Москви въ 1697 году черезъ Ригу, гдѣ его величество съ Меншиковымъ и съ прочими свиты своей осматривалъ укрѣпленія крѣпости, что подало шведскому губернатору графу Далбергу подозрѣніе, почему и приказано было ихъ туда не пущать; присматривали за ними и дѣлали имъ разныя препятствія и неудобстви, а сіе самое и было послѣ причиною воспослѣдовавшей войны съ Карломъ XII.

9.

Во время пребыванія Петра Великаго въ Лондонѣ случилось ему видѣть на площади Фоксалъ англійскихъ бойцовъ, сражающихся другъ съ другомъ лбами, изъ которыхъ одинъ побивалъ всѣхъ. Возвратясь къ себѣ въ домъ, рассказывалъ о такомъ сра-

желіи прочимъ Россіянамъ и спрашивалъ: нѣтъ ли охотниковъ изъ гвардейскихъ grenадеровъ, при свитѣ находившихся, побить съ силачемъ лондонскимъ? Вызвался одинъ grenадеръ мочной, плотной, бывалый въ Москвѣ часто на бояхъ кулачныхъ и на себя надѣявшийся; онъ просилъ государя, чтобы приказано было сперва посмотретьъ ему такой битвы, чтѣ было позволено. Grenадеръ, пріятъя всѣ ухватки ихъ, увѣрялъ государя, что онъ первого и славнаго бойца сразить разомъ такъ, что съ Россіими воредь биться не пожелаетъ. Его величество улыбнувшись говорилъ ему: «Полно, такъ ли? Я памѣренъ держать закладъ, не постыди насть». «Изволь, государь, смыло держать, надѣялся, я не только этого удальца, да и всѣхъ съ нимъ товарищемъ вмѣстѣ однѣмъ кулакомъ размечу; вѣдь я, царь государь, за Сухаревою башнею противъ кулачной стѣны хаживалъ. Я вубысь челюстями и ребры Англичанину высажу». Спустя нѣсколько дней, его величество, обѣдавъ у герцога Леедса, завелъ разговоръ о бойцахъ, которыхъ онъ видѣлъ, и сказывалъ ему, что grenадеръ его первого ихъ витязя побѣдить. Прочіе лорды, увѣренные о силѣ и мастерствѣ побѣдителя своего, противъ котораго никто стоять не могъ, осмѣлились предложить: не угодно ли государю поддержать закладъ, что Англичанинъ верхъ одержитъ? «А сколько?» спросилъ государь. «Пятьсотъ гиней!» «Пятьсотъ гиней? Добро! Но вѣдайте, господа, что мой боецъ лбомъ не бѣется, а кулакомъ оборошится. Къ сраженію назначенъ былъ садъ Кармартенъ, сына Леедсова. Его величество, бывшие при незѣ Россіи, Кармартенъ и Деанъ (сей послѣдній былъ искусный корабельный мастеръ, которыхъ обоихъ государь любилъ, и они всегда при цѣль находились) въ прочіе лорды прибыли туда. Явились два бойца; Англичанинъ богатырскимъ своимъ видомъ, при первомъ на соперника своего взглядѣ, увѣрялъ уже почти каждого зрителя, что ся есть для него малая жертва. Всѣ думали, что grenадеръ не устоитъ. Тотъ вызывалъ соперника своего, но grenадеръ, поджавъ руки, стоялъ прямо, не спускалъ съ ратоборца глазъ и ожидалъ его къ себѣ. Зрители смотрѣли со вниманіемъ. Англи-

чанинъ, по обыкновенію, нагнувъ шею, устремилъ твердый лобъ свой противъ груди grenадерской, шелъ его сразить, и лишь только чайка произведенного лбомъ удара, какъ вдругъ увидѣли, что grenадеръ, не допустивъ его до себя, въ мигъ кулакомъ своимъ треснулъ Англичанина по нагбенной шѣй въ становую жилу столь мѣтко и проворно, что шотландскій гигантъ палъ на землю и растянулся. Зрители вскричали: «гусс, гусс!» ударили въ ладони, поклонились государю и закладъ заплатили. При семъ его величество, оборотясь къ своимъ, весело сказалъ: «Русской кулацъ стоитъ англичанскаго лба; и думаю онъ безъ шеи». Тотчасъ сраженному бойцу пущена была кровь; думали, что онъ умретъ, но овъ очнулся. Побоище тѣмъ кончилось, и слава бойца сего смыла случаю погибла. Его величество весьма старался, чтобы английскаго бойца вылечили; сего ради, подозвавъ къ себѣ лѣкаря и наказывая о налеченіи, далъ врачу двадцать гиней; изъ выиграннаго заклада пожаловалъ побѣдившему grenадеру двадцать гиней, Англичанину бойцу — двадцать гиней, бывшимъ съ нимъ grenадерамъ — тридцать гиней, черпя бросиль пятьдесятъ гиней, а достальныя деньги отослали въ инвалидный домъ. Потомъ государь приказалъ тутъ же всѣмъ своимъ grenадерамъ прежде бороться, а послѣ между собою сѣѣтъ кулачной бой, чтобы показать лордамъ проворство, силу и ухватки русскихъ богатырей, чему все собраяше весьма удивлялось, ибо всѣ находившиеся при Петре Великомъ въ путешествіи grenадеры выбраны были люди видные, рослые и сильные и прямо похожи были на древнихъ богатырей.

10.

Въ 1698 году, когда царь Петръ Алексѣевичъ находился въ Йѣнѣ у Римскаго цесаря Леопольда и памѣренъ быть оттуда отѣхать въ Италию, получихъ его величество изъ Москвы съ нарочно присланнымъ гонцомъ отъ правителей вѣдомость о ужасномъ бунтѣ десяти тысячъ послѣднихъ струльцовъ, съ литовскихъ градицъ отшедшихъ самовольно, куда они нарочно для

безопасности отъ столицы удалены были подъ видомъ наблюденія польскихъ поступковъ при избраниі новаго короля, которые умыслили, по наущенію царевны Софіи, которая по прежнімъ матеріямъ находилась тогда уже подъ стражею въ Дѣвичьемъ монастырѣ, освободивъ ее, взвести ее на царство, а царя Петра Алексѣевича, не допустивъ изъ чужихъ странъ въ отечество, заставши на пути, убить, равномѣрно предати смерти нѣкоторыхъ бояръ и всѣхъ чужестранцевъ, въ Нѣмецкой слободѣ жившихъ и въ воинной службѣ находившихся; сего ради, оставилъ государь дальнѣйшее странствованіе, ради пользы государства своего воспріятое, сѣдѣши немедленно въ престольной своей градѣ, чтобы утишить возгорѣвшій пламень измѣниковъ, востановить тишину и оградить все безопасностію. Итакъ, оставилъ въ Вѣнѣ Прокофія Богдановича, Возницкаго полковничаго, побѣхъ его величество съ Лефортомъ, Головинымъ и Меншиковымъ къ Москвѣ и подъ провожденіемъ изъ Польши взятаго отъ короля Августа генерала Карловича въ Преображенское село свое въ тайнѣ благополучно прибылъ. Неожиданное прибытіе царя ободрило вѣрноподданныхъ и произвело страхъ и ужасъ въ ненавистникахъ особы въ царствованіи его. Онъ обрѣлъ уже опаснѣйшій бунтъ сей чрезъ военачальника Щевина и генерала Гордова помощію царедворцевъ и создать разрушеніемъ и бунтовщиками подъ стражею содержанныхъ. На другой день представлена: были ему заговорщики матежа, отъ которыхъ выслушавъ достовѣрную исповѣдь злаго умысла, предъ всѣми вельможами и при многочисленномъ народѣ, и ведя, что прежде, при многократныхъ бунтахъ, стрѣльцамъ оказанныя милосердія и прощанія не помогаютъ, беззаконія же такія угрожаютъ впередъ вящшему погибелю, предпріялъ до крайности ожесточенный монархъ, по единогласному вѣрныхъ сыновъ отечества убѣженію и по суду, искоренить до конца главныхъ злодѣевъ, изверговъ государства, а достойныхъ разослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, Астрахань и Азова и ненавистное званіе стрѣльцовъ уничтожить на вѣчныя времена. А какъ такое по закону смертное наказаніе

начальникамъ и прочимъ виновникамъ сего бунта продолжалось иѣсколько дней сряду висѣлиями, усѣченіемъ главъ и колесованіемъ и еще не преставало, то патріархъ вадумалъ идти на мѣсто сего страшнаго позорища въ пропессію къ государю, чтобы просить о пощадѣ оставшихся еще стрѣльцовъ, ибо съ три тысячи онъхъ уже казнены были. Въ намѣреніи умилостивленія есть его святѣйшество образъ Богоматери, воображая, что царь казнь сию оставитъ. Но государь, увидѣвъ его тако къ себѣ шествующимъ, удивился, впервыхъ воздаль иконы достодолжное поклоненіе и потомъ патріарху съ гибвомъ говорилъ: «Всye употребляешь святыню сию; зачѣмъ пришелъ сюда? Возвратись и отнеси образъ святаго туда, где онъ стоялъ. Знай, что я разумѣю страхъ Божій и почетаю Святую Дѣву столько же, какъ и ты. Но вѣдай при томъ и то, что долгъ веліть мнѣ спасать подданныхъ и по правосудію наказывать злодѣевъ. Требуетъ законъ, требуетъ и народъ». Такимъ изрѣченіемъ показалъ царь Петръ Алексѣевичъ самодержавную власть правосудія и предѣль сана духовнаго, дабы впередъ въ гражданскія и государственные дѣла его святѣйшество не мѣшиалъ,—не тако, яко бывало сіе при прежніихъ царяхъ, когда патріархи участвовали во всемъ, и безъ соѣтства ихъ ничто не исполнилось, подобно Римскимъ папамъ почти, которые императорами и королами нѣкогда повелѣвали. Царь Алексѣй Михайловичъ, мудрый государь и законодатель, первый явилъ примѣръ надъ патріархомъ Никономъ, лишивъ его чина чрезъ вселенскихъ патріарховъ за разныя беспокойствія, которыя чинилъ сей архипастырь сему монарху, а Петръ Великій, прозрѣвъ такожде величія въ томъ санѣ неудобствы, послѣ достоинство патріаршеское въ Россіи совсѣмъ отставилъ.

11.

Царь Петръ Алексѣевичъ взялъ съ собою въ Архангельскъ принятаго имъ въ службу знающаго сардамскаго мореплавателя, прозваниемъ Муса, гдѣ, построивъ съ нимъ военныи корабль по

голландскому образцу, пожаловалъ сего Сардаца капитаномъ корабля, на которомъ его величество воспріялъ желаніе проходить всѣ чины флотскіе отъ нижняго до вышаго. Нѣкогда слу-чivшиъ государь на сѣмъ корабль спрашивалъ у Мусы: съ како-го чина начинать служить на корабль; а какъ капитанъ до-носила: съ матроса, то на сie ему государь сказалъ: «Хорошо, такъ я послужу теперь у тебя матросомъ». Мусъ, думая, что государь шутитъ, приказалъ ему развязать въ верху веревку мачты, а онъ, кинувши туда немедленно, исполнялъ должностъ сио съ такою проворностю, какъ бы дѣлалъ то настоящій в-зающій матросъ. Между тѣмъ Мусъ, смотря на государя, отъ ужаса и страха трепеща, кричалъ ему въ верхъ: «Довольно, хо-рошо, царь Питеръ, подѣзай внизъ!» Ибо тогда быль сильный вѣтъ, и легко могъ бы онъ оттуда слетѣть. Государь спустился назадъ благополучно и, увидя капитана совсѣмъ въ лицѣ измѣнившагося, спросилъ его: «Чего ты испугался? Не того, чтобы я погибъ, а того, чтобы море не проглотило русскаго сокровища! Не бойся, капитанъ: когда бояться завѣра, такъ и въ лѣсѣ не ходить». Послѣ сего Мусъ, мало по малу спомняясь, сталъ веселѣ, приказывалъ государю раскурить себѣ трубку табаку, налитъ пунцъ и, словомъ сказать, отправлять и прочія должносты про-стаго корабельщика. Монархъ исполнялъ всѣ его повелѣнія скро-ропостижно, подавая симъ примеръ прочимъ находившимся на корабль подчиненнымъ и подданнымъ своимъ, какимъ образомъ надлежитъ повиноваться командиру и отправлять должностъ.

12.

При отѣздѣ государевомъ изъ Англіи вѣкоторые лондон-скіе купцы приходили къ его величеству съ предложеніемъ, дабы позволено было учредить въ Россія таборъ, который прежде былъ запрещаемъ, и употребляли онъ одинъ только тамо чужестранцы, обѣщевая за такое позволеніе въ казну внести двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ и, сверхъ того,

платить таможенную по договору пошлину, если бы только пат-риархъ не учинилъ имъ въ томъ запрещеніемъ своимъ какого подрыва. Его величество, усматривая немалый государству до-ходъ, согласился на сie и одному изъ сихъ купцовъ, Гильберту Гаткоту, въ разсужденіи преткновенія такой рѣшительный отвѣтъ сказалъ: «Не опасайтесь; возвратясь въ Москву, дамъ я о семъ указъ и постараюсь, чтобы патриархъ въ табашныя дѣла не мѣшался. Ось при мнѣ блеститель только вѣры, а не таможен-ный надзиратель».

Сие слышалъ я отъ россійскаго въ Лондонѣ резидента Весе-ловскаго.

13.

Его величество, отмѣня старинные обряды, изъявляющіе уничтожности человѣчества, въ 1701 году, декабря 30-го дня, запретилъ, чтобы не писать и не называть уменьшительными именами вместо полнаго имени Дмитрія Мит'кою или Ивашкою, чтобы не падать предъ нимъ на колѣни, и чтобы зимою, когда морозно, не снимать шляпъ и шапокъ съ головы, проходя мимо того дворца, гдѣ обитаетъ государь, говоря о сихъ обычаяхъ такъ великодушно: «Какое различіе между Богомъ и царемъ, когда воздавать будуть равное обомъ почтеніе? Колѣнопреклоненіе моленіе принадлежитъ Единому Творцу за тѣ благости, какими Онъ насть наградацъ. [Къ чему] увижикать званіе, безобразить достоинство человѣческое, а въ жестокіе морозы почесть дѣлать дому моему беззлодную съ обнаженною главою, вредить здоровье свое, которое мицѣ и надобѣть мнѣ въ каждомъ подданномъ паче всякихъ безполезныхъ поклоновъ? Менѣ пизкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія-то почесть свойственна царю».

14.

Его величество, пріищаствуя у Лефортъ, гдѣ находились всѣ генералы и чужестранные министры, между разговорами о пу-

тешествіемъ своимъ польскому резиденту говорилъ, что онъ, проѣзжая чрезъ Польшу, чуть быдо па пути съ голоду не умеръ, такую-то бѣдность нашелъ онъ тамъ, — на что резидентъ отвѣчалъ: «Удивляюсь сему, всемилостивѣйшій государь! Я тамъ рожденъ и воспитанъ, однако же со всѣмъ тѣмъ, слава Богу, живъ, здоровъ и толстъ». «Хорошо», сказаъ ему государь; — «ты думаешь, что разжирѣлъ въ Польшѣ; а я думаю такъ въ Москвѣ, пируя часто съ нашими». Резидентъ изгадумался, проче смеялись, а государь, прыгѣя, что онъ не весель сталъ, съ улыбкою рѣчь свою къ нему продолжалъ такъ: «Не гибѣтайся, господинъ резидентъ; я — Польшѣ пріятель и шутяль. Знаютъ всѣ, что она изобильна и богата; только теперь богатѣе она еще тѣмъ, что Августъ у вѣсъ король». Потомъ приказалъ поднести ему покаль венгерского вина, сказавъ: «Выпьемъ за здравіе Августа; за сей напитокъ благодаримъ мы вами; у насъ въ Москвѣ доморощенвой квасъ, медъ да пиво, а со временемъ изъ Астрахани и съ Дона имѣть будемъ вино; тогда господѣ министровъ попотчую я своимъ, а не чужимъ».

15.

Нѣкогда у Лефорта на пиру былъ государь съ генералами и министрами; а какъ за столомъ довольно вида, и лишь только было развеселилось, какъ нечаянно зашелъ разговоръ такой, который всю забаву обратилъ на печаль и наполнилъ всѣхъ страхомъ и ужасомъ. Завели рѣчь о войскахъ и военномъ порядкѣ или дисциплинѣ, — при которой одинъ изъ собесѣдниковъ сказывалъ: «Чтобъ имѣть исправныхъ и добрыхъ офицеровъ, то надобно для того наблюдать службу и старшинство». Вслушавшись въ сіе, Петръ Великій отвѣчалъ ему: «Ты говоришь правду. Это есть самое то правило, которое желалъ я установить, и для примѣра быть барабанщикомъ въ рогѣ у Лефорта». Но при семъ, взглянувъ тотчасъ грознымъ видомъ на генерала Шеина, противъ него сидѣвшаго, продолжалъ далѣе: «Я знаю; нарушая мои намѣренія и указы, иѣкоторые господа генералы продаютъ упа-

лые иѣста въ своихъ позкахъ и торгуютъ такою драгоценностию, которую падлежало бы давать за достоинство». Шеинъ спрашивалъ государя: кто бѣ такие были? А сіе самое и воспомнило вдругъ монарха, съ сердцемъ отвѣчающимъ: «Ты первый, ты тотъ самый!» При чёмъ, выхватя изъ воженья шпагу, началъ ею рубить по столу такъ, что всѣ присутствующіе гости затрепетали: «Въ мигъ погреблю тебя и полкъ твой! Я имѣю списокъ проданныхъ тобою мѣсть и усмиру сею шпагою пріютовство твоё!» При сихъ словахъ хотѣли было проче генералы извинить генерала Шеина, однако государь, не винимая ничего, кроме праведнаго гибѣза, въ такую пришелъ запальчивость, что началъ махать шпагою на всѣ стороны безъ разбору. Слегка досталось оною князю Ромодановскому и Зотову, а между тѣмъ добирался онъ до самого Шеина, чтобы его поранить, но любимецъ своимъ Лефортомъ, который въ такихъ случаяхъ одинъ имѣлъ смѣость удерживать царя, былъ схваченъ. Государь, воспаленный сердцемъ, выступившій изъ самого себя, оттолкнулъ Лефорта и его ранилъ. Лефортъ, оставя страхъ и вѣданія вправъ, сколь младый монархъ скороотходчивъ и мягкосердъ, пренебрѣгъ безъ смятения нанесенный себѣ ударъ, остановилъ его, просилъ, чтобы онъ престалъ гибѣться, вспомнилъ бы, что онъ есть исправитель, и что великодушіе сопряжено со славою и честію героя и законодателя. Такимъ образомъ смягчили онъ государя такъ, что его величество, опомнившись, простилъ Шеина, а принятыхъ имъ офицеровъ уничтожилъ; потомъ, признавшись предъ всѣми въ слабости своей, тотчасъ съ раскаяніемъ и сожалѣемъ, обиравши Лефорта, говорилъ: «Прости, любезный другъ, я виноватъ; я исправляю подданныхъ своихъ и не могу исправить еще самого себя: проклятая привычка, несчастное воспитаніе, которое по сю пору преодолѣть не могу, хотя всячески стараюсь и помышляю о томъ!»

Такимъ-то образомъ кончилось страшное сіе происшествіе, которое послѣ сдѣлало государя воздержнѣе, ибо сею незапостію чуть не лишился друга своего Лефорта, котораго

рана безъ дальнѣйшихъ слѣдствій, скоро и благополучно исцѣла
была. Многіе обвиняютъ государя посому безимѣрною лютостю;
но представьте себѣ, какой бы монархъ снесъ такое пренебре-
женіе, когда, не взирая на все попеченіе и усильные труды для
пользы отечества, вводимый порядокъ расторгаютъ, и вместо
блага чинятся злоупотребленія?

16.

По смерти любимца Лефортъ государь учредилъ ему со всѣми
почестями, достоинству и заслугамъ его принадлежащими, славное
погребеніе, при которомъ шель монархъ за гробомъ до самой
реформатской церкви, гдѣ при сказываніи предикѣ пасторомъ
Стумфусомъ, когда вычислялъ онъ сего мужа заслуги, оказанныя
имъ государю и Россіи, его величество обливался слезами и, по
окончаніи оныя, повелѣвъ снять крышу съ гроба, подошелъ
къ покойному генералу-адмиралу, обнялъ его и прощался съ нимъ
въ послѣдній разъ съ такимъ сокрушениемъ, что всѣ бывшіе при
семъ чужестранные ministры съ чрезвычайнымъ удивленіемъ
на сіе плачевное зрѣлище смотрѣли. Потомъ провожающія энат-
ные особы авансы были въ домъ покойнаго адмирала, гдѣ приго-
товленъ былъ, по обычаю тогданѣму, поминочный ужинъ. Между
тѣмъ какъ уражали столъ, и государь тогда на короткое время
отлучился, то некоторые бояре потихоньку убрались домой, но
его величество по возвращеніи своемъ, встрѣтилъ ихъ сходящихъ
съ крыльца, воротилъ назадъ за собою, вошелъ въ залу и, съ
негодованіемъ смотря на нихъ, говорилъ: «Я вижу, вы сѣбѣ
для того, чтобы дома веселиться смертю адмирала. Вы боитесь
быть при семъ печальному ларь для того, чтобы можно прини-
маемый видъ печали скоро не изчезъ, и радость ваша предо мною
не обнаружилась. Боже мой, какіе ненавистники! Вы торжествуете
теперь, какъ будто получили великую победу смертю такого мужа,
котораго я искренно любилъ, и который служилъ иѣтъ столь
вѣрою. Я научу васъ почтать достойныхъ людей! Вѣрою

Франца Яковлевича пребудеть въ сердѣ моемъ, доколѣ я живъ,
и по смерти понесу ее съ собою во гробъ!»

17.

Въ 1703 году, когда Канецкая крѣпость, или Канцы, взята
была, то получена вѣдомость о приходѣ за вадорье шведскихъ
кораблей, и что они у устья Невы рѣки сдѣлали въ городъ ло-
зунгъ двумя выстрѣлами изъ пушки. Фельдмаршалъ Шереме-
тевъ приказалъ отвѣтить имъ въ своеемъ обозѣ также двумя
выстрѣлами, чтобъ тѣмъ скрыть отъ кораблей взятие сего го-
родка и чтобъ ихъ обмануть. По сему лозунгу присланъ бытъ на
берегъ съ адмиральского корабля ботъ для доцмановъ россий-
скихъ войскъ; карауль, скрывшійся въ лѣсу, поймалъ одного изъ
шведскихъ матросовъ (прочие же ушли), отъ котораго съѣдали,
что тую эскадрою командуется вице-адмиралъ Нумерсъ; потомъ
пришли два шведскія военные суда и стали предъ устьемъ
Невы рѣки. Уведомленный о семъ, царь Петръ Алексѣевичъ,
яко капитанъ бомбардирской роты, и поручикъ Меншиковъ, въ
тридцати лодкахъ, съ grenадерами и солдатами Преображенскаго
и Семеновскаго полка, отправился туда и, въ вечеру прибывъ на
устые, скрылся за островомъ противъ деревни Каляниной къ
морю. На разсвѣтѣ государь съ половиною лодокъ попыталъ греб-
лею подъ Васильевскаго острова подъ прикрытиемъ лѣса и объ-
ѣхалъ сіи суда отъ моря, а другой половинѣ вѣлья пуститься
на нихъ сверху. Непріятель, увидѣвшіи сіе, вступилъ въ бой и на
парусахъ пробивался къ эскадрѣ. Однако его величество, догнавъ
сіи суда и не взирая на жестокую стрѣльбу изъ пушекъ, одвою
ружейную стрѣльбою и граватами оба судна взялъ и привезъ въ
лагерь къ фельдмаршалу. На одномъ было десять пушекъ, а на
другомъ—четыридцать. Государь, возблагодари за сію первую
морскую победу Богу при троекратной стрѣльбѣ изъ пушекъ,
послѣ молебна фельдмаршалу и прочимъ генераламъ говорилъ:
«Я рекомендую вамъ, господинъ фельдмаршалъ, бывшихъ со мною
офицеровъ и солдатъ; сія победа храбростю ихъ получена. Ела-

годари Вышняго, не бывало сбылось: мы лодками начинаясь уже братъ непріятельскіе корабли». За сю викторію бомбардирской капитанъ и поручикъ Меншиковъ сдѣланы кавалерами ордена святаго Андрея, также и господинъ постельничій Головкинъ, который въ той же шарти находился. Кавалеріи наложены были на нихъ чрезъ адмирала графа Головина, яко первого кавалера сего ордена, а офицерамъ даны золотыя медали съ цѣпью, солдатамъ же — медали безъ цѣпей.

18.

Петръ Великій, желая Россію поставить на степень европейскихъ народовъ, нравственныхъ какъ просвѣщеніемъ наукъ и художествъ, такъ обращеніемъ и одеждой, выдалъ указъ брать бороды и носить платье короткое немецкое, говоря при томъ придворнымъ боярамъ: «Я желаю преобразить сибирскихъ козловъ, то-есть, грацианъ, и духовенство, то-есть, и монаховъ и поповъ, первыхъ — чтобы они безъ бородъ походили въ добре на европейцевъ, а другихъ — чтобы они, хотя съ бородами, въ церквахъ учили бы прихожанъ христіанскимъ добродѣтямъ такъ, какъ видаль и слыхалъ я учащихъ въ Германіи пасторовъ». При чёмъ разсмѣявшись промолвилъ къ сему еще и то: «Вѣдь наши старики по невѣжеству думаютъ, что безъ бороды не виндуть въ царство небесное, хотя у Бога отверзто оно для всѣхъ честныхъ людей, какого бы закона вѣрующіе въ Него ни были, съ бородами ли они, или безъ бородъ, съ париками ли они, или плѣшивые, въ длинномъ ли сарафанѣ, или въ короткомъ кафтанѣ».

19.

По кончинѣ первого любовника генерала-адмирала Лефорта място его заступиль у цара Петра Алексѣевича графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, а по особливой милости — Меншиковъ, но онъ беспокоился еще тѣмъ, что видѣлъ себѣ противуборницу свою при его величествѣ Анну Ивановну Монсъ, которую тогда государь любилъ, и которая казалась быть владычицею сердца ма-

дого монарха. Сего ради Меншиковъ предоряль, всячески стараясь о томъ, какимъ бы образомъ ее привести въ немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монсъ была дочь леффяндскаго купца, торговавшаго впчами, чрезвычайная красавица, пріятнаго вида, ласковаго обхожденія, однакожъ посредственной остроты и разума, чтѣ слѣдующее происхожденіе доказываетъ.

Не смотря на то, что государь нѣсколько лѣтъ ее при себѣ имѣлъ и безмѣро обогатилъ, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложеніе Бранденбургскаго посланика Кайзерлинга и согласилась идти за него замужъ, если только царское на то будетъ благословеніе. Представьте себѣ: не сумашествіе ли это? Предпочесть двадцатисемилѣтнему, разумомъ одаренному и видному государю чужестранцу, ни тѣмъ, ни другимъ не блистающаго! Здѣсь спа- жутъ миѣ, что любовь слѣла: подлинно такъ, ибо она на самомъ верху благонолучія дѣвицу сю нѣлькой и необузданной страсти покорила. Ко исполненію такого замѣренія положила она посовѣтовать о томъ съ Меншиковымъ и просить его, чтобъ она у государя вѣть споетъшествовать. Кайзерлингъ нашелъ случай говорить о томъ съ любимцемъ царскимъ, который внутренне саму радовался, изъ лукавства оказывать ему свое доброхотство, въ такомъ предпріятіи болѣе еще его подкрѣпилъ, изъясняя ему, что государю, конечно, не будетъ сіе противно, если только она склонна; но прежде, нежели будетъ сіе о семъ дѣлъ его величеству говорить, надлежитъ ему самому слышать сіе отъ нея въ письменно показать, что она желаетъ вступить въ бракъ съ Кайзерлингомъ. Для сего послать онъ къ ней вѣрную ся подругу Вейдиль, чтобы она съ него обо всемъ переговорела, которой призналась Монсъ чистосердечно, что лучше бы хотѣла выйти за Кайзерлинга, котораго любить, нежели за иного, когда государь позволитъ. Меншиковъ, получивъ такую вѣдомость, не упустьль самъ видѣться съ сю дѣвицею и отобрать подлинно не только устно мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получить онъ такое отъ нея прошеніе, немедленно поспѣть къ государю и хитрымъ

образомъ сказывать ему такъ: «Ну, всемилостивѣйшій государь, ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монсъ паче всего на свѣтѣ любить: но чтѣ скажете теперь, когда я вамъ противное доложу?» «Перестань, Александръ, вратъ», отвѣчалъ государь; — «я знаю вѣрю, что она одного меня любить, и никто никако меня не уѣрить; разѣ скажеть она то мнѣ сама». При семъ Меншиковъ вынуль изъ кармана своеручное ея письмо и поднесъ государю. Монархъ, увида во сномъ такую не ожидаемую переписку, хотя и проглядвался, однако не совсѣмъ по отличной къ ней милости сему вѣрилъ. А дабы вяще въ дѣлѣ семь удостовѣряться, то его величество, носѣтиль ее въ тотъ же день, рассказывалъ ей безъ сердца о той вѣсти, какую ему Меншиковъ отъ нея прінесъ; она въ томъ не отрицалась. И такъ государь, изобличивъ ее невѣрою и дурачествомъ, взялъ отъ нея алмазами увѣшенный свой портретъ, который она носила, и при томъ сказалъ: «Любить царя — надлежало имѣть царя въ головѣ, котораго у тебя не было; и когда ты обо мнѣ мало думала и невѣрою стала, такъ не для чего уже имѣть тебѣ мой портретъ». Но быль такъ великодушень, что даљ уборы, драгоценныя вещи и все пожалованное оставилъ ей для того, чтобы она, пользуясь оними, со временемъ почувствовала угрызеніе совѣсти, колико она противъ него была неблагодарна. Вскорѣ послѣ того вышла она замужъ за Кайзерлинга, во опомнившись о несѣленной потерѣ, раскаивалась, плакала, тераилась и крушилась ежедневно такъ, что получила гентиическую болѣнь, отъ которой въ томъ же году умерла.

Такою-то хитростью и лукавствомъ генераль-маиръ Меншиковъ, свергнувъ съ себѣ опасное иго, сдѣтался потомъ играющемъ всякаго счастія и быль первымъ государекимъ любимцемъ, ибо при ней таковыи еще не быль. Послѣ сего приключенія государь Петръ Великій никакой уже прямой любовницы не имѣть, а избралъ свою супругою Екатерину Алексѣеву, которую за отличныя душевныя дарованія и за оказанныя его особѣ и отечеству заслуги при жизни своей короновалъ.

20.

Въ 1702 году города Олонца попѣ Иванъ Окуловъ, увѣдавшій о Шведахъ, что они стояли въ Карельскомъ уѣздѣ, собралъ охотниковъ изъ порубежныхъ жителей съ тысячю человѣкъ, пошли за шведской рубежъ, разбилъ вепрятельскія заставы, побѣдилъ до четырехъ-сотъ Шведовъ, взять рѣтарскія знамена, барабаны, ружья и провіантъ. А какъ такое неожидаемое происшествіе дошло до свѣдѣнія его царскаго величества, то государь фельдмаршалу Шереметеву сказаъ: «Слыхаѣ ли кто такое диво, что попъ мой учить духовныхъ сыновъ: отворите врата кутино въ рай и въ Шведскую область!» Пожаловалъ его величество попу двѣсти рублей, красного сунна, съ позументомъ, рису и золотую медаль и бывшимъ при томъ дѣствіи по хорошему русскому кафтану, по два рубля денегъ и по тесаку для обороны вредъ, чтобъ они его носили за свою службу. Нѣсколько лѣтъ посѣгъ государь бываль въ Олонцѣ, присталь у сего попа въ домѣ, который построить ему вѣлья на казенные деньги.

21.

Въ началѣ 1701 года король Польскій отправился въ принадлежащую княжу Радзивилу при курляндскихъ гранадахъ крѣпостцу Биржу, куда прибылъ и государь Петръ I, равномѣрно и герцогъ Курляндскій Фердинандъ для того, чтобы о тогдашнихъ дѣлахъ противошведскихъ переговорить и учинить условіе. Сего ради его величество король Польскій всячески старался Россійскаго монарха разными забавами угостить; и когда за столомъ были они уже веселы, то Петръ Великій пиль за здоровье короля Польскаго и, пожавъ при томъ ему руку, говорилъ: «Да будуть мысли наши столь тверды, сколь сильны наши тѣлеса!» На сие отвѣтствовалъ король: «Да здравствуетъ сила, съ силою соединенная, которая враговъ разбѣть въ пракѣ». При семъ герцогъ Курляндскій поклонился обоимъ государямъ и при пяти за здравіе вѣль сказаъ: «А мнѣ остается благополучно подъ защи-

тою силъ нашихъ жить, чтобы левъ не проглотилъ Курляндцевъ живыхъ!» Царь Петръ разсыпавши сму сказаъ: «Не бойся, братъ, у насъ для этого зѣра есть желѣзныя сѣти; когда разинеть зѣвъ, такъ дадимъ ему покушать картечей».

22.

При свиданіи съ королемъ Августомъ въ городкѣ Биржѣ царь Петръ Алексеевичъ остался у него ужинать. Во время стола примиѣтилъ Августъ, что поданная ему тарелка серебряная была не чиста и для того, согнувъ ее рукою въ трубку, бросилъ въ сторону. Петръ, думалъ, что король щеголяетъ предъ нимъ силою, согнувъ также тарелку вмѣстѣ, положилъ передъ себѣ. Оба сильные государи начали вертѣть по двѣ тарелки и перепортили бы весь сервизъ, ибо сплющили потомъ между задовъ двѣ большія чашки, если бы шутку сю не кончили Россійскій монархъ слѣдующею убѣчью: «Братъ Августъ, мы гнемъ серебро изрядно, только надобно потрудиться, какъ бы согнуть намъ шведское желѣзо».

23.

Извѣстно, что Петру Великому и Августу, королю Польскому, имѣли силу тѣлесную необычайную и превосходящую силу человѣческую. Въ одинъ день, когда случилось быть обоимъ сми монархамъ вмѣстѣ въ городѣ Торнѣ, представлено было зрѣлаше битвы буйволовъ. Тутъ захотѣлось поблистать Августу предъ царемъ богатырствомъ своимъ, и сего ради, схватвъ за рогъ разсварѣвшаго буйвола, который упрыгнулъ идти, однимъ махомъ саблею отсѣкъ ему голову. «Постой, братъ Августъ», сказаъ ему Петръ, — «я не хочу являть силы своей надъ животнымъ, прикажи подать свертокъ сукна!» По принесеніи онаго царь, взявъ одною рукою свертокъ, кинулъ его вверхъ, а другою рукою, выдернувъ вдругъ кортикъ свой, ударили на лету по немъ такъ мочне, что раскроилъ его на двѣ части. Августъ сколько потомъ ни старался учинить то же, но не былъ въ состояніи.

24.

Петръ Великій имѣлъ частое въ Варшавѣ свиданіе съ одною умною и доброю старостиною, которая, будучи въ родствѣ съ первыми польскимимагнатами, вѣдала политическую связь и разныя дѣла королевства, а особенно кардинала и примаса Радзивійского интриги и къ королю Шведскому наклонность, и государю по дружеской привязанности многое открывала. Старостина, зная, что его величество жаловалъ иногда быть въ бесѣдѣ съ польскими красавицами, пригласила къ себѣ исколько госпожъ, женъ польскихъ вельможъ, и сего знаменитаго гостя вечерами стояломъ, при огромной музыкѣ, угощаля. А какъ разговоръ нечаянно зашелъ о Карлѣ XII, предпріявши вступить съ войсками чрезъ Польшу въ Українскія земли, и одна изъ нихъ, противной стороны Августа, следовательно, и Петра Великаго, бывъ по любовнымъ интригамъ съ королемъ въ ссорѣ, подъ видомъ учтивой шутки на счетъ обоихъ монарховъ нѣчто остро скажала, то государь, оборотясь къ ней, говорилъ: «Вы шутите, сударыня, за столомъ при всѣхъ, такъ позвольте мнѣ послѣ ужина пошутить съ вами наединѣ». Сія эквиочная рѣчь въ такое привела ее смутеніе, что послѣ не могла она ничего уже промолвить. Но государь умелъ такъ сю загадку переворотить, смягчить и обласкать сю госпожу, что въ самомъ дѣлѣ съ нею было наединѣ и послѣ имѣть ее своею пріятельницею.

25.

Государь Петръ Первый,ѣхавъ въ Варшавѣ¹⁾, вѣдумалъ посмотреть одинъ монастырь, чего ради, приближаясь къ монастырскимъ воротамъ, приказывалъ сныя отворить; но приворотникъ, не смѣя сего по обряду учинить, доносилъ ему, что сіи врата святые; государь отвѣчалъ: «Лжеши, Полякъ, каменныя; врата въ царство небесное [святые]; здѣсь вѣдемъ мы верхомъ,

¹⁾ Въ 1707 году въ іюль мѣсяце; при государѣ былъ и князь Меншиковъ, да князь Долгорукій, малоръ гвардія.

а туда съ добрыми дѣлами пойдемъ вѣшкомъ. Отворай!» Но Полякъ говорилъ: «Святый Непомучень запретилъ!» «И то для Поляковъ», сказаъ его величество, — «а для меня разрѣшилъ». Приворотникъ, поклоняясь низко, громко возгласилъ: «Взмѣтайся, наилѣпѣшій царе, я того не зналъ!» Потомъ отворилъ ворота.

26.

По дошедшемъ слухамъ къ государю, что чужестранцы почитаютъ его немилосердымъ, говорилъ его величество слѣдующую рѣчь, достойную блести въ вѣчной памяти: «Я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ не знающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣніанія имѣю я о подданныхъ, и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, съ того самаго времени, когда полезность въ государство вводить и суровые нравы преобразовать намѣреніе принялъ. Сіи-то суть тираны, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возлюблю и награждаю я, а неокорныхъ и зловредныхъ исправляю по необходимости. Пускай злость клевещетъ, но совѣсть моя чиста. Богъ судія мой! Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ аки вихрь прѣходный!».

Читающій сіе примѣтить можетъ, съ какою порывистою обнаженностью и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великий государь. Имѣвшемъ счастіе быть близъ лица монарха сего извѣстна великая душа его, человѣколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихъ, и хотя въ первомъ жару былъ вспыльчивъ, однако скроотходиць и неваматозлобенъ. Ахъ, еслибы знали многіе то, что извѣстно намъ, дивились бы происхожденію его. Всѣ судить только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архивъ тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣльвалось противъ сего монарха.

27.

О бунтахъ стрѣлецкихъ пѣкогда промолвилъ государь: «Отъ воспоминанія бунтовавшихъ стрѣльцовъ, гидръ отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ; помыслы о томъ, заснуть не могу. Таково-то была сія кровожаждущая саранча!»

Государь по истинѣ имѣлъ иногда въ пощное время такія конвульсіи въ тѣлѣ, что кляль съ собою дѣньца Мурзина, за плеча которого держась, засыпалъ, чтѣ я самъ видѣлъ. Днемъ же не рѣдко вскѣдывалъ головою впередъ. Сіе началось въ тѣлѣ его быть съ самого того времени, когда одинъ изъ матежныхъ стрѣльцовъ въ Троицкомъ монастырѣ предъ алтаремъ, куда его царша, мать его, ради безопасности привела, пристави ножъ къ шеѣ, умертвить его хотѣлъ; а до того лечевыхъ ужимокъ и кривленія шею не бывало.

28.

Буде виноватый принесеть чистую повинную государю, прощаю мілосердо или умѣряль паказаніе по важности преступленія и говоривалъ: «Не дѣлай впредъ того, за признаніе — прощеніе, за утайку вѣть помилованія. Лучше грѣхъ явный, нежели тайный!».

29.

Императорца, узнавъ, что государь пощюю беспокоялся и мало петивалъ, на другой день спрашивала его о причинѣ, — на что сюзъ ей отвѣталь: «Ахъ Катинъка, какой сонъ начальнику, когда суды его спать!».

30.

Его величество, сдѣлавъ маскерацъ публичный, состоящий изъ одеждъ различныхъ народовъ, и самъ присутствуя при томъ въ голландскомъ шкиперскомъ платѣ, єздилъ съ государынею и съ прочими въ маскахъ по городу и при семъ случаѣ сій говорилъ: «Радуюсь, видя въ самомъ дѣлѣ въ новой столицѣ разныхъ

странъ народовъ». Сказалъ се въ такомъ чаяніи, что тогда уже чужестранные въ Петербургъ какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ прѣѣзжать начали, чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ.

31.

Когда государь въ присутствіи своемъ, въ саду, подчиавъ кушанье и напитки одного голландскаго шкипера и, видя, что шкиперъ пить и есть много и проворно, тѣмъ веселился и девыщикамъ говорилъ: «Этотъ Емеля все перемелеть. Фельтенъ¹⁾, подавай сему гостю больше! У насъ всего довольно пусть есть и пить безъ платы. Это не въ Амстердамъ. Шепслевъ²⁾ знаетъ то, что я трактирщику заплатилъ въ Нимвденѣ сто червонцовъ за двѣнадцать яицъ, за сыръ, масло вдвѣ бутылки вина».

32.

По привезеніи Готторпскаго глобуса въ Петербургъ и по постановленіи снаго близъ Лѣтняго дворца въ особомъ мѣстѣ, часто хваливалъ Петръ Великій его смотрѣть. А какъ въ семь глобусъ только есть пространства, что за круглымъ столомъ на лавкахъ десяти человѣкамъ сидѣть можно, то единожды государь Блументросту, мужу ученому, сказалъ: «Мы теперь въ большомъ мірѣ; этотъ міръ есть въ нась; тако міры суть въ мірѣ». Не дальневидная ли мысль сія, заключающая въ себѣ познаніе міровъ?

33.

✓ О Жидахъ говорилъ его величество: «Я хочу видѣть у себя лучшіе магометанской и языческой вѣры, нежели Жидовъ. Они— плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не расплощаю. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ». Сколько

ни старались Жиды получить разрешеніе быть въ Россіи и торговать, однако государь на то не склонился и все просьбы объ нихъ уничтожилъ.

34.

Петръ Великій, купя въ Амстердамѣ рѣдкіе кабинеты, одинъ— анатомической, а другой— разныхъ животныхъ, по привезеніи сныхъ въ Петербургъ расположилъ въ Смолѣномъ дворѣ, отъ прочаго строенія отдаленнѣмъ, и зреніемъ сныхъ вещей часто по утрамъ занимался, чтобы имѣть въ натуральной исторіи систематическое понятіе. Его величество биралъ съ собою туда же, гдѣ въ одно время прилучился быть и графъ Ягушинскій, который предлагалъ государю, чтобы для ежегоднаго содержанія и размноженія такихъ рѣдкостей съ смотрителемъ братъ нѣкоторую плату, на что государь съ неудовольствіемъ при зейбъ-медицѣ своемъ Аряшинѣ и библіотекарѣ Шумахерѣ, которымъ поручена была въ смотрѣніе кунсткамера и которымъ велико было каждого смотрителя впускать, веша тѣ показывать и объ нихъ объяснять, сказалъ: «Павелъ Ивановичъ, гдѣ твой умъ? Ты судишь не право; по твоему — намѣреніе мое было бы бесполезно. Я хочу, чтобы люди смотрѣли и учились. Надлежитъ охотниковъ пріучать, подставлять и угощать, а не деньги съ нихъ брать». Потомъ, обратясь къ Аряшину, о семъ новѣтніе даваль, опредѣляя на то особую сумму дешегъ. Такое-то стараніе имѣть монархъ сей о наажденіи наукъ и знаній въ государствѣ своемъ. Мнозо было ему видѣть подданыхъ своихъ, упражняющихся въ наукахъ и художествахъ, и такие-то люди были прямые друзья его, съ которыми онъ просто и милостиво обходился.

35.

Неблагодарныхъ людей государь ненавидѣлъ и объ нихъ говоривалъ такъ: «Неблагодарный есть человѣкъ безъ совѣсти, ему вѣритъ не должно. Лучше явный врагъ, нежели подлый льстецъ и лицемѣръ; такой безобразить человѣчество».

¹⁾ Фельтенъ—мундѣхъ его величества.

²⁾ Дмитрий Андреевичъ Шепслевъ былъ пуговыемъ каршаломъ.

36.

Заслуженыхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества Петръ Великій награждалъ скоро чинами и деревнями и за долговременную службу при отставкѣ давалъ полное жалованье. Мнѣ случилось слышать, что при отставкѣ одного полковника Карпова, мужа заслуженного, но малоимущаго, государь говорилъ: «Когда служить не можетъ, производить ему по смерть его жалованье, да сверхъ того дать изъ отписаныхъ деревень пятьдесятъ дворовъ, чтобы въ ней по трудахъ, которымъ свидѣтель я и генералитетъ, спокойно жить. Ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть? Кто будетъ о немъ печься, какъ не я? Инако служить другимъ не охотно, когда за вѣрную службу вѣтъ награды. Вѣдь я для такихъ не скучъ».

Въ такомъ случаѣ государь былъ щедръ и милостивъ; ходатавъ имѣть не надлежало, понеже самъ зналъ сѧ отлично служащихъ, а о незнакомыхъ приказывалъ себѣ обстоятельно доносить чрезъ сенатъ, военную и адмиралтейскую коллегіи.

37.

Его величество на пути своемъ въ Воронежъ, подъ вечеръ въ ненастливую погоду, зайхалъ ночевать въ деревушку къ одному вдовому дворянину, котораго не случилось тогда дома, и который по дѣламъ былъ въ городѣ. А какъ государь бажаль просто, съ малымъ числомъ людей, да и кромѣ одного крестьянина и двухъ дворовыхъ старухъ, никакого изъ служителей тутъ не находилось, то и сочли его проѣзжимъ офицеромъ. Государь, вошедъ въ локой, встрѣченъ былъ дворянинъ того дочерью осьмнадцатилѣтнею, которая его спрашивала: «Ваша милость кто такой?» «Я проѣзжий офицеръ, зайхалъ къ отцу твоему переночевать». «А какъ тебя зовутъ?» «Петромъ» отвѣчалъ монархъ. «Много есть Петровъ», продолжала она, — «скажи свое прозваніе». «Михайловъ, голубушка». «Петръ Михайловъ!» повторяла дѣвушка съ некоторымъ видомъ удивленія и радости; — «ахъ,

если бы ты былъ тотъ Петръ Михайловъ, которыйѣздить въ Воронежъ строить корабли, и который сливать нашимъ царемъ, какъ бы счастлива была я!» «А что жъ?» «Я бы попросила у него милости!» «Гуда какъ ты смѣла», сказала онъ ей, — «такую мизансъ и за чтѣ?» «Такую, чтобы онъ пожаловалъ что-нибудь отцу моему за то, что подъ городомъ Орѣшкомъ¹⁾ па приступѣ весь израненъ и отставленъ капитаномъ, получаетъ только порутчицкое жалованье, имѣть двадцать душъ и на силу себя и mensa пропитать можетъ, да изъ этого удѣлять еще брату моему, который въ службѣ консталелемъ». «Правда, жалкое состояніе, да чтѣ дѣлать? Знаетъ, царь про то не вѣдаетъ. Скажи мнѣ, училась ли ты чему-нибудь?» «Отецъ мой выучилъ меня читать и писать, а искойная мать моя учila меня шить и хозяйничать». «Не худо; прочитай-ка что-нибудь и напиши». Дворянка сіе исполнила, поклонилась ему шитье и холстъ, который сама ткала. «Хорошо», сказалъ ей проѣзжий офицеръ, «[ты] — достойная дѣвушка; жаль, что я не тотъ Петръ Михайловъ, который можетъ дѣлать милости; однако молись Богу; можетъ быть, при случай царю донесу; онъ меня довольно знаетъ и жалуетъ!» Дѣвушка поклонилась, побѣжала, принесла ему тортасъ, хлѣба, масла, яицъ, ветчину и безъ всякой застѣнчивости отъ всего сердца потчивала; потомъ отвела ему особую горницу, приготовила изрядную постель, а государь, покоясь, всталъ рано и, подаривъ дворянской дочерѣ пять рублей, сказалъ: «Поклонъ отцу, и скажи, что заѣжалъ къ нему офицеръ корабельный Петръ Михайловъ. Прощай Желаю, чтобы подаренные пять рублей принесли тебѣ за доброе поведеніе и за стараніе обѣ отцѣ свою пять сотъ рублей». На возвратномъ изъ Воронежа пути его величество отправилъ къ сей дворянской дочерѣ денщикъ съ такимъ приказаниемъ: «Бывшій недавно у тебя въ гостяхъ офицеръ есть самой той Петръ Михайловъ, котораго видѣть и просить желая. Хотя по пословицѣ: Богъ высоко, а царь далеко, однако у пер-

¹⁾ Шлиссельбургъ.

ваго молчанія, а у другого служба не пропадаєтъ. За службу отца твоего указають его величество давать ему капитанское жалованье, а тебѣ, яко достойной дочерѣ его, посыпаютъ приданое пять сотъ рублей съ тѣмъ, что женаха сыщетъ самъ,¹⁾ — что государь вскорѣ и исполнитъ, выдавъ ее за зажиточнаго дворянинна и флотскаго офицера въ Воронежѣ.

38.

Государь любилъ читать лѣтописи и, собравъ ихъ довольно, нѣкогда Феофану Прокоповичу говорилъ: «Когда увидимъ мы полную Россіи исторію? Я вѣльзъ перевѣстъ многія полезныя книги»¹⁾. А Нартову, механику своему, промолвилъ: «Плюніера любимое искусство мое точить уже переведено и Штурмова механика».

Я видѣлъ самъ переведенныя на россійской языкѣ книги, въ кабинетѣ у государя лежавшія, которыя напередъ изволили онъ читать и послѣ указа нанечатать: 1) Дѣянія Александра Великаго; 2) Гибнерова Географія; 3) Пуффендорфа Введение въ познаніе европейскіхъ государствъ; 4) Леклерка Архитектурное искусство; б) Бринкена Искусство корабельного строенія; 6) Кугорна Новый образецъ укрѣпленія; 7) Боргедорфа Непобѣдимая крѣпость; 8) Блонделя и Вобава Искусство укрѣплений, и еще другія книги, принадлежащія до устроенія шлюзовъ, мельницъ, фабрикъ и горныхъ заводовъ.

39.

По случаю вновь учрежденныхъ въ Петербургѣ ассамблей или съездовъ между знатными господами похвалены были въ присутствіи государя парижское обхожденіе, обычай и обряды, на которыхъ отвѣчали съ такъ: «Добро преизматъ у Французовъ художества и науки; сіе желаетъ бы я видѣть у себя, а въ прочемъ Парижъ воняетъ».

¹⁾ Съ латинскаго языка переводили новгородскіе старцы два брата Лихудьевы, съ французскаго — Горкіцкій, съ немецкаго — Остреманъ.

40.

Въ бытность въ Олонцѣ при птицѣ марциальныхъ водъ, его величество, прогуливаясь, сказалъ лейбъ-медику Арешкуну: «Брачую тѣло свое водами, а подданныхъ — примѣрами; и въ томъ, и въ другомъ исцѣленіе вину медленное; все рѣшить время; на Бога полагаю надежду».

41.

Государь, точа человѣческую фигуру въ токарной машинѣ и будучи весель, что работа удачно идетъ, спросилъ механика своего Нартова: «Каково точу я?» И когда Нартовъ отвѣчалъ: «Хорошо», то сказалъ его величество: «Таково-то, Андрей, кости точу я долотомъ изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцовъ».

42.

За обѣденнымъ столомъ въ токарной пиль государь такое здоровье: «Здравствуй тотъ, кто любить Бога, меня и отечество!»

43.

Девицка, жившія въ верхнемъ жильѣ дворца, каждую почту вочь по молодости заводили между собою игру и такоѣ иногда шумъ и топотъ ногами при пляскѣ дѣлывали, что государь, симъ обезлюковаемый, неоднократно учищалъ ихъ то увѣщаніями, то угрозами. Наконецъ, для удобнаго продолженія забавъ, издумали они, когда ложился государь почивать, уходить ночью изъ дворца, таскаться по шинкамъ и бесѣдоватъ у своихъ пріятельницъ. Его величество, свѣдавъ о такомъ распутствѣ, велѣлъ для каждого девицка сѣбѣть шкаль съ постелью, чтобы въ пощное время ихъ тамъ запирать и чтобы тѣмъ укротить ихъ буйство и гулянья. А какъ нѣкогда въ самую полночь надлежало отпразднѣть одного изъ нихъ въ посыпку, то, не видя въ передней комнатѣ дневальниаго, пошелъ самъ на верхъ въ провожаніи Нартова съ фоваремъ, ибо Нартовъ ссыпалъ въ токарной. Его величество,

отпирая ключемъ шкатулъ за шкатулъ и не нашедъ изъ нихъ ни одного денщика, удивился дерзости ихъ и съ гневомъ сказалъ: «Мои денщики летаютъ сквозь замки, но я крымья обстригу имъ завтра дубиной».

На утріе собрались они и, узнавъ такое посѣщеніе, ожидали съ трепетомъ встречи дубиной. Государь, вышедъ изъ спальни въ переднюю, увидѣлъ всѣхъ денщиковъ въ стройномъ порядкѣ стоящихъ и воротился вдругъ назадъ. Они испуждались пуще прежнаго, думали, что попалъ за дубину; но онъ, выпадъ изъ спальни и державъ ключь шкатулкой, говорилъ имъ: «Вотъ замъ ключь; я спаль безъ вѣсъ спокойно, вы такъ исправны, что запирать вѣсъ не для чего; но впредъ со двора уходить безъ приказа моего никто не дерзнетъ,—извѣко преступника отворочаю такъ дубиной, что забудеть по ночамъ гулять и забывать свою должностъ, иакъ велю держать въ крѣости коменданту». Денщики поклонились низко, благодарили судьбу, что гроза миновала благополучно, а государь, улыбнувшись и погрозя имъ тростью, пошелъ въ адмиралтейство.

Изъ сего случая видно, колико быль отходчивъ и милостивъ монархъ, прощаю по младости человѣческія слабости.

Денщики были слѣдующіе: два брата Аѳанасій и Алексѣй Татищевы, Иванъ Михайловичъ Орловъ, Мурзинъ, Поспѣловъ, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, Древникъ, Блеклой, Нелюбоктичъ, Суворовъ, Андрей Константиновичъ Нартовъ, любимый его механикъ, который училъ государя точить. Для дальнихъ посылокъ непремѣнныя курьеры—Шемякинъ и Чеботаевъ, да для услугъ его величества — спальный служитель или камердинеръ Полубояровъ. Вотъ всѣ его приближенные. Для письменныхъ же дѣлъ—секретарь Макаровъ, при немъ два писца—Черкасовъ и Замятинъ.

44.

Въ самое то время, когда Петръ Первый съ Меншиковымъ въ 1700 году намѣренъ быль съ нововѣбраннымъ войскомъ

идти изъ Новагорода къ Нареѣ и продолжать осаду сего города, получилъ онъ извѣстіе о несчастномъ пораженіи бывшей своей арміи при Нареѣ съ потеряніемъ артиллеріи и со взятиемъ въ пленъ многихъ генераловъ и полковниковъ и, огорчась на самого себя, что при семъ случаѣ своею особою не присутствовалъ, великодушно печаль сию снесъ и, непоколебимъ оставшился продолжать военные подвиги противъ непріятеля, сказалъ слѣдующее: «Я знаю, что Шведы насъ еще вѣсколько разъ побѣждать будутъ; но пайонецъ научимся симъ побизать ихъ и мы».

45.

Послѣ первой неудачной осады города Нарвы, государь Петръ Первый, будучи въ Москвѣ и прилагая попеченіе о наборѣ войскъ и о снаряженіи ихъ амуниціею и орудіями, имѣлъ недостатокъ въ пушкахъ; сего ради, для скорѣшаго вылитія оныхъ, принужденъ быль прибѣгнуть къ церковнымъ колоколамъ, которыхъ находилось множество лишнихъ. А какъ и въ деньгахъ быль также недостатокъ, то въ країности такой намѣреніи быль поубавить монастырскихъ сокровищъ, въ золотѣ и серебрѣ состоящихъ. Оба сіи предпріятія могли въ неразсудительномъ пародѣ поселить негодованіе, который по суевѣрію и по стариннымъ предразсужденіямъ лучше бы хотѣль видѣть великомѣліе церковное, нежели благополучіе государства, подкрѣпляемое такимъ выуществою. Не видя иного способа, чтобы сдѣлать скорѣй оборотъ къ вооруженію себя противъ непріятеля, ибо къ собираю ѿѣ государства податей требовалось долго времени съ отягощеніемъ народа, и не приступая еще къ исполненію такой мысли, находился государь въ задумчивости и цѣлые сутки никако къ себѣ не допускалъ. Колиже Меншиковъ ни быль любимъ, не смѣть однакожъ являться тогда къ нему. Тѣмъ менѣе прочие боляре, ионеже запрещено было допускать, да и не желалъ его величество имъ о томъ намѣреніи объявлять. Князь Ромодановский, хотя впрочемъ и быль привѣщенъ къ ста-

ривымъ обычаемъ, однако любя гоударя и вѣренъ быть ему паче многихъ прочихъ, а по сему не только носилъ отъ монарха отличную милость, да и былъ отъ него почтенъ. Узнавши онъ о сокрушениі и уединеніи его величества, отважился идти къ нему, чтобы посовѣтовать съ нимъ, какимъ бы образомъ смутному состоянію помочь. Стражка, стоявшая у дверей чертоговъ царскихъ, видя, коликую князь имѣлъ довѣренность, не смыла его остановить, ибо всѣ боялись того, что онъ за восплищеніе ему входа велѣть по полномочію своему ихъ лишить живота, не спрашивалъ о томъ гоударя; такимъ образомъ вошелъ прямо и, видя Петра Перваго по комнатѣ въ глубокой задумчивости въ задѣ и въ передѣ ходящаго, остановилъ и посмотрѣлъ на него; но гоударь его не притѣчалъ. Князь рѣшился идти ему на встрѣчу и съ нимъ столкнулся. Его величество пасмурнымъ взоромъ взглянуль на него и аки бы удивляющимся его нечаянному приходу, опамятовавшись спросилъ: «Какъ ты, дядя! — такъ его гоударь иногда называлъ — «сюда забрель? Развѣ не сказано тебѣ, что не вѣлько пускать?» «Другихъ, можетъ быть, а не меня», отвѣчалъ Ромодановскій; — «меня и родитель твой царь Алексѣй Михайловичъ безъ доклада къ себѣ вускалъ; вѣдомо тебѣ, что при кончинѣ своей ишь тебя вѣрилъ; кто жъ въ несгодѣ печься будетъ о тебѣ, какъ не я? Полово крушиться! Скажи, о чёмъ цѣныя сутки думаешь? Царь отецъ твой и царяца мать твоя наказывали совѣта моего слушать. Размыкать горе подобаетъ вмѣстѣ, а не одному!» «Полово, дядя», сказалъ гоударь, — «пустое молоть; какой совѣтъ, когда въ казнѣ денегъ иѣть, когда войско ни чѣмъ не снабдено, и артиллерія иѣть, а сіе потребно скоро». Потомъ началъ опять ходить и предаваться размышленіямъ. Князь Ромодановскій, видя царское отчаяніе, остановилъ его паки и говорилъ сердито: «Долгая дума — большая скорбь; полово крушиться, открои думу свою, какой къ тому находишь способъ, авесь-либо вѣрный твой слуга промыслить полезное». Его величество, зная, что сей достойный мужъ всегда былъ блестктель вѣроности и правды, объяснялъ ему тайность свою такъ: «Чтобъ имѣть арти-

лѣрію, для которой иѣть мѣди, думаю я по необходимости взять лишніе колокола, которые дѣлаютъ только пустой трезвонъ; переливъ ихъ въ пушки, загремлю ими противъ Шведовъ полезнымъ отечеству звукомъ». «Добро мвишь, Петръ Алексѣевичъ, а о деньгахъ какъ же?» «Такъ, чтобы въ монастыряхъ и церквяхъ бесплодно хранищееся сокровище въ золотѣ и серебрѣ убавить и натиснуть изъ него деньги». «На сіе иѣть моего совѣта; народъ и духовенство стацуть роптать и почтугъ грабежемъ святыни». «О народѣ я такъ не мню, для того что я не разоряю налогами подданныхъ и защищаю отечество отъ врага, а прочими зажму ротъ болтать; лучше пожертвовать суетнымъ богатствомъ, не жели подвергнуться игу иlopлеменниковъ». «Не всѣ такъ здраво думаютъ, Петръ Алексѣевичъ; сіе дѣло щекотлино, должно придумать иное». «Вѣдь деньги, дядя, съ неба не упадутъ, какъ манна, а безъ нихъ войско съ холоду и голоду умретъ! Теперь иного средства иѣть». «А я такъ знаю, что есть, въ что Богъ тебѣ пошлетъ; только, сколько надобно?» «На первый случай около двухъ миллионовъ рублей, пока безъ притѣсненія народнаго болѣе по-лучу». «Не можно ли поменѣйтъ?» отвѣчалъ князь голосомъ надежнымъ, — «такъ я тебѣ промышлю». Къ сему слову гоударь приставъ съ веселыни уже видомъ пачаль убѣждать Ромодановскаго, чтобы онъ скорѣе ему тайность сію объявилъ, ибо зналъ, что онъ лгать не любилъ. «Не скажу, а услужу. Успокойся! Довольно того, что я помошь государству въ такой крайности учинить долженъ». При семъ, когда наступила уже ночь, хотѣль было Ромодановскій идти отъ него прочь; но Петръ Великій обнялъ его, просилъ не отступио, чтобъ онъ долѣе не думалъ, открыть бы ему сіе и увѣрилъ бы, когда получить деньги, — не выпуская его изъ своихъ рукъ. Князь, видя, что уже ему никакъ отѣлаться было не можно, сказалъ: «Халь ишь тебя, Петръ Алексѣевичъ, быть такъ! Пойдемъ теперь, но не бери съ собою никого». Обрадовавшій гоударь и аки бы вновь отъ сего переродившійся сѣдоволь за нимъ; поѣхали они обще изъ Преображенска въ Кремль; прибыли въ тайный приказъ, надъ которымъ былъ князь

Ромодановский главноначальствующимъ, вошли въ присутственную палату, въ которой, кроме сторожа, никого не было. Князь приказывалъ ему отдвигать стоящій у стѣны шкаль, въ которомъ находились приказы и книги; дражный и престарѣлый сторожъ трудился, — недоставало его силы: принадлежалъ ему самъ государь; шкаль былъ отвѣщутъ, появилась жѣлезная дверь. Любопытство монаршее умножалось. Ромодановскій, приступя къ двери, осматривалъ висящую восковую печать, сличая ее съ тѣмъ перстнемъ, который былъ на его руки и которымъ входъ былъ запечатанъ, при чель свѣчу держащъ его величество. Потомъ, вынувъ изъ кармана хранившіяся въ кошелькѣ ключъ, открылъ опытъ дверь, — замокъ заржалъ, похоже лѣгъ съ двадцать отпиралъ не быть, и про что никто, кроме князя и сторожа, не вѣдалъ, ибо не только переставлять шкаль на иное мѣсто, да и любопытствовать о семъ подъ лишенiemъ живота подчиненными запрещено было со временемъ царя Алексія Михайловича подъ видомъ тѣть, ико бы въ находящихся за опытомъ шкалью палатахъ хранилась тайныя дѣла. Потомъ государь пытался отворять самъ, но не могъ; послалъ сторожа съскать ломъ и топоръ, приналиась все трое работать, наконецъ чрезъ силу свою великую ломомъ монархъ дверь отшибъ. При входѣ своемъ въ первую палату, которая была со сводомъ, иъ несказанному удивленію увидѣлъ его величество павленные груды серебряной и позолоченой посуды и сбруи, мелкихъ серебряныхъ денегъ и голландскихъ ефимковъ, которыми торговцы тужественные платили таможенную поштрану, въ на которыхъ находилось въ срединѣ начеканенное московское иламо для того, чтобы она вѣсто рублей въ Россіи хожденіе своихъ имѣнъ, множестве соболей, причемъ мягкой ружлии, бархатовъ и шелковыхъ матерій, которые либо моль побѣла, или сплаваны. А какъ государь, смотря на сіе посѣдѣло и покималъ плечами, сожалѣлъ и говорилъ: «Дядя, это все сплошь», — то князь отвѣчалъ: «Да не прошло». По семъ любопытство побуждало Петра Великаго идти въ другую палату посмотретьъ, что тамъ находится, ио князь, его не

пустя, остановилъ и сказалъ: «Петръ Алексѣевичъ, полно съ тебѣ теперь и этого; будеть время, такъ отдать и достальное. Возьми это и, не трогая монастырскаго, вели цаковать себѣ денегъ. Государь расцѣловалъ почтеннаго и вѣрнаго старика, благодариъ его за соблюденіе сокровища и спрашивалъ: какимъ образомъ безъ свѣдѣнія братей и сестры его Софіи по сію пору сіе оставалось. «Такимъ образомъ», отвѣчалъ Ромодановскій; — «когда родитель твой царь Алексій Михайловичъ въ разныя времена отѣзжалъ въ походы, то по довѣрѣности своей ко мнѣ лишнія деньги и сокровища отдавалъ на сохраненіе маѣ. При концѣ жизни своей, призвавъ меня къ себѣ, завѣщалъ, чтобы я никому сего изъ наследниковъ не отдавалъ до тѣхъ поръ, развѣ воспосѣдуешь въ деньгахъ при войнѣ крайняя нужда. Сіе его повелѣніе наблюдалъ свято и видя пытъ твою нужду, вручаю столько, сколько надобно, а впредь всѣтвое». «Было благодаренъ тебѣ, дядя! Я вѣрности твоей никогда не забуду». Въ самомъ дѣлѣ, сіе помогло тодіко, что напечатанными изъ сего деньгами не только войска всѣмъ потребныя снарады были, но и инойнъ безпрепятственно продолжать было можно. Перелитые же колокома доставили довольноное число цунекъ. Сія-то великая заслуга послужила въ сердцѣ Петровомъ благодарность такую къ князю Ромодановскому, которую отыщшое почтеніе монархъ оказывалъ и довѣреность, болѣе любяль.

46.

Въ 1702 году генераль-фельдмаршалъ Шереметевъ, разбивъ шведского генерала Шлангенбаха войско, одержавъ подъ нимъ победу, съ получениемъ многихъ пѣшихъ, азанѣцъ и всей тяжелой артиллеріи, и принудивъ Шлангенбаха съ достальними войсками отступить къ Пернову. Царь Петръ, получивъ сей побѣдѣ известіе, сказаль: «Благодареніе Богу! Наконецъ достигли мы до того, что Шведовъ уже побѣждаемъ».

47.

По взятии отъ Шведовъ Митавы, когда российскія войски вошли въ городъ и увидѣли въ главной церкви подъ сводомъ, гдѣ погребены тѣла герцоговъ Курляндскихъ, что тѣла ихъ изъ гробовъ выброшены и ограблены, то остановясь, прежній карауль шведскій оставилъ, призвали полковника шведскаго и коменданта Кирринга, котораго обличивъ святотатствомъ гробницъ и храма, взяли отъ него и отъ жителей сего города письменное свидѣтельство, что сіе учищено его товарищами. Государь, ужаснувшись такому беззаконію, повелѣлъ сіе свидѣтельство обнаружить, чтобы знали безчеловѣчие шведскихъ солдатъ, и чтобы такимъ звѣрствомъ послѣ напрасно Россіянъ не безчестили, сказавъ при томъ сіе: «Шведская алчность не даетъ и мертвымъ kostямъ покоя; не довольствуя грабежемъ на землѣ, грабятъ и подъ землею».

48.

Генераль-маіоръ князь Голицынъ, одержавъ надъ шведскимъ генераль-маіоромъ Розеномъ подъ Добримъ близъ рѣки Напы элитную победу, спрошенъ быль Петромъ Великимъ: «Скажи, чѣмъ тебѣ наградить?» На чѣмъ онъ отвѣчалъ: «Всемилостивѣшій государь, простите князя Репнина» (который виагъ не задолго передъ сімъ въ немилость государскую). «Какъ!» сказалъ государь, — «развѣ ты забылъ, что Репнинъ твой врагъ?» «Знаю», говорилъ Голицынъ, — «и для того вашего величества о помилованіи его прошу». На сіе Петръ Великій отвѣчалъ: «Великодушіе твое похвально, заслуга твоя достойна награды, я дая тебѣ его прощаю». Но сверхъ того, князю Голицыну пожаловалъ орденъ святаго апостола Андрея. Князь Голицынъ пріобрѣль пра сімъ слугубую славу какъ храбростію, такъ и великодушіемъ, а государь показалъ, сколь умѣть онъ воздавать подданиному за его заслуги.

49.

Его величество, получа отъ генераль-фельдцейхмейстера Брюса письмо, которое прочитавъ, весело сказалъ: «Благодарю

Бога! Изъ Нейштата благопріятны вѣтры къ намъ дуютъ». Послѣ сего вставъ вошелъ съ такимъ извѣстіемъ къ императрицѣ.

50.

Разговаривая государь о безчеловѣчныхъ поступкахъ Шведовъ при Нарвѣ, сказалъ: «Герои знамениты великодушіемъ, а звѣри — лютостю. Въ Шведахъ первого кѣть, но послѣднее вездѣ явно».

51.

Государь, возвратясь изъ сената и видя встрѣчающую и прыгающую около себя собачку, сѣлъ и гладилъ ее, а при томъ говорилъ: «Когда бъ послушны были въ добрѣ такъ упрямцы, какъ послушна мнѣ Лизета (любимая его собачка), тогда не гладилъ бы я ихъ дубиною. Моя собачка слушаетъ безъ побой; знать, въ ней болѣе догадки, а въ тѣхъ заматерѣлое упражнество».

52.

Разматривая съ Брюсомъ проекты укрѣпленія крѣпостей, мысли свои о семъ государь объяснялъ такъ: «Правда, крѣпость дѣлаетъ непріятелю отпоръ, однако у Европейцевъ не вадолго. Побѣду рѣшить военное искусство и храбрость полководцевъ и неустрашимость солдатъ. Грудь ихъ — защита и крѣпость отечеству. Сидѣть за стѣною удобно противъ Азіатцевъ».

53.

«Отпиши, Макаровъ, къ Астраханскому губернатору, чтобы впередъ лишняго ко мнѣ не бредилъ, а писать бы о дѣлѣ кратко и ясно. Знать, онъ забылъ, что я многоглаголивыхъ вралей не люблю; у меня и безъ того хлопотъ много; или велю ему писать къ князю Ромодановскому, такъ онъ за болтаніе его проучить».

54.

«Если Богъ продлитъ жизнь и здравіе, Петербургъ будетъ другой Амстердамъ».

55.

«Осьди, Мурзинъ, къ княза-цесарю, чтобъ пожаловать къ намъ хлѣба кушать. Мы и прочие милостію его царскаго величества довольны. Онъ повысигъ нась чинами».

Надлежитъ знать, что государь за морскую у Гангута баталію объявленъ бытъ отъ князя-цесаря Ромодановскаго въ разсужденій вѣрооказанныя и храбрыя службы вице-адмираломъ.

56.

Государю предлагаема была для забавы въ одно время въ Польшѣ отъ magnatovъ охота за звѣрями, на что онъ отвѣчалъ имъ благодарствиемъ: «Довольно охоты той, чтобы гоняться и за Шведами».

57.

О писаніи указовъ Петръ Великій говорилъ Макарову въ то-карной: «Надлежитъ законы и указы писать ясно, чтобы ихъ не переголовывать. Правды въ людяхъ мало, а наварства много. Подъ нихъ такие же подконы чипать, какъ и подъ Фортенцію».

58.

При строеніи Кронштадтской гавани и Кроншлота въ морѣ присутствовалъ государь часто самъ и князю Мещникову о семъ говорилъ: «Теперь Кронштадтъ въ такое приведеніе состояніе, что непріятель въ морѣ близко появиться не смѣть. Инако разшибемъ корабли въ щепы. Въ Петербургѣ свать будемъ спокойно».

59.

Въ день торжествованія мира съ Швеціею, въ комнатѣ своей государь къ ближнимъ при себѣ говорилъ, будучи чрезвычайно веселъ: «Благодать Божія чрезъ двадцать лѣтъ вѣнчаетъ тяжкіе труды и утверждаетъ благополучіе государства, благополучіе и спокойствіе мое. Сія радость превышаетъ вскую радость для меня на земли».

60.

Когда императрица сама трудилась съ комнатными своими дѣвицами въ вышиваніи по голубому гарнитуру серебромъ кафтанъ и, по окончаніи работы, поднесла онъ его величеству, прося, чтобы благоволилъ онъ удостоить труды ея и надѣть его въ день торжественнаго ея коронованія, то государь, посмотрѣвъ на шитье, взялъ кафтанъ и тряхнулъ его. Отъ потрясенія полетѣло съ шитья нѣсколько на полъ канители, чemu подивясь сказала: «Смотри, Катенька, пропало дневное жалованье солдата». Сей кафтанъ въ угодность супруги своей имѣть государь на себѣ только во время празднства коронаціи и послѣ никогда его не надѣвалъ, почитая онъ непріличною себѣ одеждю, ибо обыкновенно носилъ гвардейскій мундиръ или флотскій¹⁾.

61.

Его величество, чувствуя въ себѣ болѣзнь, но пренебрегая онною, отправился въ сырую погоду на Ладожской казаць, а оттуда въ Сестрѣбекъ водою и, по возвращеніи видя свою умножившуюся, Блументросту говорилъ: «Болѣзнь упрямая, знаѣть то натура, чѣмъ творить, но о пользѣ государства пещься надлежитъ неусыпно, доколѣ силы есть».

62.

Бесѣдуя государь съ корабельными и парусными мастерами и флотскими офицерами такъ развеселился, что самъ пуще подчи-вать началь. Тогда каждый, обнимая Петра Великаго, уверялъ о любви своей и о усердной службѣ, а монархъ отвѣчалъ имъ: «За любовь, за вѣрность и службу награда не словомъ, а дѣломъ; сіе вы доказали. Я вамъ благодаренъ».

¹⁾ [Сей плащъ находится на вскакомъ его изображеніи въ Санктпетербургской художнико-литографической мастерской].

63.

Петръ Великій, проходя за полночь чертежную свою и привѣта Нартова, сидящаго за чертежемъ Кронштадтскаго канала, къ которому поручено было ему придумать механические способы, какъ бы легче и прямѣе колоть и пилить камень, которымъ каналъ устилаться долженствовалъ, и какимъ образомъ отворить и запирать слузныя ворота, подошедъ къ нему, посмотрѣль на труды его и, види его вздремавшаго, а сѣчью оплывшую и пылающую, ударилъ по плечу, сказавъ: «Прилежность твоя, Андрей, похвальна; только не сожги дворца!» На другой день пожаловалъ ему пятьдесят червонцевъ двурублевыхъ, говоря при томъ: «Ты помогаешь мнѣ въ надобности моей, а я помогаю тебѣ въ нуждѣ твоей».

64.

Когда Нартонъ просилъ его величество окрестить сына его новорожденнаго, тогда отвѣчалъ ему: «Добро!» И оборотясь къ государынѣ, съ усмѣшкою сказаль: «Смотри, Катенька, какъ мой токарь въ дома точить хорошо». Окрестя, пожаловалъ онъ ему триста рублей да золотую медаль: подарокъ при крещеніи весьма рѣдкій, ибо Петръ Великій на деньги былъ не чливъ и свободнѣе давалъ деревни; тогда обѣщалъ государь ему деревню, однако за скоро приключившую болѣзнь и ковылю сего не воспользовало.

65.

Государь, разматривая въ токарной планъ учреждений Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ съ архитекторомъ Блуменгроствомъ при Брюсѣ и Остлерманѣ, взглянувъ на Нартова, говорилъ ему: «Надлежитъ при томъ быть департаменту художествъ, а паче механическому; привезенное изъ Парижа отъ аббата Биньона и писанное тобою о семъ прибавить. И желаніе мое — насадить въ столицѣ сей рукомесловіе, науки и художества вообще». При семъ слушай его величество назначить быть президентомъ сей Академіи Блуменгроста.

66.

Докладывано было государю, что въ Петербургѣ прѣѣхали лакеусы и балансеры, представляющіе разныя удивительныя штуки, на что его величество генералу-полицеймейстеру Девіеру отвѣчалъ такъ: «Здѣсь надобны художники, а не фигляры. Я видѣлъ въ Парижѣ множество шарлатановъ на площадяхъ Петербургъ и Парижъ; пускай чиновные смотрятъ дурачества такія недѣлю, только съ каждаго зѣваки не большие грязны, а для простого народа выставить сихъ бродягъ безднѣжно предъ мною садомъ на лугу; потомъ высѣдать изъ города вонъ. Къ такимъ праздностямъ пріучать не должно. У місяя и своихъ фигляровъ между матросами довольно, которые по корабельнымъ снастямъ мяшутъ и головами внизъ становятся на мачтовомъ верхнемъ марсѣ. Пришельцамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы — грѣхъ».

67.

При слушать фейерверка, которымъ императоръ во время мирнаго торжества управлялъ и самъ оный зажигалъ, когда съ удачно кончился, то придворные листцы, выхваляя, что огни государь удивительно пускалъ хорошо, однако при томъ дѣйствія быть опасно, получили съѣдущую отъ монарха отвѣтъ: «Такіе ли огни пущалъ я при Полтавѣ, да не рапортуй!»

68.

Его величество, взявъ съ собою прибывшаго изъ Парижа, въ службу принятаго, славнаго архитектора и инженера Леблона, при которомъ случаѣ по новелѣю монаршему находился и Нартовъ съ чертежемъ, который дѣлалъ онъ, иѣхалъ въ шлюбкѣ на Васильевский островъ, который довольно былъ уже выстроенъ, и каналы были прорыты; обходя сей островъ, размѣривая мыса и показывая архитектору планъ, спрашивалъ: что при такихъ погрѣщеностяхъ дѣлать надлежитъ. Леблонъ, показавъ плечами, доносилъ: «Все срыть, государь, сломать, строить вновь и друг-

гіе вырыть каналы». На что его величество съ великимъ неудовольствіемъ и досадою сказаъ: «И я думалъ токъ». Государь возвратился потомъ во дворецъ, развернувъ паки планъ, видѣлъ, что по оному не исполнено, и что ошибки невозвратныя, призвалъ князя Меншикова, которому въ отсутствіе государева надѣ смыть главное смотрѣніе поручено было, и съ гневомъ грозно говорилъ: «Василья Корчмина батареи лучше распоряжены были на острову, нежели подъ твоимъ смотрѣніемъ теперешное тутъ строеніе. Отъ того былъ успѣхъ, а отъ сего убытокъ невозратный. Ты безграмотной, ни счета, ни мѣры не знаешь. Чортъ тебя побери и съ островомъ!» При семъ, подступая къ Меншикову, схватилъ его за грудь, потрясъ его столь сильно, что чуть было душа изъ него не выскоцила, и вытолкнулъ погдѣмъ воя. Всѣ думали, что князь Меншиковъ чрезъ сию вину лишится милости; однако государь послѣ, приведъ въ себя, кротко говорилъ: «Я виновать самъ, да поздно; сіе дѣло не Меншиково; оно — не строитель, а разоритель городовъ».

Василий Корчминъ — бомбардирской роты офицеръ, которого батареи на Васильевскомъ острову на берегу устья рѣки Невы съ великимъ успѣхомъ дѣйствовали [въ морѣ] противъ приплывшихъ Шведовъ, [и] по имени которого прозванъ сей островъ.

69.

[Петръ Великій, сидя самъ дубовыя желуди близъ Петербурга по Петергофской дорогѣ, желалъ, чтобы вездѣ разводить быть дубъ, и, премѣтивъ, что одинъ изъ стоящихъ тутъ знатныхъ особъ, трудавъ его улыбнулся, оборотясь къ нему, гневно промолвилъ: «Понимаю! Ты мнішь, не доживу я матерыхъ дубовъ. Правда! Но ты — дуракъ; я оставлю примиѣръ прочичть, чтобы, дѣлая то же, потомки со временемъ строили изъ нихъ корабли. Не для себя тружусь, польза государству впередъ».]

О разведеніи [и] соблюденіи лѣсовъ изданы были государемъ многіе указы строгие, ибо сіе было одно изъ важнейшихъ его предметовъ.

70.

Будучи на строеніи Ладожскаго канала и радуясь успешной работѣ, къ строителямъ государь говорилъ: «Невою видѣли изъ Европы ходящія суда, а Волгою нашкою»—указать на каналъ — «видѣть въ Петербургѣ торгующихъ Азіатцевъ».

Желаніе его величества было безмѣрное соединить сімъ море Каспійское съ моремъ Балтійскимъ и составить въ государствѣ своею коммерцію съверо-западную и восточную чрезъ сопряженіе рѣкъ Мсты и Тверцы однимъ каналомъ изъ Финляндскаго залива чрезъ Неву рѣку въ Ладожское озеро, оттуда чрезъ рѣку Волховъ въ озеро Ильмень, въ которое впадаетъ Мста, а тою рѣкою до рѣки Тверцы, владающей въ Волгу, а сею — въ Каспійское море.

71.

Петръ Великій былъ истинный богоочитатель и блеститель вѣры христіанскія и, подавая многіе собою примиѣры того, говоривъ о вольнодумцахъ и безбожникахъ такъ: «Кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо сумасшедший, или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познать долженъ».

72.

Генераль-полицмейстеру Девіеру, доносившему о явившихся кликушахъ, приказывалъ его величество такъ: «Кликушъ за первый разъ — плети, за второй — кнутъ, а если и за сімъ не уймется, то — быть безъ языка, чтобы впредь не кликали и народа не обманывали!»

73.

О ложнобѣснущихъ говорилъ государь: «Надеждѣть попытаться изъ бѣснующагося выгонять бѣса кнутомъ; хвостъ кнута длище хвоста чертовскаго. Пора забужденія искоренять изъ народа!»

74.

Когда с корыстолюбивыхъ преступленихъ иняя Мешникова представляемо было его величеству доиладомъ, домогалась всячески при такомъ удобномъ случаѣ привезть его въ совершиенную немилю и несчастіе, то сказалъ государь: «Вина немалая, да прежнія заслуги бояжей. Правда, вина была уголовная, однако государь наказалъ его только денежнымъ взысканіемъ, а въ токарной тайно при мнѣ однотъ выколотилъ его дубиной и потомъ сказалъ: «Теперь въ послѣдній разъ дубина; ей, впредь, Александра, берегись!»

75.

Его величество, присутствуя на юрданѣ и командуя самъ полками, возвратясь во дворецъ, императрицѣ говорилъ: «Эрѣюще приятное—видѣть строй десяти полковъ на льду Невы, кругомъ юрданы стоящихъ. Во Франціи не повѣрили бы сему». Потомъ, оборотясь къ штабъ-офицерамъ гвардейскимъ, сказалъ: «Морозъ сильный, только солдаты мои сильные. Они маршировали такъ исправно, что парь только шель столбомъ, и усами только поворачивали. Я примѣтилъ, господа чужестранные министры закутались въ шубахъ, давались тому и пожимали плечами, почитая, можетъ быть, сіе жестокостію, но мы родились въ сѣверѣ и скончать такой морозъ можемъ; пріучать солдата къ теплу не должно».

76.

Шествующему императору въ сенатъ, на дорогѣ наль въ ноги юноша лѣтъ пятнадцати и, подавая челобитную, просить въ вей о прощеніи отца своего, за преступленіе къ смерти осужденного, взглаждая со слезами такъ: «Всемилостивѣшій государь, помилуй несчастнаго отца моего, повели вмѣсто его наказать меня; готовъ умереть за него». Его величество, развернувъ бумагу и посмотрѣвъ въ нее, сказалъ: «Онъ виноватъ, а ты нѣтъ». Потомъ хотѣлъ идти далѣе; однако просящій юноша паль паки лѣцемъ къ земли, схватилъ за ноги монаршія и рыдаю говорилъ: «Помилуй

отца и меня; я вину его вашему величеству заслужу и Богомъ исполнить сіе обѣщаюсь». Государь, сожалѣніемъ тронутый, спросилъ его: «Кто тебѣ научилъ?» «Никто», отвѣчалъ смило стоящій на колѣняхъ отрокъ,—«сыновия любовь; со смертю его смерть [и] моя». По сему Петръ Великій, пристально посмотрѣвъ на лицо юноши сего, коего черты обѣщевали быть въ честь честнаго человѣка и доброго слуги государству, понеже его величество проинциаіемъ своимъ въ избраніи подданныхъ неслѣко ошибался и имѣть дарованіе по наружности людей познавать, сказалъ: «Убѣдительный примѣръ: счастливъ отецъ, вмѣя такого сына!»

Его величество вошелъ въ сенатъ, цареславивъ сыновнюю къ отцу горячность, вѣрѣль прошеніе сіе прочестъ и несчастному даровалъ жизнь. А сынъ его, записанный въ службу, самимъ дѣломъ, усердіемъ и вѣрностію своею увѣреніе сіе исполнилъ, достигнувъ заслугами до чина генеральского, который былъ мнѣ хорошій приятель и по фамиліи ироизывался Желибужской.

77.

Его императорское величество, ради мирнаго со Швеціею торжества возблагодари Бога и жемай къ народу показать милосердіе, отпустилъ преступленія тяжкихъ винъ, оставилъ государственные долги и недоимки, отворилъ заключеннымъ двери темницъ и даровалъ свободу, говоря съ восхищеніемъ: «Прошу и молю Бога, да проститъ мнѣ; но никто же безъ грѣха, кроме Сотворшаго насть; отпуская другимъ, отпустится и намъ; пусть веселится и радуется со мной Россія, чувствуя промыслъ Вышняго!»

78.

Нѣкогда отданъ быть въ походѣ одинъ офицеръ гвардіи подъ военный судъ, который за неосторожный противъ военныхъ законовъ проступокъ, учиненный имъ противъ непріятеля, присудилъ его повѣсить. Сентенція объявлена была ему въ присутствіи его полковника, государя. Осужденный, поклонясь его величеству,

просилъ такъ: «Виноватъ, но будь милостивъ яко Богъ, избавь отъ висѣльцы и отъ позорной смерти!» Петръ Великій на сіе отвѣчалъ: «Добро, ради прежней службы облегчить и разстрѣлять!» А офицеръ, поклонясь, говорилъ таки: «Я лучше бы желалъ быть застрѣленъ отъ непріятелей, нежели отъ своихъ солдатъ, съ которыми защищалъ отчество. Помилуй, государь, вспомни прежнюю вѣрность мою, посмотри на раны и прости! Обѣщаюсь быть осторожнѣй въ вину свою заслужить. Оплошность моя, а не измѣна». При чёмъ вдругъ открылъ грудь свою, обнажилъ руку и показывалъ язвы и пластыри. Монархъ перемѣнился въ лицѣ, на глазахъ явились слезы; всталъ съ мѣста своего и къ судающимъ штабѣ—въ оберъ-офицерамъ спокойно сказалъ: «Чтѣ теперь, господа, скажете?» А какъ ови молчали и ожидали послѣдняго рѣшенія отъ государя, то гласомъ милосердымъ заключили сей судъ такъ: «Сіи свидѣтельства даруютъ тебѣ жизнь; прощаемъ, только блюди обѣщаніе»,—что сей офицеръ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ. Вскорѣ послѣ того выпросился съ у государя съ особымъ отрядомъ, вспалъ съ такою храбростю на Шведовъ, что, разбивъ ихъ, одержавъ победу и, будучи при семъ случаѣ вновь раненъ въ голову, умеръ. Однако, будучи чѣсколько часовъ до смерти живъ, при концѣ послѣднаго вздоханія въ палатѣ къ офицерамъ съ радостю говорилъ: «Теперь-то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслуживъ вину свою предъ государемъ».

79.

Петръ Великій не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ у князя Меншикова, куда званы были и чужестранные министры; у себя же за обыкновеннымъ столомъ не приказано было служить при дворнымъ лакеямъ. Кушанье его было: кислые щи, студени, каша, жареное съ огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отѣжно жаловать лимбургскій сыръ; все сіе подавалъ мундюхъ его Фельтенъ. Водку употреблялъ государь анисовую, обыкновенное питье—квасъ, во время обѣда пилъ вино эрми-

тажъ, а иногда венгерское; рыбы никогда не кушалъ; за столомъ стоялъ всегда одинъ изъ дневальныхъ девицкіхъ; о лакеяхъ же говоривалъ: «Не должно иметь рабовъ свидѣтелями того, когда хозяинъ есть и веселится съ друзьями. Одн—перепосыки вѣстей, болгають то, чего не бывало».

80.

Въ бесѣдахъ его величество бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходителенъ въ простотѣ, безъ церемоній и вычуръ и любилъ около себя имѣть веселыхъ, но умныхъ людей; досадчиковъ въ бесѣдѣ не терпѣлъ и въ наказаніе тому, кто ного оскорбилъ словомъ, даваль пить щокала по три вина или ковытъ съ виномъ, называемый Орелъ, чтобы лишнаго не вралъ и не обижалъ; словомъ, онъ и гости его забавлялись равно; цепримѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный государь, но казался быть простымъ гражданиномъ и приятелемъ. Я многажды бывалъ съ императоромъ въ такихъ бесѣдахъ и такому обхожденію его былъ свидѣтель.

Обыкновенно вставалъ его величество утромъ часу въ пять томъ, съ полчаса прохаживался по комнатѣ; потомъ Макаровъ читалъ ему дѣла; послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ въ шесть часовъ въ одноколкѣ или верхомъ къ работамъ или на строенія, оттуда въ севать или въ адмиралтейство. Въ хорошую погоду хаживалъ вѣшнемъ. Обѣдалъ въ часъ по полудни. Въ десять часовъ пилъ одну чарку водки и заѣдалъ кренделемъ; послѣ того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ таки разныя дѣла; по окончаніи онъхъ тачивалъ; по томъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ близкими вѣселился. Такая-то жизнь была сего государя. Голландскія газеты читывалъ послѣ обѣда, на которыхъ дѣлывалъ свои примѣчанія и надобное означать въ нихъ карандашомъ, а иное—въ записной книжкѣ, имѣя при себѣ готовалью съ потребными инструментами математическими и хирургическими. Допускъ по дѣламъ предъ

государя быть [къ] особый кабинетъ подъ токарной или въ самую токарную. Обыкновенно доускаены были: съ доклада—канцлеръ графъ Головкинъ, генераль-прокуроръ графъ Ягушинскій, генераль-фельдцейхмайстеръ графъ Брюсъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, тайный советникъ Остерманъ, графъ Толстой, сенаторъ князь Долгорукій, князь Меншиковъ, генераль-полицмайстеръ Давіеръ, флотскіе флагманы, корабельные и прочіе мастера; безъ доклада—князь-цесарь Ромодановскій, фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, которыхъ провожали до дверей кабинета своего, да ближніе комнатныя: механикъ Нартовъ, секретарь Макаровъ, денщикъ, камердинеръ Полубояровъ. Чрезъ сихъ-то посыдахъ докладывалось было его величеству о приходящихъ осоахъ. Даже сама императрица Екатерина Алексѣевна обсыпалась запередь, можетъ ли видѣть государя, для того, чтобы не помѣшать супругу своему въ упражненіяхъ. Въ сихъ-то комнатахъ производились всѣ государственные тайности; въ нихъ оказывалось было монаршее милосердіе и скрытое хозяйствское наказаніе, которое никогда не обнаруживалось и вѣчному забвению предавалось было. Я часто видѣлъ, какъ государь за вину знатныхъ чиновъ щедръ здѣсь дубаною подчиавъ, какъ они носилъ сего съ веселымъ видомъ въ другія комнаты выходили и со стороны государевой, чтобы посторонніе сего не примѣтили, въ тотъ же день къ столу удостоиваны были. Но все такое исправленіе чинилось не какъ отъ императора подданныому, а какъ отъ отца сыну: въ одинъ день наказанъ и покалованъ. Сколь монархъ былъ вспышчивъ, столько и смиходителенъ; да иначе и быть ему почти не можно было по тѣмъ досадамъ, которые противъ добра, устроимаго имъ, чинились. При всемъ томъ быть великодушенъ и прощаль вины великія неоднократно, если раскаяніе принесено ему чистосердечное.

81.

Петръ Великій, употребляя марциальныя воды на Истецкихъ желѣзныхъ заводахъ, разстояніемъ отъ Москвы въ девяносто

верстахъ по Калужской дорогѣ, отъ Баева колодезя вправо, при надлежавшихъ тогда заводчику Миллеру, куда привезенъ былъ и токарный станокъ, и изъ при томъ быть приказано было, волерыхъ, для того, чтобы обще съ государемъ точить, а во вторыхъ, чтобы разные дѣлать опыты надъ плавкою чугуна для литья пушекъ. Для тѣлодвиженія, кроме точенія, выковывать самъ его величество желѣзныя полосы, при плавкѣ изъ печей выпускать чугунъ, на перекѣбъ бывалъ въ гребль и осматривать на ней укрѣшенія плотинъ. Во время пребыванія своего тамо болѣе четырехъ недѣль выковалъ пѣсколько пудъ желѣза, положивъ на земль клейма съ означеніемъ года, мѣсяца и числа, которые и понынѣ въ память трудовъ сего монарха хранятся на тѣхъ заводахъ. Наконецъ, освѣдомясь, какую ковачъ-мастеръ получаетъ за то плату, при отѣздѣ своемъ у завододержателя Миллера требовалъ заработныхъ денегъ, сказавъ ему: «Я выработалъ у тебя за осьмадцать пудъ осьмадцать алтынъ; заплати!» И когда Миллеръ сіи деньги государю вручалъ, тогда его величество говорилъ: «Бродя по заводу, избралъ я подошвы; возкратясь въ Москву, на эти деньги куплю въ редахъ башмаки»,—которые, подлинно купя и нося, показывалъ многимъ и рассказывалъ, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками. Чрезъ сіе подавалъ онъ подданымъ образецъ, что воздаяніе пріобрѣтается трудами, и что онъ даже низкія работы не прелебрегалъ и всему учился самъ.

82.

Его величества камердинеръ Полубояровъ жаловался государю, что жена его слушается и съ нимъ не спить, отговариваясь зубною болью. «Добро», сказаль онъ, — «я ее поучу». Въ одинъ день, зашедшіи государь къ Полубояровой, когда мужъ былъ въ дворцѣ, спросилъ ее: «Я слышалъ, болитъ у тебя зубъ?» «Нѣтъ, государь», доносila камердинерша съ трепетомъ, — «я здоровая». «Я вижу, ты трусишь». Отъ страха не могла она болѣе отрицаться, покиновала. Онь выдернулъ ей зубъ здор-

вый и поспѣ сказалъ: «Повинуясь впередъ мужу и помни, что жена да боится своего мужа, иначе будетъ безъ зубовъ». Потомъ, возвратясь его величество во дворецъ, при маѣ усмѣхнувшись Полубоярову говорилъ: «Поди къ женѣ, я выѣхалъ ее; теперь она послушна тебѣ не будешь».

Сѣ было точно такъ, а не иначе, какъ прочие рассказываютъ, будто бы Полубояровъ, осердясь на жену свою, о звѣрской боли государю извелъ напрасно жалобу, будто бы государь, узнавъ такую ложь, послѣ за то наказалъ его дубиной. Намѣреніе его было дать женѣ почувствовать и привести ее въ повиновеніе къ мужу, понеже жалоба на нее отъ мужа была еще и та, что она, выѣхавъ любовникомъ, его предавала.

Надобно вѣдать, что государь часто хирургическая операциія при разныхъ случаяхъ дѣлывалъ самъ и имѣлъ въ сношь знаніе. Вырванныхъ зубовъ находятся цѣлый мѣшокъ съ педиканомъ и клемцами въ кунсткамерѣ.

83.

Его величество, сидя у окна и увидѣвъ, что на Невѣ при вѣтре плаваютъ буеры и другія суда подъ парусами, прилучившемуся тогда фанъ-Бруинсу, флотскому офицеру и Экипажмейстеру, котораго онъ жаловалъ, сказалъ: «Господинъ фанъ-Бруинсъ, приготовь мой ботъ, я съ ними повеселюсь. Слава Богу, вижу, что труды мои не тщетны!» Потомъ, сѣвъ съ Бруинсомъ въ ботъ, плаваль противу крѣпости, встрѣчалась съ другими судами, кричалъ: «гусс, гусс», поверотиль къ Лахтѣ, оттуда путь воспоряль къ Дубкамъ, гдѣ переночевалъ; на другой дѣнь благополучно возвратился въ Петербургъ.

NB. Государь велѣлъ парусныхъ и гребныхъ суда комиссару Потемкину разныхъ чиновъ людимъ раздать безденежно, а какимъ образомъ оными управлять — написалъ собственноручную инструкцію, повелѣвъ въ указаній часть по сигналу сѣѣжаться для обучения на Невѣ.

84.

Его величество, получивъ отъ Пруссаго короля письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за присланную, собственными руками Петра Великаго точечную табакерку, на которой изображенъ былъ портретъ его, сказалъ Нартову: «Я знаю, что работа наша королю пріятнѣе золота. Онъ — таковъ, какъ и я: роскоши и мотовства не любить».

85.

Государь, вспомни о фельдмаршалѣ графѣ Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, вздохнувъ, съ сожалѣніемъ сказалъ: «Бориса Петровича нѣть уже, не будетъ скоро и часть. Храбрость и вѣрная его служба не умрутъ и памятны будутъ въ Россіи всегда».

Миѣ самому случилось видѣть неоднократно, что Петръ Великій, уважая его отмѣнно, встрѣчалъ и провожалъ его не яко подданнаго, а яко гостя-героя, и говоривъ: «Я имѣю дѣло съ командиромъ войскъ».

86.

Въ 1719 году, по одержаніи совершиенной побѣды надъ Шведами генераломъ княземъ Голицынымъ, его величество вознамѣрился пожаловать его деревнамъ, но онъ, отъ сего отрекшись, получилъ вѣсто сего шагу драгоценную и денежное награжденіе. Князь Голицынъ, получивъ отъ государя деньги, купилъ на сны шапки, коты и фуфайки и въ жестокую зиму раздалъ ихъ въ походѣ бывшимъ съ нимъ солдатамъ. Петръ Великій, увѣдомясь о такомъ безкорыстіи и человѣколюбіи, душевно былъ доволенъ; увидя князя Голицына и поцѣловавъ его въ лобъ, сказалъ ему: «Прямой сынъ отечества; ты печенился болѣе о здоровье моихъ солдатъ, чѣмъ о себѣ».

87.

О духовныхъ имѣніяхъ разсуждалъ Петръ Великій такъ: «Монастырские съ деревень доходы употреблять надлежитъ на

богоугодныя дѣла и въ пользу государства, а не дзя түнендицъ. Старцу потребно пропитаніе и одѣжда, а архіерею — довольное содержаніе, чтобы сану его было прилично. Наші монахи за-жирѣли. Врата къ небеси — вѣра, посты и молитва. Я очишу имъ путь къ раю хлѣбомъ и водою, а не стерлядями и виномъ. Да не дасть паstryрь Богу отвѣта, что худо за заблудшими сюдами смотрѣть!»

О семъ учрежденіе вышло 31-го января 1724 года.

88.

Его величество, возвратясь изъ сената, о князѣ Яковѣ Федоровичѣ Долгоруковѣ, который былъ изъ первыхъ сенаторовъ, генераль-прокурору графу Ягушинскому говорилъ: «Князь Яковъ въ сенатѣ прямой помощникъ; онъ судить дѣлько и мнѣ не шата-кается, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо».

89.

О произвожденіи генераловъ, полковниковъ и офицеровъ, оказавшихъ услугу, Петръ Великій сказалъ: «Я постараюсь, только какъ посудить князь-цесарь. Видите, что я и о себѣ про-сять не смѣю, хотя отечеству съ вами послужилъ вѣрно. Надле-жать избрать удобный часъ, чтобы частымъ представлениемъ его величество не прогибътъ. Чѣмъ будетъ, я ходатай за васъ, хоть и разсердится. Сердце кесаря въ руцѣ Божіей; помолимся прежде Богу, авось либо будетъ задѣ».

Сей князь-цесарь имѣлъ такую власть и довѣренность, что самаго государя въ чинѣ вице-адмирала пожаловалъ за морскую у Гавгута баталію. При выѣздахъ садился Петръ Великій въ каретѣ противъ князя-цесаря, а не рядомъ съ немъ, показывая поддавыемъ примѣръ, какое оказывается онъ почтеніе и почино-вение къ высшей особѣ.

Чинъ вице-адмирала отъ князя-цесаря объявленъ быть царю Петру Алексѣевичу, яко бывшему контр-адмиралу, въ сенатѣ,

гдѣ князь-цесарь сидѣть посреди всѣхъ сенаторовъ на тронѣ и дававъ аудіенцію государю при прочтеніи письменной реляціи подвиговъ его, въ образецъ прочимъ, что воинскія достоинства получаются единственно по заслугамъ, а не породою и счастіемъ. Такое произведеніе случилось въ 1714 году.

90.

Нѣкогда князь Меншиковъ, пришедъ къ дверямъ токарной комнаты его величества, требовалъ, чтобы его туда впустили, но, увидя въ томъ препятствіе, началъ шумѣть. На сей шумъ вышелъ къ нему Нартовъ и, удержавъ силою туда войти хотѣвшаго князя Меншикова, объявлялъ ему, что безъ особаго приказа отъ государя никого впускать не вѣрно, и потомъ двери тотчасъ заперъ. Такой непріятный отказъ сего честолюбиваго, тщеславнаго и гордаго вельможу столь разсердилъ, что онъ въ запальчивости, оборотясь, съ великимъ сердцемъ сказалъ: «Добро, Нартовъ, поман этого». О семъ происшествіи и угрозахъ донесено было тогда же императору, который въ то время точиль паникадило въ соборную церковь святыхъ апостоловъ Петра и Павла, яко благоговѣйный даръ, посвящаемый имъ Богу въ благодареніе за полученное имъ облегченіе отъ мардіальныхъ водъ, — на чѣмъ его величество, размѣшившись, произнесъ такую рѣчь: «Гдѣ жъ скрыться отъ ищущихъ и толкующихъ?» Потомъ, взглянувъ взоромъ удивительнымъ, сказалъ: «Кто дерзнетъ пративъ мастера моего? Посмотрю. Невѣжество художествъ и науки не терпеть, но я наглость рѣшу; подай, Андрей, чернила и бумагу!» Государь тотчасъ написалъ на токарномъ станкѣ слѣдующее и, отдавъ Нартову, промолвилъ: «Вотъ тебѣ оборона; ирибей сіе къ дверямъ и на угрозы Меншикова не смотри: «Кому не приказано, или кто не позванъ, да не входить сюда не токмо посторонний, но иже служитель дома сего, дабы хотя сіе мѣсто хозяинъ по-коиное куль!». Сей собственню Петра Великаго руково писанный указъ, данный мнѣ, Нартову, находится у меня понынѣ соблюденіемъ.

Послѣ сего не являлись болѣе докучатели, и тишина была около того иѣста толь велия, что монархъ, видя себя спокойнымъ и забавляясь тѣмъ, механику своему говорилъ: «Теперь, Андрей, по почтѣ ходящихъ сюда не слышно; знать, грома колесъ вашихъ боится», то-есть, обращенія или движенія колесъ машинъ; но въ самомъ дѣлѣ мнѣлъ его величество чрезъ сіе о прибитой къ двери бумагѣ.

91.

Андрей Нартовъ въ 1718 году, іюня 30-го дня, отправленъ былъ отъ лица царскаго съ дарами и съ нѣсколькоими великокорсными солдатами къ королю Прускому, имѣвшему тогда полѣ потсдамскихъ великановъ. По прибытіи его въ Берлинъ и Потсдамъ, принялъ былъ онъ королемъ весьма милостиво и, живши съ полгода при дворѣ, обучалъ короля не сколько точить по собственному желанію его величества и въ угодность Петру Великому, съ которымъ находился онъ въ великой дружбѣ и согласіи. Отъѣзжая изъ Берлина въ Лондонъ и въ Парижъ, въ знакъ отличного благоволенія пожалованъ былъ Нартовъ отъ короля портретомъ, осыпаннымъ алмазами, и на дорогу получилъ подарокъ тысячу червонныхъ, который въ разсужденіи известной королевской экономіи былъ знатный.

Путешествіе Нартова въ Парижъ и Лондонъ по повелѣнію государеву было ради того, дабы пріобрѣсть онъ вящіе успѣхи въ механикѣ и математикѣ, а притомъ, чтобъ сдѣлалъ тамъ для собственнаго упражненія его величества токарныя машины, которыя понынѣ въ сохраненіи находятся въ Санктпетербургской кунсткамерѣ, съ нырѣзаніемъ на каждомъ станкѣ имени сего россійскаго механика; сверхъ того, поручено было ему въ Лондонѣ домогаться получить свѣдѣнія о нововымыслилномъ лучшемъ пареніи и гнутіи дуба, употребляющагося въ корабельное строеніе, съ чертежемъ потребныхъ къ сему печей, и собратъ въ обсихъ иѣстахъ для любопытства монарха своего лучшихъ художниковъ физическихъ инструментовъ механическія и

гидравлическія модели; сего ради препорученіе онъ былъ особѣнно академіи президенту аббату Биньону, астроному де-Лафну, славному художнику Пижону и математику Вариньону, при которыхъ онъ знаніе свое въ потребномъ и порученномъ ему отъ государя дѣлѣ къ пользѣ отечества и къ чести своей усугубилъ.

Окончивъ надлежащее въ Парижѣ въ долженствуя переселиться въ Лондонъ, оставилъ онъ Парижской академіи въ знакъ почтенія и памяти выточные имъ въ присутствіе президента Биньона портреты короля Лудовика XIV и XV и дюка Орлеанскаго, правителя Франціи, которые доднесъ, съ изображеніемъ имени Нартова, въ Парижской академіи между рѣдкостями хранится и обще съ точеными фигурами Петра Великаго любопытствующимъ Россіянамъ показываются.

Сей знаменитый ученикъ аббать Биньонъ во удовлетвореніе успѣховъ, учиненныхъ Нартовымъ въ наукахъ, написалъ и отправилъ къ Петру Великому, имѣя счастіе быть самолично знакомымъ и носить его милость по случаю посыпанія его величествомъ академіи, одобрительное письмо, которое по тогдашнему переводу на россійскомъ языке отъ слова до слова гласить тако:

«Государь!

«Не могу изреци вашему величеству, съ коликою радостю пользуясь случаемъ, который представляется къ тому, дабы я могъ возвратится въ честь вашего напоминанія.

«Господинъ Андрей Нартовъ, который отъѣзжаетъ, доль намъ знать, что радъ бы онъ быть, дабы мы подали какое-либо свидѣтельство вашему величеству о томъ, еже съ межу нами чиналь. И потому перенялъ я на себя оное стараніе съ толико вящшію охотою, что, кроме превеликой чести, которая мнѣ отъ того приходитъ въ писанікъ къ вашему величеству, имѣемъ мы обѣ немъ донести токмо дѣла зѣло полезныя. Постоянная его прілежность въ учении математическому, великие успѣхи, которыя онъ учинилъ въ механикѣ, наспаче же во оной части, которая касается до токарнаго станка, и иные его добрыя качества дали

намъ знать, что во всѣхъ вещахъ ваше величество не ошибается въ изображеніи подданныхъ, которыхъ вы изволите употреблять въ свою службу. Сей совершеніе сходствуетъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое ваше величество его изволели опредѣлить; и не возьмите ваше величество сущая каяться въ важдиваніяхъ правдиво королевскихъ, которая вы изволите чинить, дабы онъ могъ, путешествуя по вашему указу, получить знанія, которые ему потребны. Мы видѣли недавно три медалі его работы, которыхъ онъ оставилъ академіи, яко памятной знакъ таکъ его искусства, какъ благодарности его. Одна изъ тѣхъ медалі есть Лудвика XIV, другая — королевская, а третя — его королевскаго высочества, моего милостиваго государя дука д'Орлеана. Не возможно ничего видѣть дивнѣйшаго! Чистота, исправность и субтельность находятся въ нихъ, а металъ не лучше выдѣланъ выходить изъ-подъ штемпеля, якоже онъ выходитъ изъ токарнаго станка господина Нартова. Онъ благоволилъ меня участникомъ учинить въ своеи секретѣ и позволилъ, чтобы я видѣлъ самъ, какъ онъ работаетъ. Усмѣяло меня, правду сказать, дивное досужество, съ которыми онъ изображаетъ однѣ разомъ лучка черты или характеры, которые обыкновенными грабитихелями или рыльцами трудно вырѣзать таکъ хорошо, хотя ими водить гораздо тише.

«Вы разумѣете, государь, лучше другиѣ всю хитрость оного художества, совершенству которого не уничтожили сами спосѣществовать. Ваше величество напомните, безъ сумбѣнія, о медалі, которую вы изволили показать, во время пребыванія своего въ Парижѣ, моему милостивому государю дуку д'Орлеану. Не однѣ онъ опытъ, который ваше величество изволили дать о любви своей къ наукамъ и изряднымъ художествамъ.

«Франція, имѣвшая счастіе стяжать вами иѣсколько времени, и ся же ученые люди имѣютъ оное жь въ томъ, что могутъ на вѣсъ взирать, яко на свою главу, соединилася съ досталью Европою, дабы дивитися тому, еже ваше величество по вся дни чинить, да успѣваютъ тѣ же изрядныи художества въ нашихъ областяхъ.

«Державы, государь, унѣковѣчиваются себѧ не меныше дѣй-

ствительство оною окотою, якоже шумомъ своихъ побѣдъ, и оной имперіумъ, идеше вы государствуете съ толькою словою и премудростію, тако процвѣтеть отъ славнаго запищенія, которое вы тамо даете изрядныи художествамъ и наукамъ, якоже отъ числа и простиранія вашихъ завоеваній.

«Въ тѣхъ мысляхъ высочайшаго дивленія и вкулѣ же глубочайшаго респекта, прошу вѣсъ всепокорно милостиво принять, дабы я имѣть честь наречиця, государь, вашего величества всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою Аббатъ Биньонъ».

Государь вѣльъ письмо сіе перевѣстъ и нѣкогда отправляющимся по указу его въ чужie ирай для обученія наукъ и художествъ Россіянамъ: Ерошкину, Хрущову, Земцову, Осову, Магнѣеву, Захарову и Меркурову прочесть, сказавъ имъ: «Желаю чтобы и вы съ такимъ же успѣхомъ поступали». Потомъ онъ переводъ отдалъ Нартову, а оригиналъ сохранилъ у себя въ набинѣтъ, Каспійскаго моря съ географическимъ и физическимъ описаніемъ, который и понынѣ хранится въ той академіи и путешествующимъ Россіянамъ показывается.

92.

При разсужденіи о мирѣ со Швеціею государь министрамъ своимъ сказаъ: «Я къ миру всегда былъ склоненъ, но того вепріятель слышать не хотѣль. Чтò Карлъ XII запуталъ упрямствомъ, то распутывать будемъ умомъ; а буде и сіе кынѣ не поможетъ, распутывать будемъ силою и оружіемъ, доколѣ миръ рѣшить самъ Богъ».

93.

Его величество, идучи отъ строенія Санктпетербургской крѣпости и садясь въ шлюпку, взглянулъ на первый свой домикъ и говорилъ: «Отъ малой хижинки возрастаетъ городъ. Гдѣ прежде жили рыбаки, тутъ сооружается столица Петра. Всему время при помощи Божіей».

94.

Господинъ Соймоновъ, бывшій въ Персидскомъ походѣ флотскимъ офицеромъ, сказывалъ слѣдующую веселую новѣсть:

Государъ вѣдумалъ единожды по корабельному обычаю сѣять забаву и небынзыхъ на какомъ-либо морѣ въ водѣ оваго купать. Его величество самъ себя отъ такой веселости не исключить; за нимъ послѣдовали адмираль и прочіе, хотя для некоторыхъ то и было страшно, чтобы, на доскѣ спда, трижды съ корабля въ воду спускаться. Всего болѣе императоръ тѣшился при купаніи Ивана Михайловича Головина, которого обыкновенно изволить называть адмиралтейскимъ басомъ. Сколько скоро его величество самъ его спускать сталь, то засмѣявшись сказали: «Опускается басъ, чтобы похлѣбать каспийской квасы!» Окунувъ его [глубоко] трижды, сѣялись послѣ самъ. По сказанию Соймона, такое увеселеніе поручено было дѣлать отъ государя надъ всѣми подъ управлениемъ его.

95.

Отъ генерала Василія Яковлевича Левашова слышалъ я приключеніе страшное:

Когда войски, высадленныя на берегъ, шли къ Дербенту и, расположившись становъ въ такомъ мѣстѣ, где пресмыкающіяся змѣи въ палаткахъ солдатъ не только беспокояли, но и жалили, отъ чего люди начали роптать, — о семъ тотчасъ доведено было государю. Его величество, зная въ лѣчебной науки разные способы противу ядовъ и жалъ вскорѣ отвратить вредъ и правильное негодование и безъ того утруженныхъ войскъ, вѣльзъ добыть растенія, наявуласнаго зоря, которой змѣи не терпятъ. Наловя нѣсколько змѣй, приказалъ тайно, чтобы прочіе не вѣдами, бросить ихъ въ зорю, въ которую траву они ядъ свой испустили. Учинивъ сіе, вышелъ императоръ предъ войско, держа въ руки змѣй, показывалъ ихъ солдатамъ и говорилъ: «Я слышу, змѣи чинятъ вамъ вредъ; не бойтесь: отъ сего

времени того не будетъ. Смотрите: онъ мои не жалитъ, не будуть жалить и вѣсть». Солдаты, видя такое чудо, дивились, присвоивали сіе премудрости государевої и стали спокойнѣ. Между тѣмъ, подъ видомъ благоуханія, потому, что отъ сильныхъ жаровъ въ воздухѣ былъ запахъ несносный, собрано было по близости множество зори и приказано расклѣсть по палаткамъ, къ которымъ змѣи, чувствуя сей духъ, больше уже не позвали.

Такимъ-то образомъ знаніе естественныхъ вещей, отвращая зло, приносить великую пользу, а въ не знающихъ такого средства производить удивленіе чрезъестественного могущества. Но вѣдь ли роды ядовитыхъ змѣй не терпятъ зори, того за вѣрное сказать не могу, — только съ тѣми змѣями было точно такъ, какъ сказано.

96.

Отъ него же генерала Левашова слышалъ я, что Петръ Великій, вѣзжая торжественно на конѣ въ городъ Дербентъ и зная по преданіямъ, что первоначальный строитель онаго былъ Александръ Великій, къ бывшему при немъ генералитету сказали: «Великій Александръ построилъ, а Петръ его взялъ». Сіе вѣрѣченіе заключало въ себѣ мысль поистинѣ справедливую, хотя скромностю сего мудраго монарха прикрытую, такую, что Дербентъ сооруженъ былъ Александромъ Великимъ и покоренъ власти Петра Великаго, то-есть: великий его строилъ и великий его взялъ.

На триумфальныхъ воротахъ, при торжественномъ выѣздѣ его императорскаго величества по возвращеніи изъ Персидскаго похода въ Москву, надъ проспектомъ города Дербента поставлена была слѣдующая латинская надпись, 1722 годъ въ себѣ содержащая: «Сию крѣпость соорудилъ сильный или храбрый, но владѣеть ею сильнейший или храбрѣший».

97.

Его величество въ Персидскомъ походѣ, расположася лагеремъ близъ города Тарку, намѣрался съ войскомъ идти къ Дер-

бенту; весьма дальний походъ, трудный по морю переправы и по степямъ вновья жаръ изнуряли крайне силы солдатскія и причинили въ некоторыхъ уныніе; но государь, преодолѣвая всѣ препятствія, былъ войску своему всегда примеромъ мужества и неустрашимой храбрости. Подъ вечеръ ходилъ онъ по лагерю, привѣтствуя упражненія солдатскія и охотно желалъ слышать самъ, что о семъ походѣ начальники и подчиненные говорятъ. Наконецъ, зашелъ онъ къ генерал-майору Кропотову въ палатку, сѣлъ и разсуждалъ, какимъ образомъ выгодѣе продолжать путь свой дальше. Солдаты, близъ сей палатки варившіе тогда для ужина себѣ кашу, вели между собою разговоръ, и когда между прочими одинъ въ разныхъ походахъ бывалый и заслуженный солдатъ, мѣшивая кашу и отѣбдавъ ону, къ прочимъ товарищамъ сказалъ: «То-то, братцы, каша, каша — веселая прилука наша», — а другой недавно служившій солдатъ, вспомнивъ жену свою и вздохнувъ, на то ему отвѣчалъ: «Ахъ, какое, братъ, веселье, разлука — несогда наша!» «Врешь, дуракъ», продолжалъ старый солдатъ, ударивъ его по плечу, — «въ походѣ съ царемъ быть, должно жену и несгоду забыть». Петръ Великій, услышавъ сіе, вдругъ выскочилъ изъ палатки и спросилъ у солдатъ: «Кто кашу весельемъ и кто разлукой называется?» Стоявшіе при томъ солдаты показали ему обоихъ. Монархъ, оборотясь потомъ къ Кропотову, приказывалъ такъ: «За такое веселье жалую сего солдата въ сержанты (дать ему на позументъ пять рублей), а того, который въ походѣ вспоминаетъ разлуку, послать при первомъ случаѣ на приступъ, чтобы лучше къ войнѣ привыкалъ, о чёмъ въ приказѣ во всемъ войску объявить», — что и исполнено было.

98.

Въ 1722 году, въ юнѣ мѣсяцѣ, императоръ Петръ Великій, собираясь изъ Астрахани въ походъ къ Дербенту, давалъ аудіенцію прибывшему изъ заволжскихъ кочевыхъ улусовъ для учиненія всеподданѣйшаго поклона хану Калмыцкому, подъ покровительствомъ Россіи находившемуся, который просилъ государя и

супругу его императрицу Екатерину Алексѣевну, чтобы они благоволили осчастливить посѣщеніемъ своимъ за Волгою, верстахъ въ пятнадцати, его ханское жилище, где онъ съ двадцатью тысячами хибитками подданныхъ Калмыкъ кочевалъ. Его величество, принявъ милостиво ханское прошеніе, на другой день изъ Астрахани туда отправился, въ препровожденіи Астраханскаго губернатора, прочаго генералитета, нѣсколько эскадроновъ драгунъ и казаковъ, верхами къ хану, а императрицаѣ хала въ открытой коляскѣ, везомой шестью персидскими конями. Калмыцкій ханъ съ кнizьями и чиновниками встрѣтилъ ихъ величествъ версты съ три и, потомъ поскакавъ напередъ къ кочесью, у разставленного на возвышенномъ мѣстѣ великолѣпнаго персидскаго шатра, съ женой, дѣтьми и прочими знатными Калмыками, при собраніи калмыцкаго войска, по степи насыпанаго, сихъ драгоценныхъ и высокихъ гостей съ пушечной пальбою привѣтствовалъ. По обычанию своему угождалъ ханъ разными яствами и плодами на серебряныхъ лоткахъ, а чихиръ подносилъ самъ ханъ и ханка въ золотыхъ кубкахъ. Во время обѣда императоръ разговаривалъ съ нимъ о персидскіиъ возмущеніяхъ, а какъ рѣчь дошла и до европейскихъ военныхъ дѣлъ, то ханъ рассказывалъ государю обращенія европейскихъ дворовъ столь обстоятельно, какъ будто бы имѣлъ онъ съ ними сношенія. Петръ Великій, подивившись такому свѣдѣнію, спрашивалъ: чрезъ кого онъ сіе вѣдаетъ? «Чрезъ сего Калмыка», отвѣчать ханъ, — «котораго видите позади меня стоящаго. Я посыпалъ его учиться языкамъ; онъ былъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ; чрезъ Москву получаетъ онъ печатные вѣдомости, переводить на калмыцкій языкъ и читаетъ инонія». Его величество похвалилъ такое любопытство.

Послѣ обѣда представилъ ханъ императору войско свое на коняхъ, которое покрывало все поле на пространство, едва-едва глазомъ объять могущее. Калмыки по обряду своему дѣлали копьями экверсцію и изъ луковъ кидали стрѣлы столь прозорно и мѣтко, что его величество немало симъ забавлялся и самъ съ ханомъ стрѣлялъ изъ лука. Потомъ пожаловалъ хану саблю,

украшенную алмазами, которую ханъ поцѣловалъ и, обнаживъ, вѣгъ Калмыкамъ составить кругъ. По возгласу его, однѣ разомъ изъ луковъ вылетѣла тьма стрѣль, въ верхъ воздуха пущенныхыхъ, и Калмыки съ ужаснымъ крикомъ императора поздравили, при чёмъ ханъ, поклонясь его величеству, говорилъ: «Сія сабля и пущенные стрѣлы всегда со мной готовы противъ непрѣятеля; если только, и поражу».

Петръ Великій, доволевъ будучи усердіемъ ханскімъ, вѣгъ Астраханскому губернатору подать привезенныи штандартъ, на которомъ на одной сторонѣ изображенъ былъ россійскій гербъ, а на другой — вензелевое имя его величества, и, въ виду всего калмыцкаго войска хану вручивъ, сказалъ: «Сіе знамя хану и войску его жалую за усердіе, въ знакъ покровительства». Потомъ подарилъ ему перо страусово въ шапку, бархатомъ ма-линовымъ покрытую соболью шубу и парчевой кафтанъ, чинов-нымъ людямъ — по суконному красному кафтану, а войску его вѣгъ чрезъ губернатора раздать двадцать тысячъ рублей. Им-ператрица же пожаловала хану поясъ парчевой съ изумрудною пряжкою, кисть жемчужную на шапку да нѣсколько кусковъ парчи и пелковыхъ матерій.

99.

Его величество за столои съ знатными генералами и полко-водцами о славныхъ государяхъ и о Александрѣ Великомъ говорилъ: «Какой тогъ великий герой, который воюетъ ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателемъ вселенныи! Александръ — не Юлій Цесарь. Сей былъ разумный вождь, а тотъ хотѣлъ быть великаниемъ всего свѣта; послѣдователемъ его неудачный успѣхъ». Подъ послѣдователями разумѣлъ государь Густава-Адольфа и Карла XII.

100.

О мирѣ промолвилъ вѣгъ государь такъ: «Миръ хорошо; од-нако, притомъ дремитъ не надлежитъ, чтобы не связали руки, да и солдаты чтобы не сдѣлались бабами».

101.

При опытахъ машиною пневматическою, показываемыи императрицѣ, когда подъ хрустальный колоколъ посажена была ласточка, государь, видя, что воздуха вытнутого было столько, что птичка запуталась и крыльями затрепетала, Аряшкну сказа-заль: «Помно, ве отнимай жизни у твари безвредной; она — не разбойникъ». А государыня къ нему промолвила: «Я думаю, дѣти по ней въ гнѣзда плачутъ». Потомъ, взявъ у Аряшкина ласточку, поднесла къ окну и выпустила.

Не изъявляеть ли сіе мягкосердія монаршаго даже до животной птички? Кольми же паче имѣть онъ сожалѣніе о человѣ-кахъ! Его величество множество дѣлывалъ вспоможеній ранен-нымъ и болѣющимъ, чиня своими руками операции, перевязывая раны, пуская кровь, прикладывалъ корой и пластыри, посыпая больницы, врачую и покоя въ нихъ воиновъ, учреждая богадѣльни для больныхъ и увѣчныхъ, дряхлыхъ и престарѣлыхъ, повелѣ-вая здоровымъ и силы еще имѣющимъ работать и не быть въ праздности, для сиротъ и малолѣтнихъ заводя училища, а для зazorныхъ младенцевъ или подкидышей устроия при церквяхъ госпитали для воспитанія. Все сіе не доказываетъ ли истиннаго императорскаго и отеческаго сердободрія? Мы, бывшіе сего великаго государя слуги, воздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердію его, котораго въ немъ не было. Наказанія неминуемыхъ происходили по крайней уже необходимости, яко потребное вражеваніе зла и въ воздержаніе подданныхъ отъ пагубы. Когда бы многие знали, что претерпѣвалъ, чтò сно-сѣль и какими улавливать бытъ онъ горестями, то ужаснулись бы, колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощаль преступленія, не заслуживающія милосердія; и хотя нѣть болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живегъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ монархѣ, уиремъ вѣрными ему и горячую любовь вашу къ земному Богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха взглажаемъ объ

отъ нашемъ для того, что благородному бесстрашию и правдѣ учились отъ него.

102.

Его величество въ кунсткамерѣ Арашкиту говорить примѣтѣ: «Я велѣлъ губернаторамъ собирать монстры (уродовъ) и присыпать къ тебѣ. Прикажи заготовить шкафы. Если бы я хотѣлъ присыпать къ тебѣ монстры человѣческие не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ, мѣста бы у тебя было для нихъ мало. Пускай шатаются они во всенародной кунсткамерѣ; между людьми они примѣтны».

103.

Въ отсутствіе государева изъ Петербурга пріѣзжіе изъ Иерусалима [греческихъ] монахи, между прочими рѣдкостями поднесли императрицѣ несгарааемый за огнь платокъ, яко отличайшую святость. Государыня подарила имъ знатную сумму денегъ, и они вскорѣ послѣ сего уѣхали. По возвращеніи, ее величества показывала съ восхищениемъ сю мѣоцѣнную вещь супругу своему, положенную въ серебряномъ ковчегѣ; а Петръ Великій, посмотрѣвъ и разсмѣявшись, сказалъ: «Это, Катенька, обманъ. А что дала денегъ бродягамъ за такую святость?» «Тысячу рублей», отвѣчала она. «Счастливы старцы, что до меня отсюда убрались», говорилъ государь.—«Кусокъ такого золотна привезъ я изъ Голландіи. Я заставилъ бы пристыдить ихъ другой ленъ въ Соловкахъ». Потомъ приказалъ Арашкиту принести изъ кунсткамеры то золото и для доказательства при ней на огнь жечь, которое не сгорѣло. При семъ случайѣ рассказывалъ государыни, сколько разъ гвоздей и древа креста Спасителя ведалъ онъ въ католицкихъ монастыряхъ въ путешествіе свое по Европѣ, а особенно въ вольномъ императорскомъ городѣ Ахенѣ.

104.

Колико Петръ Великій не терпѣлъ суевѣрія, только напротивъ божественные почитаніе законы и чтеніе Священнаго Пи-

санія ветхаго и новаго завѣта любилъ. О Библії говоривъ его величество: «Сія книга премудрѣе всѣхъ книгъ; она учитъ познавать Бога и творенія Его и начертываетъ должности къ Богу и къ ближнему: разумѣть въ ней чѣмъ мѣста яснѣ потребно вдохновеніе свыше. Учиться небесному—ствергнуть должно земные страсти».

Въ 1716 году повелѣлъ онъ напечатать въ Амстердамѣ Библію въ листъ на голландскомъ языкѣ, оставляя на каждомъ листѣ половину пустого мѣста для пріепечатанія синихъ на россійскомъ языкѣ подъ смотрѣніемъ синода въ Санктпетербургѣ, дабы чтеніемъ на природномъ языкѣ Библіи пріучить охотниковъ къ голландскому, яко языку, его любимому. Надобными языками для Россіи почиталъ онъ голландскій и немецкій. «А съ Французы», говорилъ онъ,—«не имѣмъ мы дѣла».

Изъ духовныхъ особы жаловалъ государь Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, блюстителя патріаршаго престола, да Феофана Прохоровіча, архіепископа Новгородскаго, которыхъ сочиненія и предики читывались и съ ними о духовныхъ дѣлахъ бесѣдовались.

105.

Его императорское величество, присутствуя въ собраніи съ архіереями, примѣтилъ чѣмъ-то усильное желаніе къ избранию патріарха, о чёмъ неоднократно отъ духовенства предлагалось было, вынувъ одною рукою изъ кармана къ такому случаю приготовленный Духовный Регламентъ и отдавъ, сказалъ имъ грозно: «Вы просите патріарха; вотъ вамъ духовный патріархъ, а противомыслиѧи сemu (выдернувъ другою рукою изъ воженья кортика и ударя синимъ по столу) вотъ булатный патріархъ!» Потомъ всталъ и пошелъ вонъ. Послѣ сего оставлено прошеніе о избраніи патріарха и учрежденіе святѣйшаго синода.

Съ намѣреніемъ Петра Великаго обѣ установлени духовной коллегіи согласны были Стефанъ Яворскій и Феофанъ Новгородскій, которые въ сочиненіи регламента его величеству помогали,

иаъ коихъ первого опредѣлилъ въ синодѣ предѣдателемъ, а другого — вице-президентомъ, самъ же стала главою церкви государства своего и нѣкогда, рассказывая о расправѣ патріарха Никона съ царемъ родителемъ его Алексѣемъ Михайловичемъ, говорила: «Пора обуздать не принадлежащую власть старцу; Богу изволившу исправлять мѣй гражданство и духовенство, я имъ обое — государь и патріархъ; они забыли, въ самой древности сie было совокупно».

106.

Петръ Великій, принявъ наимѣре сдѣлать чрезъ искусствъ скульпторовъ въ Италии надгробные монументы и поставить ихъ въ честь: первый — генералу-адмиралу Францу Яковлевицу Ленорту, второй — генералу-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, главному воюю россійскихъ войскъ Шеину и генералу Патрикію Гордону, говорилъ объ нихъ тако: «Сіи мужи — вѣрностію и заслугами вѣчные въ Россія монументы. Я соединю по смерти героевъ моихъ вмѣстѣ подъ покровительство героя святаго князя Александра Невскаго».

Желаніе его величества было поставить монументы въ монастырѣ святаго Александра Невскаго. Рисунки посланы были въ Римъ. Чтоже по симъ воспослѣдовало, не известно, понеже вскорѣ послѣ сего приключилась кончина сего великаго монарха.

107.

Нечавистники, дѣлая разныя навѣты и клеветы о невоздержаніи будто житїи и о праздности митрополита Стефана Яворскаго государю Петру Великому, который его паче прочихъ духовныхъ особъ жаловалъ, называя твердымъ столпомъ церкви, — старались всячески привести сего достойнаго мужа въ немилость. Его величество, слышавъ неоднократно объ немъ такія вѣсти, желалъ наконецъ удостовѣриться самимъ дѣломъ. Сего ради, не сказывая никому, вознамѣрился въ расимохъ поѣтить митрополита. Часу въ десятомъ вечью поѣхалъ къ нему на подворье и,

вопшедъ нечаянно въ келію, засталъ его одного, трудящагося въ сочиненіи книги: «Камень вѣры», обкладеннаго кругомъ богословскими твореніями. Митрополитъ, незапынившись поѣщеніемъ монарха удостоеній, хотѣлъ его потчивать, но государь, увидя за столѣ стоящія бутылки и мысла по наѣтамъ, что Стефанъ Яворскій вѣсто обыкновенного питья употребляетъ многоградное вино или водку, говорилъ: «Не трудись; я выью то, что пьетъ митрополитъ». Государь, наливъ изъ одной бутылки въ стаканъ напитка, пѣгъ и вашелъ, что то была брусличная вода; потомъ, посидѣвъ нѣсколько и бесѣдуя съ нимъ о духовныхъ дѣлахъ, принялъ за другую бутылку, вѣть ли тамъ водки, налилъ, отѣдалъ и ко удивленію своему обрѣлъ простую воду. Тогда вставъ, его величество объявили Яворскому откровенно, съ какимъ памѣреніемъ прѣѣзжалъ къ нему. Наконецъ, увѣряя его о продолженіи милости своей, сказалъ: «Клевета язвить, днемъ хулить; но непорочность язва и въ пощѣ. Процай, будь спокоенъ; неизвѣдность защищаетъ Богъ».

Оставя такимъ образомъ митрополита, вздумалось государю полюбопытствовать тогда же о Феофанѣ: что онъ сей ночи дѣлаетъ. Сего ради пріялъ путь прямо къ нему. Подъѣзжая къ жилищу его, увидѣлъ онъ много зажженыхъ свѣчъ. Двери были заперты. Онъ постучался. Отворили, усмотрѣли государя, кинулись къ Феофану и предварили извѣстіемъ о прибытіи его величества. Бывшіе у него гости послужились, столъ наполненъ былъ разными напитками и яствами. Но архіепископъ, съ веселымъ и бодрымъ духомъ встрѣтивъ радостно государя, шедшаго къ нему, и имъ покаль въ рукахъ съ венгерскимъ, возгласилъ: «Се женихъ грядеть въ полуночи! Блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща; недостоинъ же паки, егоже обрящетъ узывающа! Здравіе и благодеятвіе гостю неоцѣненному, велие счастіе рабу и богомольцу твоему, егоже посѣтити благоволіе!» Потомъ потчиваючи изъ сего покала вѣномъ, пили самъ, пили и гости. Такою разумною встрѣчью Петръ Великій былъ доволенъ, а Феофанъ, яко мужъ остроумный, умѣлъ

при семъ случаѣ угодить разговорами, откровенныи обращеніемъ развеселить и угостить монарха такъ, что онъ, возвращающаися отъ него около полуночи во дворецъ, сказалъ ему: «У Стефана яко у монаха, а у Феофана яко у архіерея весело и проводить время не скучно. Мнѣ откровенность твоя приятна. Всусе предъ тѣмъ лицеиѣть, кто лжѣ не вѣритъ. Скажи-ка, отче, скоро ль нашъ патріархъ пособѣтъ?» Подъ симъ разумѣль онъ, скоро ль Феофанъ кончить сочиненіе Духовнаго Регламента. И когда Феофанъ отвѣчалъ: «Скоро, государь, я дошиваю ему рясу», то его величество, улыбнувшись, сказалъ: «А у меня шапка для него готова».

108.

Его величество, присутствуя въ литеиномъ амбарѣ при вылитіи пушекъ, генералу-фельдцейхмайстеру Брюсу пріѣхѣ говорилъ: «Когда слова не сильны о мирѣ, то сіи орудія метають чугунныхъ мячей кепріятелямъ возвѣстять, что миръ сдѣлать пора».

109.

Безмѣрная любовь и охота Петра Великаго ко флоту и къ мореплаванію привлекали его часто въ лѣтнее время, будучи въ Петергофѣ,ѣздить на шлюпкѣ или на ботѣ въ Кронштадтъ почти ежедневно; когда же, за какими-либо дѣлами, не могъ оставаться тамо, то забавлялся зреиенiemъ съ берега на вооруженные корабли. Въ одинъ день государь, вышедъ изъ любимаго домика, именуемаго Монъ-Плезиръ, вынувъ изъ кармана зрительную трубку, смотрѣлъ въ море и, увидѣвъ идущіе голландскіе корабли, государыня съ восторгомъ говорилъ: «Ахъ, Катенька, плывутъ къ намъ голландскіе гости. Пусть смотрятъ учители мастерство ученика ихъ. Думаю, не похулять; и зѣло имъ благодаренъ». Потомъ отправилъ тотчасъ въ Кронштадтъ шлюпку, чтобы прибывшихъ на сихъ корабляхъ шкиперовъ привезти къ себѣ; между тѣмъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣливостию. Часу въ десятомъ въ вечеру приѣхали шкиперы въ Петергофъ, явились

прямо къ государю и по пріятельски ему говорили: «Здравствуй, императоръ Петры! «Добро пожаловать, шкиперы! «Здорово ли ты живешь?» «Да, благодарю Бога!» «Это намъ приятно». «Слушай, императоръ Петры Сыръ для тебя, полотно жены наши прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а пряники отдай молодому сыну», «Я благодарю васъ; сынъ мой умеръ, такъ не будеть болѣе ъсть в്�րяники». «Пускай кушаетъ твоя супруга».

Его величество приказалъ потомъ накрыть столъ, посадить шкиперовъ и самъ ихъ потчивасть. Они пили здоровые ихъ величеству: «Да здравствуетъ много лѣтъ императоръ Петръ и императрица, супруга его! Слава Богу, мы теперь какъ дома! Есть чтѣ поинть и пойстъ. Пріѣзжай къ намъ, государь Петры! Мы хорошо тебя попотчуемъ. Друзья и знакомцы твои охотно тебя видѣть хотятъ; они тебя помнятъ». «Вѣрю, поклонитесь имъ. Я, можетъ быть, еще ихъ увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ».

При семъ спрашивали его величество: сколько времени они въ морѣ были, не было ли противныхъ штурмовъ, какие товары привезли и что наимѣнѣи изъ Петербурга обратно взять? И такъ, пробывъ съ ними часа съ два, съ удовольствиемъ чрезвычайнымъ ими въ Кронштадтъ проводить указалъ, сказавъ при прощаніи: «Завтра я вашъ гость».

Такимъ-то образомъ императоръ обходился съ голландцами и тако пріохочивъ чужестранцевъѣздить въ Петербургъ, чтобы установить въ Россіи коммерцію моремъ.

Н. В. Извѣстно, что Петръ Великій, будучи въ Голландіи въ Сардамѣ, корабельному строенію учился. Путешествуя по указу его, былъ я самъ въ томъ мѣстѣ, где показывали мнѣ жилище сего монарха¹⁾), постелю его, шкиперское платье, топоръ, тѣмъ плотничаль, и прочія оставленныи вещи: вслomина обѣ немъ не яко о государѣ, но о истинномъ другѣ своемъ, говорили: «Петръ— другъ нашъ, хотя великій царь». Тутъ находилась еще каменная

¹⁾ Изъ буды, где государь плотничаль, Голландцы въ юную память построили хорошій домъ, называемый домъ княжескій.

и деревянная точеная посуда, изъ которой онъ съ мастерами кушивалъ, и которую показываютъ за диво. Сіе было въ 1718 году, когда я чрезъ Голландію проѣзжалъ.

110.

Государь, прохаживаясь по картинной галлерей въ Мон-Плезирѣ и любуясь на морскія картины, до которыхъ былъ великий охотникъ, остановился при одной, представляющей четыре соединенные флоты — россійскій, англійскій, датскій и голландскій, которыми флотами Петръ Великій въ 1716 году командовалъ съ превеликою честію, дѣлая разныя эволюціи, яко искусный вождь и адмираль, — съ восхищеніемъ Вильстера¹⁾ и фонъ-Брунзу говорилъ: «[Такое достоинство] едва ли кто въ свѣтѣ имѣть повелѣвать флотами чужестранныхъ народовъ и своимъ выѣстѣ. Я съ удовольствиемъ воспоминаю довѣренность тѣхъ державъ».

При такомъ изрѣченіи отъ восторга видны были на очахъ его слезы. Тоже-то душа его чувствовала утѣшеніе! Сія картина сдѣлана была нарочно въ Голландіи искусствіемъ живописцемъ Адамомъ Зилло и подарена была въ томъ же году бургомистромъ Витгеномъ. Его величество приказалъ граверу Пикарту съ сюжетомъ выреѣзать на мѣди.

111.

Царь Петръ Алексѣевичъ въ малолѣтствѣ свою нашелъ въ селѣ Измайлово ботикъ, Голландцами при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ построенный, на которомъ въ Москвѣ на Прославномъ прудѣ, на Москвѣ рѣкѣ и Яузѣ, а потомъ на Переяславскомъ озерѣ, плаваниемъ забавлялся. Сей-то незапно обрѣтенный ботикъ произвелъ въ юномъ государѣ, который прежде боялся воды, охоту къ построению сперва малыхъ фрегатовъ, потомъ военныхъ кораблей и быль причиной возрожденія великаго флота въ Россіи.

¹⁾ Вице-адмираль.

1723 года его величество приказалъ тотъ ботикъ привезти въ Санктпетербургъ, откуда отправленъ въ Кронштадтъ, гдѣ отъ всего флота прибытие снаго пальбою и другими морскими почестями поздравлено и въ память величайшихъ отъ того ботика на морѣ успѣховъ торжествовано. Въ сіе время монархъ на немъ быть нормчимъ, въ гребѣ находились генераль-адмираль Апраксинъ, два адмирала и адмиралтейскій полковникъ Головинъ, называемый Басъ. При семъ случаѣ, когда по возвращеніи въ гавань произведенъ быть залпъ, то государь, выходя изъ ботика, къ встрѣчающей его императрицы и ко всемъ министрамъ и флотскимъ адмираламъ сказалъ: «Смотрите, какъ дѣдушка (такъ называть онъ ботикъ) внучаты веселять и поздравляютъ! Отъ него при помощи Божеской флотъ на югѣ и сѣверѣ, страхъ непріятелямъ, помѣза и оборона государству!» Во время стола, когда пили здоровье ботика, то Петръ Великій говорилъ: «Здравствуй, дѣдушка! Потомки твои по рѣкамъ и морямъ плаваютъ и чудеса творятъ; время покажеть, явится ли она и предъ Стамбуломъ».

Государь не только что самъ страстную охоту къ водяному плаванію имѣть, но желалъ также пріучить и фамилію свою. Сего ради въ 1708 году прибывшихъ изъ Москвы въ Шлиссельбургъ царницъ и царевенъ встрѣтиль на буерахъ, на которыхъ оттуда въ новую свою столицу и приплыть. И когда адмираль Апраксинъ, верстахъ въ четырехъ отъ Петербурга, на яхтѣ съ пущечною пальбою въ принялъ, то Петръ Великій въ присутствіи ихъ ему говорилъ: «Я пріучаю семейство мое къ водѣ, чтобы не боялись впередъ моря, и чтобъ понравилось имъ положеніе Петербурга, который окружено водами. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ». Его величество подлинно сіе чиницъ и многократно въ Петергофъ, Кронштадтъ и Кроншлотъ съ царскою фамиліею по морю бажалъ, для чего и приказалъ для нихъ сдѣлать короткіе бостишки, юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывши изъ Москвы и въ вышепоказанномъ плаваніи находившіяся были: царица Прасковья Фео-

дормица, супруга царя Иоанна Алексеевича, и дщери его царевны Екатерины, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталья, Мария и Феодосия Алексеевны.

Но какъ водяного плаванія по краткости лѣта казалось Петру Великому мало, то приказывалъ отъ дворца къ крѣпости на Невѣ лѣдъ разчищать, гдѣ на ботахъ и другихъ малыхъ судахъ, поставленныхъ на полоски и коньки, при вѣтре подъ парусами съ флотскими офицерами и вицеградскими господами, подобно какъ бы на водѣ, катался и проворно лавировалъ. Къ симъ забавамъ привлѣкала и чужестраннѣхъ министровъ и зимовавшихъ голландскихъ шинкеровъ. На сихъ забавахъ потчивали всѣхъ горячимъ пуншемъ и однажды шинкеръ говорилъ: «Мы плаваемъ по лѣду, чтобы зимою не забыть морскихъ эзерсисій». На сіе одинъ голландскій шинкеръ отвѣчалъ: «Нѣть, царь Петъ, ты не забудешь! Я чаю, ты и во снѣ все флотомъ командуешь».

112.

О Лефорте Петръ Великій говорилъ: «Когда бъ у меня не было друга моего Лефорта, то не видать бы мнѣ того такъ скоро, чтѣ вижу нынѣ въ моихъ войскахъ; онъ началь, а мы довершили».

Государь отдавалъ каждому справедливость и не присвоивалъ себѣ трудовъ и славы постороннихъ людей. Надлежитъ знать, что Лефортъ учредилъ роту пѣхотныхъ солдатъ, а потомъ и два полка гвардіи.

113.

Когда механикъ Нартовъ находился во Франціи, Англії, Голландіи и Пруссіи, то государь въ небытиность его принялъ къ себѣ въ службу одного токарного мастера Англичанина, который бы въ точеніи помогать и машины содержать въ порядкѣ. По возвращеніи же Нартова въ Санктпетербургъ таки все было поручено въ его вѣдѣніе. Чужестранецъ, увидя отмѣную государя къ Нартову милость и то, съ какими отличными искусствами

ствомъ онъ точить, возвноваляръ на него и, опасаясь, чтобъ государь отъ службы его не уволилъ (ибо онъ жалованья получалъ по осьмисотъ рублей), началъ по зависти начатыя Нартовыи работы по выходѣ изъ токарной передѣлывать по своему и портить, дабы чрезъ таковое лукавство привести его у монарха въ немилость. Нартовъ терпѣть сіе отъ Англичанина нѣсколько разъ, но вакъ нѣкогда фигуру, по повелѣнію государеву начатую, такъ поврежденную видалъ, что и поправить ону было трудно, то и принужденъ уже быть выговорить жестоко. Англичанинъ бранілся и лѣзъ дрататься; но Нартовъ, оттолкнувшись отъ себя, ударила его кулакомъ по носу такъ сильно, что носъ отскочилъ и, ударъ на соль, зазвенѣлъ (ибо носъ у Англичанина былъ приѣланъ на пружинѣ). Въ сіе самое время его величество, въ другой комнатѣ привлѣконо трудившійся, услышавъ необычайный шумъ, всталъ и вошелъ къ нимъ и, увидѣвъ валяющейся на полу вось, а Англичанина безъ носу, засмѣялся и спросилъ: «Что за шумъ?» Нартовъ, подойди къ монарху, сущую правду разсказывая, а его величество терпѣливо слушалъ; потомъ, осмотря поврежденную вещь, Англичанину по голландски говорилъ: «Слушай! Ты—наемникъ, а онъ—мой! Точить онъ тебѣ лучше. Видѣдъ не шали, жили смирио, когда русскій хлѣбъ есть хочеть,— ипако попотчую вадорного гостя дубиною¹⁾ и вышло вонъ. Художники и ученые должны имѣть пріязнь, а не вражду». Потомъ вѣльъ Англичанину поднять отбитый носъ и опять работать, а чрезъ часъ позвалъ обоихъ къ себѣ и помирилъ. А за обѣдомъ, разсказывая императрицѣ смѣшную скору вадъ отшибеннымъ носомъ, весьма смѣялся и часто послѣ того при работахъ, смотря на Англичанина, смѣвался. Но чтобъ доказать чужестранцу, сколь его величество знаніе и искусство въ подданныхъ своихъ отличать умѣеть, то указалъ Нартову производить жалованья по

¹⁾ Сколько бъ нынѣ было работы дубинъ Петра Великаго, еслиъ посмотрѣть хорошенько на вадорныхъ гостей, которые не токарные, но государственные фигуры по яхности шортаты!

тысяч рублей и подчинилъ ему Англичанамъ, а тѣмъ, укротя гордость, сдѣлать сго смиреніемъ и послушнымъ.

114.

Петръ Великій, разговаривая съ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, съ князьями Голицынами и Репинными о военныхъ дѣлахъ Людовика XIV и о славныхъ полководцахъ Франціи, съ геройскимъ духомъ произнесъ: «Слава Богу! Дожилъ я до своихъ Тюренновъ, но Сюллія еще у себя не вижу!» Российскіе герои, поклонясь монарху, поцѣловали у него руку, а онъ поцѣловалъ ихъ въ лобъ.

115.

Послѣ Полтавской баталіи, въ шатре при собраціи генераловъ, когда поздравляли государя съ побѣдою и пробитой шляпой его пулею дивились и благодарили Бога, что здравію царя никакого вреда не приключилось, — на то Петръ Великій отвѣчалъ такъ: «Ради благополучія государства я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позоръ! Сія пула (указывая на шляпу) не была жребіемъ смерти моей. Десница Вышлага сохранила меня, чтобы спасти Россію и усмирить гордость брата Карла. Сія баталія — счастіе наше; она рѣшила судьбу обоихъ государствъ. Тако судиль Промыслъ воззваетъ славою отчины мою, и для того приносить будемъ благодареніе ваше Богу въ день сей въ вѣчныя времена».

116.

Когда государь желалъ учинить миръ съ Карломъ XII и о томъ ему предлагалъ, то король отвѣчалъ надменно: «Я сдѣлаю миръ съ царемъ тогда, когда буду въ Москвѣ». На сіе Петръ Великій сказалъ: «Братъ Карль все мечтаетъ быть Александромъ, но я не Дарій!»

117.

Всѣмъ известенъ безчестный поступокъ Августа, короля Польскаго, который, струя Карла XII, выдалъ генерала Паткуля, бывшаго россійскимъ посломъ. Сей несчастный Паткуль по приказанію Карла былъ колесованъ, а потомъ отсѣченная голова взяткнута была на коль. Петръ Великій, уведомясь о такомъ безчеловѣчномъ поступкѣ, весьма сожалѣлъ о Паткуль и сказалъ: «Августъ трусливъ научился у Поляковъ, а Карль свирѣпъ. Оба дадутъ Богу отвѣтъ за Паткуля. Кто жестокъ, тотъ не герой! Паткуль не заслуживалъ такого тиранства. Его весь свѣтъ оправдаетъ».

118.

Послѣ Полтавской баталіи, когда ушедшія съ генераломъ Левенгаултомъ войски въ полонъ сдались, тогда Петръ Великій къ предводителямъ своимъ говорилъ: «Благодарю Бога, теперь бремя тяжкое съ плечъ нашихъ свергнуто! Храбростью войскъ моихъ Карловы замыслы такъ разбиты, что трудно ему будетъ собирать ихъ въ одно мѣсто. Богъ устрояетъ по своему. Карлу хотѣлось побывать въ срединѣ вселенной Россіи, но чайтельно онъ теперь находится за Днѣпромъ у Турокъ».

119.

На другой день той же Полтавской побѣды представлены были предъ его величество, яко побѣдителя, всѣ знатные шведскіе пленники. Онь, принять ихъ милостиво, отдалъ имъ шапки и сожалѣлъ о несчастіи ихъ и о государѣ ихъ немиролюбивомъ. Потомъ угождалъ въ шатре своемъ фельдмаршала Рейншильда, графа Линца и прочихъ генераловъ и пилъ за здоровье ихъ достопамятныи марѣченіемъ: «Я пью за здоровье моихъ учителей, которые меня воевать научали!» И, выхваливъ мужество и храбрость Рейншильда, пожаловалъ ему свою шапку.

120.

Карлъ XII по сю сторону рѣки Борскы, при заложеніи редутовъ, такъ бытъ сильно раненъ пулею въ ногу, что принуждены были отнести его въ лагерь. Петръ Великій, узнавъ о сей, генераламъ своимъ говорилъ слѣдующее: «Жаль, что братъ мой Карлъ, проливъ много крови человѣческой, литье и собственную свою кровь для одной мечты быть властелиномъ чужихъ царствъ; но когда разсудительно не хочеть владѣть своимъ королевствомъ, то можетъ ли повелѣвать другими? Но при всемъ упорствѣ его, кровь его для меня драгоценна, и я желалъ бы миръ имѣть съ живымъ Карломъ. Я, право, не хочу, чтобы пуля солдата моихъ укоротила жизнь его».

121.

Петръ Великій, бесѣдуя въ токарной съ Брюсомъ и Остерманомъ, съ жаромъ говорилъ имъ: «Говорятъ чужестранцы, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками. Я повелѣваю подданнымъ, повинующимся моимъ указамъ. Сіи указы содержать въ себѣ добро, а не вредъ государству. Англианская вольность здѣсь не у места, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онимъ управлять. Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ болзни. Свидѣтели тому — вы. Полезное слушать радъ и и отъ послѣдняго поддавшаго; руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, — лишь бы не отягощали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякий часть имъ дорогъ. Недоброхоты и злодѣи мои и отечеству не могутъ быть довольны; узда имъ — законъ. Тотъ свободенъ, кто не творить зла и послушенъ добру. Не сугублю рабство чрезъ то, когда желаю добра, ощурство упрямыхъ исправляю, дубовый сердца хочу видѣть ингками; когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и въ гражданствѣ порядокъ и пріучаю къ людности, не жестокосердству; не тиранству, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть».

122.

Петръ Великій на славной Полтавской бatalіи, предводительствуя войскомъ и вездѣ въ опаснѣшемъ огнѣ находясь, храбростю и мудрымъ распоряженіемъ съ одною первою линіею, изъ десяти тысячъ состоящею, непріятельскую армию опрокинулъ и, обративъ въ бѣгъ, совершило разбить, при чмъ фельдмаршала Рейнштѣльда и прочихъ генераловъ въ полонъ взяль. Тогда приказалъ паче всего щадить и спасать жизнь Карла XII, непримиримаго непріятеля своего. Но, получа известіе, что найдена на полѣ королевская кашалка, въ дребезги разбитая, въ которой раненаго Карла носили, сожалѣть чрезвычайно о судьбѣ его и беспокоился, полагая его убитымъ, повелѣлъ искать между убитыми.

Не явный ли сіе знакъ истиннаго человѣколюбія, а не тщетвия славы и гордости побѣдителя, ищущаго въ смерти непріятеля торжества?

123.

Иванъ Михайловичъ Головинъ государь весьма любилъ и жаловалъ и послалъ его въ Венецию, чтобы онъ тамъ научился кораблестроенію и узналъ конструкцію галеръ, равно и италіанскому языку. Головинъ жилъ тамъ четыре года. По возвращеніи оттуда, монархъ, желая знать, чмъ онъ выучился, взялъ его съ собою въ адмиралтейство, повелѣлъ на корабельное строеніе и въ мастерскія и, показывая, спрашивалъ обо всемъ; но отвѣты показали, что Головинъ ничего не знаетъ. Наконецъ, Петръ Великій спросилъ: «Выучился ли хотя по италіански?» Головинъ признался, что очень мало и сего. «Ну, такъ что жъ ты дѣлалъ?» спросилъ его государь. «Всемилостивѣйший государь», отвѣчалъ ему Головинъ; — «я курилъ табакъ, пилъ вино, веселился и учился играть на басу и рѣдко выходилъ съ двора». Какъ всыпѣчились государь ни былъ, однако чистосердечнымъ и откровеннымъ признаніемъ былъ такъ доволенъ, что гѣность его ознаменовалъ только титломъ: «князь баса» ивелѣлъ нарисовать сго на картинѣ

съ курительной трубкою, сидящаго за столомъ, веселящагося и окруженнаго подгѣ музикальными инструментами, а математические и прочие инструменты брошеными вдали, въ знакъ того, что науки ему не понравились, и что выучился оѣ только играть на басу. Сю картину видѣть я самъ у государя, и которою его величество любовался. При всемъ томъ Головинъ находился въ службѣ при адмиралтействѣ въ чинѣ генералъ-майора. Петръ Великій любилъ его за прямодушіе, заѣрність и за природныя таланты. Въ бесѣдахъ, где бывалъ государь, бывалъ и Головинъ, то между ближними своими называлъ его въ шуткахъ ученымъ человѣкомъ и знатокомъ корабельного искусства или Баасомъ¹⁾.

124.

1717 года, въ бытность Петра Великаго въ Парижѣ, приказалъ оѣ сдѣлать въ одномъ дому для гренадеровъ баню на берегу Сены, и чтобы они въ оной посѣгъ пару купались. Такое необыкновенное и для Парижанъ, по мнѣнію [ихъ], смерть приключающее дѣйствіе произвело многолюдное собрание Парижанъ. Они съ удивленіемъ смотрѣли, какъ солдаты, выбѣгал разгоряченные баннымъ паромъ, кидались въ рѣку, плазали и ныряли. Королевскій гофмейстеръ Вертонъ, находящійся при услугахъ императору, вида самъ сіе купанье, Петру Великому докладывалъ, (не зная, что то дѣлается по приказу государя), чтобы оѣ солдатамъ запретить купаться, ибо до вѣтъ перемрутъ. Государь разсмѣявшись отвѣчалъ: «Не опасайтесь, господинъ Вертонъ! Солдаты отъ парижского воздуха нѣсколько ослабли, такъ закаливаютъ себѣ русскою баню. У насъ бываетъ сіе и зимою; привычка — вторая натура».

125.

Таинъ же государь, осматривая войски французскія, при чемъ были герцогъ Орлеанскій, дюкъ дю-Мень и Гизъ, и возвратясь

¹⁾ Государь звалъ Васъ придѣлъ Головину не по инструменту только баса, какъ выше показано, но называлъ его въ шутку Баасомъ по голландски, чтѣзначить мастеръ, ибо Головинъ корабельному мастерству не научился.

домой, князю Куракину, бывшему въ Парижѣ послу, сказаль: «И видѣть народныхъ куколъ, а не солдатъ. Они ружьемъ финтуютъ, а въ маршѣ только танцуютъ».

126.

При отѣзданіи изъ Парижа Петръ Великій сказалъ: «Жалѣю, что домашнія обстоятельства принуждаютъ меня такъ скоро оставить то мѣсто, где науки и художества цвѣтутъ, и жалѣю при томъ, что городъ сей рано или поздно огъ роскоши и необузданности претерпѣть великій вредъ, а отъ смрада вымреть».

127.

Его величество, увиди нечаянно въ столовой залѣ подъ великолѣбнымъ балдахиномъ поставленный портретъ супруги своей Екатерины, былъ весьма доволенъ дюкомъ д'Антиономъ, который сіе приготовить велѣлъ. Государь, сѣвъ за столъ противъ сего портрета, во время обѣда часто на оный смотрѣлъ и, будучи веселъ, дюку говорилъ: «Вы отгадали, я се люблю, и вѣсь, какъ за уятливость, такъ и за неожиданное съ женою мою свиданіе, благодарю».

Между тѣмъ какъ обѣдь часа съ два продолжался, славный живописецъ Риго, будучи въ другой комнатѣ, портретъ съ самого Петра Великаго написалъ, и когда дюкъ д'Антионъ поднесъ оный его величеству, то государь, смотря на него и удивляясь сходству, показывалъ бывшемъ при немъ князю Куракину, Шаффирову и Ягушинскому и говорилъ: «Право, похожъ». Потомъ приказалъ живописцу Риго оный докончить, за что и пожаловалъ ему сто луздоровъ.

128.

Петръ Великій окотно желалъ заключить дружескій союзъ съ Франціею. Но первый министръ кардиналъ Дюбуа, руководимый ложными политическими планами, въ томъ препятствовалъ.

На сие его величество сказалъ: «Господа думаютъ и разсуждаютъ о дѣлахъ, но слуги тѣ дѣла портятъ, когда ихъ господа стѣпо следуютъ внушенію слугъ».

129.

На дорогѣ въ Парижъ, въ Бовѣ, таможніемъ епископомъ приготовленъ бытъ для государя великолѣпный обѣдь, но его величество остановиться тамъ не разсудилъ, и когда сопутствовавшіе ему докладывали, что въ другомъ мѣстѣ такого обѣда не будетъ, то государь отвѣчалъ: «У васъ только и на умѣ, чтобы шить да єсть сладко. Для создата бытъ бы сухарь да вода, такъ сонѣтѣмъ и доволенъ; а здѣсь можно найти бѣлый хлѣбъ и вино».

130.

Въ 1714 году государь, будучи въ Финскомъ заливѣ со флотомъ, отъ Гельсингфорса къ Аланду претерпѣлъ великую опасность въ потеряніи самой жизни, ибо ночью поднялась жестокая буря, и весь флотъ находился въ крайнемъ бѣдствіи, и все думали, что погибнутъ. Его величество, увидѣвъ корабельщикиовъ своихъ робость, рѣшился сѣть на щлюбку иѣхать къ берегу и, зажегши тамъ огонь, дать знать близость снаго. Бывшіе на корабль его офицеры, ужасаясь отважности монаршой, всѣ пали къ ногамъ его и проили неотступно, чтобы отмѣнилъ сіе гибельное намѣреніе и чтобы имъ сіе исполнить повелѣлъ. Но государь, показывая подданнымъ на морѣ безстрашіе, не послушалъ ихъ, сѣль съ несколькими гребцами въ щлюбку и поплылъ. Руленье его величество управлялъ самъ, а гребцы работали сильно въ греблѣ, но, борясь долго противу ярящихся волнъ, начали ослабѣвать и уже потопленія ожидали. Въ таковомъ ихъ отчаяніи Петру Великому встали съ мѣста своего и въ ободреніе имъ кричалъ: «Чего боитесь! Царя везете! Кто велий, яко Богъ? Богъ съ нами! Ребята, прибавляйте силы!» Такая рѣчь возобновила мужество во всѣхъ; пробился онъ сквозь валы до берега, куда

вышелъ, зажегъ огонь въ тѣмь даль знакъ флоту, что онъ счастливо туда прибылъ, и что они также недалеко отъ берега. Государь, весь водою измоченный, обогрѣвался у огня съ гребцами и спросилъ: «Есть ли на щлюбѣ морской сбитень и сухарь?» И когда сіе къ нему принесено, то разогрѣвъ сбитень, выпить стаканъ, съѣсть сухарь, вѣльмъ выпить стакана по два матросамъ и потомъ близъ огня подъ деревомъ, покрывши парусиною, заснулъ.

131.

Апрѣля 27-го въ Парижѣ посыпалъ государя правитель Франціи герцогъ Орлеанскій. Первое слово его величества къ герцогу было такое: «Радуюсь, что славной столицы вижу славнаго правителя!» На что герцогъ отвѣчалъ: «А я за высокую честь поставляю видѣть самолично великаго государя и героя!» Разговоръ продолжался съ полчаса. Переводчикъ былъ князь Куракинъ. Въ свитѣ его величества находились князь Василій Долгорукой, Иванъ Бутурлинъ, Петръ Толстой, Шафировъ да генераль-адъютантъ Павелъ Ягушинскій.

132.

Тамъ же, въ бытность государя на монетномъ дворѣ, при тисненіи медалей вдругъ одна золотая медаль поднесена была Петру Великому. Его величество, взглянувъ на нее и увидя портретъ свой, а на другой сторонѣ изображеніе знаменитыхъ дѣлъ его, сказали герцогу д'Аспизу, который ему сю медаль и отдавалъ: «Сей даръ столько мнѣ любезенъ, сколько любезны изображенные на прочихъ медаляхъ дѣла Людовика XIV».

133.

Государь, отѣзжая къ Дюнкерку и увидя великое множество вѣтряныхъ мельницъ, разсмѣявши, Павлу Ивановичу Ягушинскому сказалъ: «То-то было для Донъ-Каштока было здѣсь работы!»

134.

Въ Калѣ Петръ Великій смотрѣлъ военные экзерсиціи, по томъ любопытствовалъ видѣть огромнаго великанъ, по имени Николай, и увидя спросилъ: хотеть ли онъ быть у него. «Желаю, ваше величество, быть у васъ, только чтобы неѣхать чрезъ Берлинъ и не попасться въ руки короля Пруссскаго; онъ непремѣнно выпросить меня у васъ и сдѣлаетъ потсдамскимъ солдатомъ». «Правда», сказалъ государь, — «у него бы ты былъ въ шеренгѣ первый grenadier и флигельманъ, но у меня будешь первый мой гайдукъ. Не бойся! Потсдамскимъ воиномъ тебѣ не быть въ короля не видать!» Почему и приказалъ отправить оного моремъ въ Петербургъ, где по возвращеніи государевомъ служилъ и за столомъ у него ставалъ, что видаль я самъ. Сей великанъ есть тотъ самый, который находится въ Санктпетербургской кунсткамерѣ.

135.

2-го июня 1717 года, послѣ полудня, єздилъ государь въ Сенъ-Дени смотрѣть разныя сокровища, королевскія гробницы и славное зданіе монастыря. Увидя тамъ маршалу Тюренну поставленный мраморный монументъ, при которомъ поставленъ орелъ устращенный, Петръ Великій спросилъ: «Что это значитъ?» И когда донесено было, что сія эмблема знаменуетъ Германію, подвигами сего славнаго героя въ ужасъ приведенную, то на сіе его величество сказали: «Потому-то сей орелъ пасмуренъ и не перистъ, что Тюренъ крылья у него обстригъ. Достойному мужу достойна и честь, когда Тюренъ между королями погребенъ». Но между знатными Россіянами государь разсуждалъ говорилъ: «Желалъ бы я видѣть гробницу Монтекукула; представлены ль тамъ лизія цвѣтущи?»

136.

Его величество, прибывъ въ голландскую крѣпость Намуръ, въ которой командовалъ графъ Гомпель, сѣлъ у воротъ на ло-

шадь и, сопровождаемый сімъ графомъ и офицерами, поѣхалъ въ замокъ осматривать укрѣшенія, о которыхъ дѣлалъ свои примѣчанія и между разговорами съ графомъ и прочими сказали: «Господа офицеры, которые здесь меня окружаютъ и которые храбростю въ послѣдней войнѣ отличались, подаютъ мнѣ приятное воспоминаніе, какъ будто находясь теперь въ отечествѣ моемъ съ своими друзьями и офицерами». При семъ случаѣ государь рассказывалъ иль о осадахъ и сраженіяхъ, при которыхъ самъ присутствовалъ. Бесѣдою сихъ воиновъ былъ онъ такъ доволенъ, что радость на лицѣ его написана была безмѣрная.

137.

Генераль-фельдцеймейстеръ графъ Брюсь мужъ былъ учтенный, упражнялся въ высокихъ наукахъ и чрезъестественному исѣрѣлъ. Его величество, любопытствуя о разныхъ въ природѣ вещахъ, часто говоривалъ съ нимъ о физическихъ и метафизическихъ явленіяхъ. Между прочимъ былъ разговоръ о святыхъ мощахъ, которыхъ онъ отвергалъ. Государь, желая доказать ему истины чрезъ Болескую благодать, взялъ съ собою Брюса въ Москву и въ проѣздѣ чрезъ Новгородъ зашелъ съ нимъ въ соборную Софійскую церковь, въ которой находятся разныя мощи, и показывая сіяя Брюсу, спрашивалъ о причинѣ истины ихъ. Но какъ Брюсь относилъ сіе въ племату, къ свойству земли, въ которой прежде погребены были, къ бальзамированію тѣлъ и къ воздержной жизни и сухождению или пощечинѣ, то Петръ Великій, приступиши къ мощамъ святаго Никиты, архіепископа Новгородскаго, открылъ ихъ, поднялъ ихъ изъ раки, посадилъ, развелъ руки и, наки сложивъ ихъ, положилъ, потомъ спросилъ: «Что скажешь теперь, Яковъ Даниловичъ? Отъ чего сіе происходитъ, что скелѣты костей такъ движутся, яко бы у живаго, и не разрушаются, и что видъ лица его, аки бы недавно скончавшагося?» Графъ Брюсь, увидя чудо сіе, весьма дивился и въ изумленіи отвѣчалъ: «Не знаю сего, а вѣдаю то, что Богъ

всемогущъ и премудръ». На сie государь сказалъ ему: «Сему-то вѣрю и я и виду, что сѣтскія науки далеко еще отстаютъ отъ таинственнаго познанія величества Творца, котораго можно, да разумѣтъ меня по духу. Тѣлесное, Яковъ Даниловичъ, такъ привѣзано къ плотскому, что трудно изъ сего выдраться».

138.

Петръ Великій, однажды разгневавшись сильно на князя Меншикова, вспомнилъ ему, какого онъ происходилъ, и сказалъ при томъ: «Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ. Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ, кричи: пироги подовые! какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ! Ты не достоинъ милости моей». Потомъ вытолкнулъ его изъ комнаты. Меншиковъ кинулся прямо къ императрицѣ, которая при всѣхъ такихъ случаяхъ покровительствовала, и просилъ со слезами, чтобы она государя умилостивила и смягчила. Императрица помяла немедленно, напала монарха пасмурнымъ. А какъ она нравъ супруга своего знала совершение, то и старалась впервыхъ его всячески развеселить. Миновался гдѣвѣтъ, явилось милосердіе, а Меншиковъ, чтобы доказать повиновеніе, между тѣмъ, подхватилъ на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, навѣсилъ на себя и въ видѣ пирожника явился предъ императора. Его величество, увидѣвъ сie, разсмѣялся и говорилъ: «Слушай, Александръ! Перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника!» Потомъ простя, паки привилъ его по прежнему въ милость. Сie видѣлъ я своими глазами. Послѣ Меншиковъ пошелъ за императрицею и кричалъ: «Пироги подовые!» А государь въ сѣдѣ ему смылся и говорилъ: «Помни, Александръ! «Помни, ваше величество, и не забуду: пироги подовые!»

139.

Государь пожаловалъ Нартову деревянный домъ близъ дворца, на углу Миллионной, гдѣ нынѣ палаты графа Брюса, за-

хаживаль къ нему часто, бесѣдоваль у него съ художниками, разсматриваль тутъ работы ихъ, разсуждалъ о разныхъ мастерствахъ и на токарномъ станкѣ тачиваль, говоря: «Я долженъ у моего механика и токарного мастера урокъ свой кончить». А какъ его величество любилъ мыльню, то указавъ на дворъ его построить баяю, нерѣдко въ сию съ девицами хаживаль; для тренія и паренья употребляя токарного ученика Левоныча, который былъ мужикъ дюжий. Нѣкогда Левонычъ поддалъ на каменку столь много, что его величество, будучи на верхнемъ полку, смыювшись закричалъ ему: «Слушай, Левонычъ, не зажарь насъ живыхъ, чтобы не сѣмъя насъ балыми мучениками! Я, право, въ числѣ ихъ быть не хочу!» «Не бось, государь», отвѣчалъ пареньчикъ, — «насъ старцы не любятъ». «Ты отгадалъ», сказали монархъ, — «однако же сѣмъя изъ насъ для нихъ копченой ряпухи!»

140.

1714 года, йюля 27-го, по полученіи у Гангута надъ Шведами морской победы, гдѣ его величество, яко контр-адмиралъ, командовавшій авангардомъ, шведскаго шаутбенахта Ершильда, весьма храбро защищавшагося, съ фрегатомъ и нѣсколькими галерами и прамами въ полонъ взялъ, и когда весь россійскій флотъ въ Кронштадтѣ возвратился, то учтено было въ Санктпетербургѣ торжество, куда привезены были шведскіи галеры, прамы и фрегатъ Ершильдовъ, Елефанъ или Слонъ называемый, подъ провожденiemъ россійскихъ галеръ, фрегатовъ и самаго того фрегата, на которомъ находился россійскій контр-адмиралъ царь Петръ Алексѣевичъ, яко победитель, и за сюю победу въ сенатѣ отъ князя-цесаря Ромодановскаго вице-адмираломъ пожалованъ. Ради сего уготованъ былъ славный обѣдъ у князя Меншикова, къ которому позваны были всѣ россійскіе знатные господа, иностранные министры и шаутбенахтъ Ершильдъ приглашенъ. Сему государь оказывалъ великую щедрость и посѣдѣ стола ко всѣмъ присутствовавшимъ особамъ говорилъ: «Здѣсь видите вы храб-

раго и вѣрнаго слугу своего государя, который достоинъ великихъ награды, и сколь долго пребудетъ онъ у меня, возьмѣсть всю мою мышль, хотя онъ и многихъ храбрыхъ Россіянъ побилъ». Потомъ, оборотясь къ Ершильду, съ улыбкой сказалъ: «Но я сіе прощаю вамъ, пребывая къ вамъ благосклоненъ». На что Ершильдъ, всенѣжайше благодари, отвѣчалъ: «Хоти и государю моему служилъ честно, однако дѣлалъ то, чего должность требовала. Я не щадилъ живота, шелъ на смерть, но ея не нашелъ (ибо на сраженіи получилъ семь ранъ), и единое меня теперь то утѣшаетъ въ несчастіи моемъ, что я вашимъ царскимъ величествомъ, какъ великимъ морскимъ офицеромъ я вынѣшнимъ вице-адмираломъ, въ полонъ взятъ и съ такою милостію отъ побѣдителя своего правятъ».

Не отдана ли при семъ справедливость отъ государя шведскому шаутбенхахту, а отъ него—истинное признаніе монарху? Коль ясно видется великолѣпіе геройское противъ пѣнного!

141.

Петръ Великій, начавъ службу въ сухопутномъ войскѣ [и во флотѣ] съ нижнихъ чиновъ, происходилъ въ вышнія степени существенными трудами, по заслугамъ и достоинству, за баталии и осады, при которыхъ, присутствуя особою своею, бывалъ то подчиненнымъ, то храбрымъ предводителемъ, въ сильнейшемъ огнѣ, съ безстрашiemъ и съ присутствиемъ духа, здраваго и рѣшительнаго разсужденія, въ опасныхъ случаяхъ противъ непріятелей, къ подданнымъ говоря такъ: «Побѣдить или умереть славно!» Наконецъ, достигнувъ до чиновъ сухопутной арміи до генераль-маіорскаго, а во флотѣ до вице-адмиральскаго, получалъ и обыкновенное жалованье. И когда его величеству оное приносили, то говорилъ: «Сіи деньги — собственныя моя; я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: обѣихъ долженъ и дать отчетъ Богу».

Я самъ слышалъ сіи рѣчи изъ устъ монархіи.

142.

Его величество, бывъ въ Парижѣ на астрономической обсерваторіи, съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ зрителную трубку на весь небесный сводъ и, обратясь къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ, съ восхищеніемъ говорилъ: «Вотъ для глазъ отверзла книга чудесъ Божіихъ, которая ясно показываетъ великую премудрость Творца! Бесѣдуя тѣломъ этой, право мыслю теперь тамъ! Я благодаренъ имъ, что зрею и душою путешествовать въ безконечности съ Вѣчнымъ Существомъ. Совѣтовалъ бы я безбожникамъ и вольнодумцамъ учиться астрономіи и почаще бывать на обсерваторіи, когда земной шаръ недостаточенъ имъ для увѣренія, и когда бродить по немъ слѣвно».

143.

Случилось государю лѣтомъ идти изъ Преображенского села съ некоторыми знатными особами по Московской дорогѣ, гдѣ съ видѣть онъ видѣть, потомъ скачущаго Ѣздового или разсыльщика, машущаго плетью и кричащаго прохожими и Ѣдущимъ такія [слова]: «Къ сторонѣ, къ сторонѣ! Шляпу и шапку долой! Князь-песарь Ѣдетъ!» А за нимъ вслѣдъ Ѣдущаго на колымажскѣ, запряженной однимъ конемъ, князя Ромодановскаго, на которомъ былъ длинный бешметъ, а на головѣ сафьянная шапка. Лишь только поравнялся онъ съ ними, то государь, остановивъ и не снимая шляпы, сказалъ: «Здравствуй, инъ гнедигерь герь кайзеръ! то-есть: мой малостивый государь кесарь! На сіе не отвѣчая князь ви слова, при сердитомъ взглядѣ, кивнувъ только головою, самъ продолжать путь далѣе. По возвращеніи его величества [въ Преображенское] и, не видя по обыкновенію изъ винатъ своихъ Ромодановскаго, послалъ просить его къ себѣ изъ тайного приказа, гдѣ князь присутствовалъ; но князь отправилъ впротивъ къ нему грознаго разсыльщика съ объясненіемъ, чтобы Петръ Михайловъ явился къ отвѣту. Государь, догадавшись толкъ о его гнѣвѣ, помчезъ на съданіе. При виѣствіи его величества о его гнѣвѣ, помчезъ на съданіе.

ства Ромодановскій, не вставалъ съ креселъ, спрашивалъ сурово такъ: «Что за спѣсь, что за гордость! Уже Петръ Михайловъ не снимаетъ пынѣцесарю и шляпы! Развѣ царя Петра Алексѣевича указъ не сиденъ, которымъ указано строго почитать начальниковъ?» «Не сердись, князь-цесарь», сказаъ Петръ Великій, — «дай руку, переговоримъ у меня и помиримся». На что не отвѣчалъ Ромодановскій ни слова, [едва и какъ будто не хотя съ креселъ приподнялся] и пошелъ рядомъ съ государемъ во дворецъ. Проходищему князю-цесарю черезъ переднея покой стоящие гвардіи штабъ-офицеры и другіе господа кланялись низко, ибо они его зѣло боялись и воздавали ему почестъ предо всѣми отличившую. И какъ государь въ другомъ покой остановился, то прізвалъ сихъ особъ предъ себѣ, вѣльъ поднести цесарю ковшичекъ отъемнаго вина, потому что онъ водки не любилъ, а себѣ и прочимъ — анисовой водки, а послѣ того предо всѣми говорилъ: «Я надѣюсь, что твое цесарское величество меня въ томъ проститъ, когда я передъ тобою не снялъ на дорогѣ шляпы. Сіе неучтивство произошло отъ твоего бешмета, въ которомъ сана твоего не позналь. Еслибы ты бытъ въ пристойной униформѣ, то есть, въ приличномъ капитанѣ, я бы отдалъ надлежашій по чину поклонъ». Какъ ни досаденъ будто бы былъ такой выговоръ князю-цесарю, однако подъ видомъ извиненія объясня, что бешметъ не мало не уменьшаетъ его чина и достоинства, государю сказаъ: «Я тебя прощаю». «Теперь мы поквитались съ тобою», отвѣчалъ улыбнувшись государь и, обратясь къ предстоявшимъ, продолжалъ слѣдующія слова: «Длинное платье мѣшало доселѣ проворству рукъ и ногъ стрѣльцовъ; они не могли ви работать хорошо ружьемъ, ни маршировать, то-есть, ходить. Для того-то вѣльъ я Лефорту пообрѣзать сперва жупаны и зарукавья, а послѣ сѣдѣть новые мундиры по обычая Европы. Старая одежда похожа болѣе на татарскую, нежели на сродную намъ, легкую славянскую. Долгой бешметъ у татаръ — то, что у козаковъ казакиъ. Въ спальному платьѣ являться въ команду не годится».

Такое нравоученіе относилось не на Ромодановскаго, но на

тѣхъ упрямыхъ бояръ, которымъ новая одежда не нравилась, и какъ видно, учинено [было] сіе отъ обоихъ по условію, дабы князь-цесарь, яко любимый его величества бояринъ, подавалъ прочимъ въ преобразованіи одежды примѣръ. Съ тѣхъ поръ князь Ромодановскій не ъжалъ больше въ бешметѣ въ Преображенскъ.

144.

Петръ Великій, въ бытность свою съ государыней Екатериной Алексѣевной въ Гагѣ, осматривая любопытныя вещи въ городѣ и окрестностяхъ снаго, провѣдалъ, что находится тамъ одинъ математикъ, который увѣрялъ, яко бы съскать онъ способъ узнавать долготу иѣсть (longitude); а какъ его величество любопытствовалъ видѣть такое важное изобрѣтеніе, то и желалъ присутствовать своею особою при опытахъ, которые объщалъ изобрѣтатель дѣлать своими инструментами, которые состояли такою компашью, который показывалъ, по сказанію его, степени долготы и широты иѣсть. Сей ученый мужъ устроилъ осьмоугольный шалашъ въ одномъ суднѣ, которое введеніо было въ гагскій большой прудъ; разставили сюзъ шести нумерованные, которыхъ планъ имѣть въ томъ шалашѣ, и которые представляли пристани въ разныя страны, а прудъ представлялъ яко бы пространство моря. Государь имѣть терпѣніе находиться въ семь закрытомъ со всѣхъ сторонъ шалашѣ болѣе трехъ часовъ съ графомъ Альбельмарлемъ, съ каяземъ Куракинымъ и съ нѣкоторыми депутатами Голландскими Штатовъ и съ симъ инвенторомъ. Гребцы, управлявшіе симъ судномъ, разъѣзжали всюду, а математикъ, запертый въ шалашѣ, означалъ и сказывалъ, въ которой сторонѣ пруда судно находилось, и подъ котораго шеста было. Петръ Великій дѣлалъ ему при томъ разныя возраженія; наконецъ аасвидѣтельствовалъ, что сей человѣкъ далеко дошелъ въ изобрѣтеніи своемъ, познавая долготу и широту иѣсть, но еще недостаетъ [въ томъ] нѣкотораго въ немъ совершенства, однако заслуживаетъ похвалу и награжденіе, говоря при томъ

Албелльмарлю и прочими съ памъ бывшимъ съдѣающею: «Я не мало ни хулю алхимиста, ищущаго превращать металлы въ золото, механика, старающаго сыскать вѣчное движение (регретио mobile), и математика, помогающаго узнавать долготу мѣстъ, для того, что, изыскивая чрезвычайное, незапно изобрѣтаютъ многія побочныя полезныя вещи. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, какъ то многие противное сему чинятъ, называя такія упражненія бредами».

Его величество подарила сену математику за трудъ сей 100 червонныхъ и приглашалъ его прѣѣхать въ Россію, чтобы онъ производилъ дальнѣйшіе опыты надъ симъ полезнымъ изобрѣтеніемъ въ его государстѣ, и обѣщаъ за сіе достойное награжденіе.

145.

При всѣхъ трудахъ и заботахъ государственныхъ государь никогда любилъ побесѣдоватъ и съ красавицею, только не болѣе получаса. Правда, любилъ его величество женскій полъ, однажды страстью ни къ какой женщинѣ не прильпалъ и утешалъ любовный пламень скоро, говоря: «Солдату утопать въ роскоши не надлежитъ; забывать службу ради женщины не простительно. Быть любовникомъ любовницы хуже, нежели быть пленникомъ на войнѣ; у непрѣителя сорая можетъ быть свобода, а у женщины сковы долговременны». Онь употреблялъ ту, которая ему встрѣтилась и нравилась, но всегда съ согласія ея и безъ принужденія. Впрочемъ имѣлъ такія молодецкія ухватки и такъ приятно умѣлъ обходиться съ женскимъ поломъ, что рѣдкая отказать бы ему могла. Видали мы сіе не только дома, во и въ чужихъ государствахъ, а особенно въ Польшѣ, когда онъ на такую охоту съ Августомъ бѣжалъ.

146.

Нечадно случилось его величеству увидѣть одну дѣвушку пріятнаго и красиваго лица, нарскую уроженку, лѣтъ двадцати,

которая жила во дворцѣ у надзирательницы царскаго белья и должность бѣлошвейки отиравляла; а какъ она при красотѣ одарена была и умомъ, то государь, познакомясь съ нею, нерѣдко ее у себя имѣлъ. Сколько скрыто сіе ни дѣжалось, однако какимъ-то образомъ проѣдала о семъ императрица. Сего ради, желая отличить отъ прочихъ сю фаворитку, вдругъ взяла ее къ себѣ вверхъ и опредѣлила ее свою камеръ-юнферою да и варижала ее лучше прочихъ. Его величество о такомъ происшествіи ничего не зналъ, ибо вскорѣ послѣ такой перемѣны случилось ему зайти въ комнаты своей супруги, где нечаянно и увидѣть свою знакомку. Такая незаданная встрѣча удивила monarcha и внутренне была непріятна. Онь не смотрѣть на нее и оборотился прочь. Государыня, прямѣя сіе, старалась его развеселить и съ видомъ благопріятнымъ доносila ему такъ: «Хотя эта дѣвушка вашему величеству и познакома, и я не имѣла прежде времени ее вами представать, однако, находя ее для себя надобною, принялъ въ камеръ-юнфера. Я думаю, государь, вы выборъ моей милостию примите и не сохулите; я около себя дурныхъ держать не люблю, а она и хороша, и умна». Государю представление такое было совсѣмъ, тѣо императрица сіе съ такою южностю, ласкою и повиновеніемъ дѣлала, что онъ не сказалъ на сіе ни слова, улыбнувшись вышелъ вонъ (покаже онь такую тонкость въ мигъ понять) и послѣ сю дѣвушку никогда къ себѣ не вызывалъ, да и вскорѣ послѣ того выдалъ ее за чиновнаго и богатаго лифляндскаго дворянина, чтобы тѣмъ доказать супругѣ своей, что камеръ-юнфера ея не есть его такая любовница, къ которой бы онь горячо былъ привязанъ.

147.

Когда государь вводилъ въ обычай собранія, въ которыхъ должныствовали стѣжжаться чиновныя особы вмѣсть съ женами и дочерьми; чтобы веселиться общую бесѣдою, забавами и танцованиемъ, чего прежде не бывало, — то случилось нѣкогда, что на одномъ балѣ любимецъ его Меншиковъ пошелъ танцевать въ

шагай. Его величество, увидя такую немытость, подопечь къ нему, сорваль съ него шлагу, бросиль ее въ сторону и близъ стоящимъ господамъ смѣючись говорилъ: «Не осудите его: онъ все думаетъ, что онъ передъ фрунтомъ на конѣ танцуешь со шлагою».

Нѣкоторые сказываютъ, что государь, за сіе будто бы разсердясь, ударилъ его въ щеку, но оное виновено на государя отъ чужестранцовъ напрасно, которые по ненависти всячески старались принесывать монарху явленную жестокость.

148.

Петръ Великій, по возвращеніи изъ Персіи въ 1723 году, възгѣль разныя неустроїства въ правлениі дѣлъ и преступленіяхъ, въ грабежѣ иѣкоторыхъ особъ, между прочими и князя Меншикова, который хотя чистосердечнѣй признаніемъ своимъ и освободился отъ тяжкаго наказанія, однакожъ учинено съ него было денежное взысканіе, лишень великихъ доходовъ да и потерпѣль милость и любовь у государя. Императрица при семъ случай была заступницею за Меншикова; она спасла его тогда отъ крайняго бѣдствія неотступнымъ прощеніемъ своимъ, на которое снисхода, монархъ при прощеніи сказалъ: «Ей, Меншиковъ въ беззаконіи зачать, и во грѣхъ родила мати его, а въ плутовствѣ скончаетъ жизнь свой. И если, Катевька, онъ не исправится, то быть ему безъ головы. Я для тебя его на первый разъ прощаю».

Сие слышалъ я самъ, когда государь государынѣ въ кабинетѣ своемъ говорилъ. Чуть-чуть уцѣль Меншиковъ тогда отъ совершенной погибели, ибо его величество довѣренность свою къ нему уже потушилъ, имѣя на него разныя и важныя подозрѣнія.

149.

Въ началѣ января 1726 года, въ самой тогдь мѣсяцѣ, когда судью Всевышаго опредѣльть былъ конецъ житія Петра Ве-

ликаго, и когда уже его величество чувствовалъ въ тѣлѣ свою болѣзнь припадки, все еще неутомимый духъ его трудился о пользѣ и славѣ отечества своего, — ибо сочинять и написать собственnoю рукою наказъ Камчатской экспедиціи, которая должна была проплыть и отыскывать мореходствомъ того, не соединяется ли Азія къ сѣверо-востоку съ Америкою, отдалъ онъ наказъ генерал-адмиралу Апраксину, назначивъ самъ къ нему испытанию флотскаго капитана Витуса Беринга, а въ помощь къ нему Мартына Шпангевберга и Алексея Чирковца.

Я, будучи тогда безпрестанно при государѣ, видѣль самъ
своими глазами то, какъ его величество сиѣшиль сочинить на-
ставленіе такого важнаго предприятия и будто бы предвидѣль
скорую кончину свою, и какъ оны были спокойнъ и доволенъ,
когда окончилъ. Призванному къ себѣ генералъ-адмиралу вру-
чили, говорилъ слѣдующее: «Худое здоровье заставило меня си-
дѣть дома; я вспоминаю на сихъ днѣхъ то, о чёмъ мыслилъ
давно, и что другія дѣла предпринять мѣшали, то-есть, о дорогѣ
чрезъ Ледовитое море въ Китай и Индію. На сей морской картѣ
проложено путь, называемый Аянань, назначень не напрасно.
Въ послѣднемъ путешествіи моемъ въ разговорахъ слышаю
отъ ученыхъ людей, что такое обрѣтеніе возможно. Ограда оте-
чество безопасностю отъ непріятеля, надлежитъ стараться на-
ходить славу государству чрезъ искусства и науки. Не будемъ
ли мы въ изслѣдованіи такого пути счастливѣ Голландцевъ и
Англичанъ, которые многократно покушались обыскывать бере-
говъ американскихъ? О семъ-то написать инструкцію; распоря-
женіе же сего поручаю, Федоръ Матвеевичъ, за болѣзнью мою
твоему попеченію, дабы точно по симъ пунктамъ, до кого сіе
принадлежитъ, исполнено было».

150.

Когда государь намѣренъ бытъ предать всенародному суду царевну Софию Алексѣевну и строгость закона надъ нею исполнить за послѣдній бунтъ, ея ухищреніемъ во время пребыванія

его въ чужестраныхъ государствахъ между стрѣльцами произведенный, дабы ей изъ монастыря освободиться и сдѣлаться самодержавною государынею, а Петра Алексѣевича на возвратномъ пути, не допустивъ до Москвы, убить,—то Лефортъ, кото-
рого государь любилъ паче прочихъ и совѣтовъ его слушалъ, представилъ ему и великую славу, и великодушіе, его убѣждаль, чтобъ онъ сестру свою простилъ еще разъ, на что получилъ такою отвѣтъ: «Ужели не знаешь того, какъ она посыгала на жизнь мою, хотя ей было тогда 14 лѣтъ?» «Такъ, государь», продолжалъ Лефортъ; — «но вы не лишайте жизни ее для своей славы, которая должна драгоцѣнѣе вами быть, нежели ищеніе. Сѣ оставить надеждѣть свирѣости Турокъ, кои обаграютъ руки въ крови братій своихъ; а христіанскій государь долженъ имѣть чувствованія милосердья». Убѣженный такимъ благороднымъ наставленіемъ, государь вздохнулъ, пожалъ плечами, простилъ Софью, пошелъ къ ней въ монастырь и чувствительные дѣла выговоры, которые произвели въ ней и въ немъ слезы. И хотя при такомъ указаніи Софія защищала краснорѣчіемъ своимъ весьма сильно невинность свою, однако, обличенная ясными доказательствами въ преступленіи своемъ, оставлена была на вечное заключеніе въ монастырѣ подъ стражею. Государь, по возвращеніи своемъ изъ монастыря, говорилъ Лефорту такъ: «Надѣлъ, что Софья при великомъ умѣи своемъ имѣеть великую злость и коварство».

Сю достопамятность слышалъ я отъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго.

151.

Государь, поручая договоры чинять о мирѣ со Шведами, при мѣѣ говорилъ Головкину, Брюсу и Остерману: «Я бы возвратилъ Шведамъ Ревель, да можетъ быть, отдалъ бы еще и болѣе, еслибъ король Английский¹⁾ не хвасталъ, что я не могу

¹⁾ Георгъ I.

Ревеля удержать и долженъ его отдать. Я покажу ему теперь вопреки».

152.

Когда Шведы, обицавъ деньги, послѣ парада Петру Великому продавали расхищенные мѣдныя пушки, то государь сказалъ Брюсу: «Какъ дорого война не стоять, а деньги у меня есть. Такой торгъ полезенъ: мѣдь надобна, когда своей еще мало».

153.

Его величество, показывая инѣй чертежъ новаго укрѣпленія Кронштадта, выдуманаго генераль-поручикомъ Минихомъ, и хвали его къ оборонѣ догадки, говорилъ: «Спасибо Долгорукову (который былъ въ 1721 году посланникомъ въ Польшу)! Онь доставилъ мнѣ сего искуснаго инженера и генерала. Когда Саксонцы и Поляки не умѣли его въ службѣ своей держать, такъ я покажу имъ, что въ умѣю достойныхъ и знающихъ генераловъ награждать». Послѣ сего поручилъ Миниху сдѣлать [проекты] Рогервикской гавани и Ладожскому каналу.

154.

О царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, когда онъ привезенъ былъ обратно изъ чужихъ краевъ, государь Толстому говорилъ такъ: «Когда бъ не монахия, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы! Отецъ мой виѣль дѣло съ одиѳомъ бородачемъ, а и съ тысячами. Богъ сердцевидецъ и судія вѣромѣющаго! Я хотѣлъ ему благо, а онъ всегдаший мнѣ противникъ». На сіе Толстой его величеству отвѣчалъ: «Кающемся и повинующемся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуху». На это повторилъ его величество: «Не будутъ летать скоро, скоро! И потомъ, взмахнувъ головою кверху и въ горести пожавъ плечами, вѣѣль позвать Ушакова и Румянцева, которыми дамъ по особой бумагѣ.

155.

По тому же следствію Толстому государь сказалъ: «Едва ль кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я! Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ несносенъ: она глупа. Сынъ меня невѣдомъ: онъ упрямъ. Все зло отъ подлускагелей».

156.

По тому же дѣлу государь говорицъ: «Страдаю, а все за отечество! Желаю ему полезное, но враги демонскія вакости дѣютъ. Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Единъ Богъ зритъ правду».

157.

Корабельные мастера, подъ предводительствомъ Баса Ивана Михайловича Головина, сдѣлали парушку, на которую приглашенъ былъ посторонній знатный чиновникъ, бывшій прежде стрѣлецкимъ головою и нѣсколько замѣшанъ въ ихъ бунтахъ, но чистосердечныемъ раскаяніемъ получивъ прощеніе и потому за долговременную службу и особенно оказанныя услуги обрѣзъ у его величества милость, а по отличному уму любовь и употребляемъ быть въ важныя дѣла. На той парушкѣ, послѣ обѣда, гости слишкомъ подвеселились и другъ друга частымъ подношениемъ стаканъ за стаканомъ подчинали, — то вышеупомянутый человѣкъ, уклоняясь отъ хмѣли, сѣялъ противъ комелька и притворился пьянымъ, дремлющимъ, шаталь головою и снялъ съ себя парикъ; въ самомъ же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которые другія подгудувши откровенно государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ и увиди пытливую голову сидѣвшаго на стуѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темрю раза два и сказалъ: «Притворство, господинъ Толстой! Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: «Эта голова ходила прежде за иной головою, ионисла, — боюсь, чтобы не сва-

зилась съ плечъ». А притворщикъ, очнувшись, взглянувъ на государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: «Не опасайтесь, ваше величество! Она вами вѣрила и на мѣ тверда; что было прежде — не то послѣ, теперь и впередъ». «Видите», сказалъ государь, — «онъ притворился, а не пьянъ! Поднесите ему стакана три доброго фляги¹⁾, такъ онъ поравняется съ нами и будетъ также сорочить²⁾».

158.

По возвращеніи генерала Бутурлина и тайного советника Толстого отъ царевича Алексея Петровича, къ которому они послыдали были отъ государя съ вопросами, его величество имъ сказалъ: «Теперь видите ясно, что онъ — другая Софья».

159.

Государь призывалъ къ себѣ въ чертежную генераль-поручика Миниха и приказалъ ему сдѣлать проектъ укрѣплений въ разныхъ удобныхъ мѣстахъ съ задѣшней лѣвой стороны отъ Риги по Двѣрѣ, а съ правой стороны отъ Риги къ морю до Пернова, отъ Пернова до Ревеля, отъ Ревеля до Нарвы и до самаго Петербурга, сказавъ ему: «Я надѣюсь въ этомъ по искусству вашему получить желаемое удовольствие скоро».

160.

Къ большой достопамятности и къ отличному правосудію Петра Великаго служить доказательствомъ отмѣненное имъ жестокое авіатское обнаженіе лишать имѣя тѣлья насиѣдниковъ, коихъ отцы учинали измѣну или иную вину противъ государя и тѣмъ заслуживали одно только праведное наказаніе, но вместо того жены, дѣти ихъ, родственники, начиная невинные, за преступленіе родителей обще погибали или въ вѣчную ссылку

¹⁾ Фляжъ — грѣхъ пиво съ ковылкомъ, съ ядерцомъ и съ химониномъ сокомъ.

²⁾ Сорочить, то-есть, болтать, какъ сорока.

ссылаемы были. Но Петръ Великій, по правосудію и величодушію своему отмінивъ сіє варварське узаконеніе, разсуждали: «Государю зазорно обогащатися стяжаніемъ подданного и невинное семейство его лишать имущства и пропитанія. Певинность возопітъ къ Богу».

161.

Государь рассказывалъ графу Шереметеву и генералъ-адмиралу Апраксину, что онъ въ самой молодости своей, чигая Несторовъ лѣтописецъ, видѣлъ, что Олегъ посыпалъ за судахъ войски подъ Царыградъ, отъ чего съ тѣхъ поръ поселилось въ сердцѣ его желавіе учинить то же противъ вѣроломныхъ Турокъ, враговъ христіањь, и отмстить обиды, которыхъ они обще съ Татарами Россія дѣлали, и для того учредилъ кораблестроеніе въ способчомъ мѣстѣ, и такую мысль его утвердила бытиость его въ 1694 году въ Воронежѣ, гдѣ, обоворъвавъ овъ мѣстоположеніе реки Дона, ватъ способымъ, чтобы по взятии Азова пройти и въ Черное море. Притомъ рассказывалъ имъ еще то, что первое его посѣщеніе города Архангельска породило въ немъ охоту завести тамъ строеніе судовъ, какъ для торговли, такъ и для морскихъ промысловъ. «А вынѣ при помоші Божіей», сказалъ онъ, — «когда есть Кронштадтъ и Петербургъ, и храбростю вашою завоеваны Рига, Ревель и прочіе города, то въ Архангельскѣ строящіеся корабли могутъ быть защищеною противъ Шведовъ и другихъ морскихъ державъ. Вотъ, друзья мои, для чего полезно государю въ отчинѣ своей путешествовать и замѣтить то, что государству произвестъ можетъ сущую славу и процвѣтаніе!»

162.

Славный генералъ Патрикъ Гордонъ, оказавшій противъ Турокъ и Татаръ и при внутреннихъ мятежахъ противъ стрѣльцовъ храбрыя Россія услуги, въ 1699 году заболѣлъ опасно. Государь, посыпая его вседневно въ болѣзни, былъ при самой

его смерти, и когда скончался, то закрылъ его величество ему очи своею рукою и потомъ подѣловаль его въ лобъ, а при великолѣпномъ погребеніи сего мужа присутствовавшимъ чужестранцамъ и со слезами провозгласилъ: «Я и государство лишились усерднаго, вѣрнаго и храбраго генерала. Когда бъ не Гордонъ, Москвѣ было бы бѣдствіе великое». Потомъ, когда поставили гробъ въ могилу, то государь, кинувъ туда земли, сказалъ къ предстоящимъ: «Я дало ему только горсть земли, а онъ далъ мѣй цѣлое пространство земли съ Азовомъ».

Сей чужестранецъ, по сказанію тѣхъ, комъ его лично зналъ, любить былъ не только Петромъ Великимъ, но и подданными его. Смерть его была сожалѣніемъ всеобщимъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Этотъ разсказъ составленъ по Вольтеру и главнымъ образомъ по Ж. Руссе. Первая фраза, служащая введеніемъ, развѣвается слѣдующими словами Вольтера изъ начала IX-й главы его «Исторіи»: «C'était une chose inouïe dans l'histoire du monde, qu'un roi de vingt-cinq ans qui abandonnait ses royaumes pour mieux régner». Далѣе монологізасіе о пребываніи Петра въ Голландію и о пребываніи его въ Сардамѣ съ 7-го августа до конца 1697 года почти цѣлымъ перенесено изъ Руссе (II, 123—126, 129—131): «Ausait-il que le Czar fut arrivé à Emmerick, petite Ville sur les Frontières de la Gueldres, il abandonna ses Ambassadeurs à tous les fatigans honneurs du Ceremonial, et pris en diligence la route d'Amsterdam, où on peut dire qu'il brûloit d'arriver; effectivement il y arriva quinze jours avant la grande Ambassade n'ayant avec lui que sept jeunes Seigneurs du nombre desquels étoit le jeune Prince Sibirski... Le Czar passa Amsterdam comme un éclair, pour se rendre à Sardam dans une Barque qu'il avoit louée, et qu'il condanisoit lui-même habillé comme le sont les Matelots du Pays... Étant abordé il sorta le premier à terre tenant une corde pour amarre sa Barque, afin d'être moins reconnu, il entra avec sa suite dans le premier Cabaret, et comme ceux-ci étoient habillés à la Russienne, le Cabaret fut bientôt rempli de curieux... Le Czar pour s'arracher à la foule entra dans une chambre séparée et laissa son interprète au milieu de cette populace pour scavoir ce qu'on disoit de lui. Il apprit par là qu'on scavoit qu'il étoit à la suite de la grande Ambassade. L'interprète instruit fit entendre au peuple que pour eux ils étoient des particuliers qui venoient dans le Pays apprendre des mœurs. Dès le lendemain le Czar se fit habiller comme le sont les Waterlanders, qui portent une courte casaque de frise rouge et de larges culotes de toile blanche, et comme avant de commencer son voyage il avoit appris assez de Hollandais pour se faire entendre surtout par rapport aux choses de la Marine, rien ne l'empêcha d'aller de tous côtez et de contenter sa curiosité. Le premier soin qu'il eut après celui de s'être déguisé, fut de s'acheter une Barque qu'on appelle Boeyer dans le Pays, et il y fit lui-même un Mat d'avant qui se démontoit en deux morceaux, parce que sans cela cette piéce auroit pris trop de place dans un si petit bâtimant, et c'est ce qu'avant

lui, on n'avoit pas encois vu ni imaginé. C'est dans cette Barque qu'il voguoit tous les jours de Sardam à Amsterdam pour s'accoutumer au gouvernement, et les jeunes Seigneurs qui étoient à sa suite faisoient la manœuvre d'assez mauvaise grace, et souvent en trambiant, parce que le Czar, qui ne connoisoit point de peril, s'embarquoit indifferemment soit qu'il fit beau ou mauvais temps... Il s'étoit fait donner le nom de Pieter-Bas, c'est-à-dire, maître Pierre, et on ne pouvoit lui faire plus de plaisir que l'appeller ainsi, il carassoit ceux qui lui donnoient ce nom et tournoit le dos à ceux qui le traitoient ou de Monseigneur ou de Majesté. Русса расказываетъ также, какъ открылось храненіе Петромъ пакогнито, но сообщаетъ никакихъ его рѣчей по этому поводу.

2.

Рассказъ о пребываніи Петра въ Ригѣ съ 1-го по 8-е августа 1697 года заимствованъ у Мовилова, который (I, 168, 169) сообщаетъ съ-
года замѣтновать у Мовилова, который (I, 168, 169) сообщаетъ съ-
дующее: «Le lendemain de l'arrivée des Ambassadeurs, une troupe de
Russiens, parmi lesquels étoient quelques Ingénieurs étrangers, le jeune
Menzikoff, et le Czar lui-même, à ce qu'on prétend, montèrent sur les
Menzikoff, et le Czar lui-même, à ce qu'on prétend, montèrent sur les
ramparts sous couleur de promenade, et se mirent à examiner le fortifi-
cations de la Place, et même à en tracer les plans avec du crayon, s'il en
faut croire le Comte de Dahlberg. Celui-ci informé de cette conduite, en
envoya faire des plaintes au Général Le Fort, lui représentant combien on
étoit délicat sur cet article dans les Villes de guerre en général, et dans
celles qui sont Places frontières en particulier; qu'il savoit assez lui-même
ce qui en étoit, et combien les Puissances Chrétiennes étoient sensibles sur
ce point. Le Fort lui fit faire des excuses, l'assura qu'on n'avoit en aucune
mauvaise intention, et que cette curiosité étoit pardonnable à des Russiens
qui n'avoient jamais vu de Place régulièrement fortifiée; que néanmoins il
feroit en sorte que cela n'arrivât pas. En effet, dès le soir même il en parla
au Czar, qui parut fort surpris du compliment du Gouverneur et il ne
put s'empêcher d'en témoigner son chagrin à Mr. Le Fort. «On ne veut
pas», lui dit-il, «que je voie les fortifications de Riga. J'espére de les
voir un jour plus à mon aise, et de refuser au Roi de Suède ce que
Dahlberg me refuse aujourd'hui».

3.

Рассказъ очень сомнительный. Въ Петергофомъ Монихенпрѣ дѣ-
ствительно находилась картина, изображающая молодого человека въ
голландскомъ костюмѣ, бѣсѣдующаго съ трактирою служанкой, работы
Ян-Йозефа Гореманса младшаго (J. J. Horemans de Jobge, 1715—1759,
изрѣзанного также изъ отливки отъ своего отца и соавтора J. J. Hore-
mans de Oude, 1682—1752); нынѣ эта картина находится въ Импера-
торской Эрмитажѣ. Но изъ годовъ жизни обоихъ Горемансовъ видно,
что ни тотъ, ни другойъ не могли писать портретъ съ Петра въ бытность
его въ Голландіи.

4

Рассказъ о пребываніи Петра въ Англіи съ 10-го января по 21-е апрѣля 1698 года переведенъ въ сокращеніи изъ Руссе (П., 140—145). Такимъ образомъ, сдѣланная въ концѣ рассказа ссылка на воспоминанія графа Альбрехта Артамоновича Матвеева можетъ относиться только къ извѣстіямъ о праздніяхъ у герцога Лідса (Leeds) и о вроціаніиъ адмираломъ Митчелемъ. Какъ видно изъ Юриала 206 года, празднія у герцога Лідса происходили 20-го апрѣля по старому стилю, на канунѣ отплытия Петра изъ Лондона.

3

Рассказать о знакомстве Петра с актрисою Кроусс есть у Мовильона (I, 189, 190), но съ меньшими подробностями.

6

О посвящении Петромъ пархамента въ Юрииѣ 206 года упоминается
также 2-мъ апѣзѣ старого стиля.

7

Изъ Юриала 206 года видно, что при特派员е морской батарии проходила 24-го марта по старому стилю. Рассказъ о ней переведенъ въ сокращеніи изъ Мовиллона, который сообщаетъ следующее (L 190): «Le Roi n'épargnoit ni soins ni dépenses pour donner au Czar des marques de son estime, et comme il connoissoit sa passion pour la Marine, il voulut lui donner le plaisir d'un Combat Naval à la mani re Europ enne. Il manda pour cet effet l'Amiral Mitchel, et lui ordonna de tout pr parer pour ce spectacle. La Flotte qui  tait   Spithead leva l'ancre, et s' tant avanc e  en mer, elle fut divis e  en deux Escadres, qui ayant fait mutuellement tous leurs efforts pour gagner le vent, commenc erent un combat plus agr able que terrible. Le Czar consid eroit attentivement tous les mouvements des Vaisseaux; il les voyoit manœuvrer, se lâcher des bord es, et ravirer avec une c l rit  surprenante. Il fut si charm  de ce spectacle, qu'il ne put s'empêcher de dire   ceux qui  toient aupr s de sa personne, que le sort d'un Amiral Anglois  tait plus digne d'envie que celui du Czar de Moscovies.

8

По Юриалу 206 года, Петъя прибылъ къ голландскимъ берегамъ 25-го апрѣля стараго стиля, а 29-го — въ Амстердамъ; скѣдовательно, май мѣсяцъ, какъ времѣя его возвращенія, могъ быть указанъ только на основаніи письменныхъ источниковъ, напримѣръ, Вольтера, который говорятъ: «Pierre retourna ...en Hollande, à la fin de mai 1698». На появле-

8

По всему вѣроатію, это одинъ изъ рассказовъ, пущація отъ графа А. А. Матильда (ср. выше № 4). О посѣщеніи герцога Лідса въ Юриалѣ 206 года говорится подъ № 20-мъ апраля: «Былъ Десантникъ у Борнартен-пова отца; тамъ кушали, и отъ него были въ Турѣ; прѣѣхали въ пещеру домой».

19

Рассказъ о стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 года, о неожиданномъ возвращеніи царя въ село Преображенское и о казакъ стрѣльцовъ составленъ во Руссе (т. II, pp. 159, 160) и по Мояльеву (т. I, p. 194, 195). О вымѣшательствѣ патріарха Мояльевъ (т. I, pp. 222, 223) расказано въ съмькою на Корбѣ, сгдѣюще: «*Cette boucherie* (то-есть, жестокія казни стрѣльцовъ) augmentant tous les jours, le Patriarche s'avisa d'aller, à la tête d'une procession, conjurer le Czar de pardonner à ce qui restoit encore de Rebelle. Ce bon Prѣlat portoit l'image de la Vierge entre ses mains, s'imaginant que Pierre seroit d茅arm茅 h cette vue: mais ce Monarque le regardant avec des yeux de colère: «Qu'as-tu h d茅meler en ces lieux? Retire-toi, et reporte ce tableau dans le lieu qui lui est destiné. Aprens que je crains Dieu, et que j'honore la Sainte Vierge autant que toi: mais sache en m茅me temps qu'il est de mon devoir de pourvoir au saint de mes Peuples, et de châtier ceux qui ont voulu exciter dans mes Etats des troubles dangereux».

11

12

Право исключительной торговли табакомъ въ Россіи было предоставлено Петромъ маркизу Баривартену по договору, заключенному съ нимъ 16-го апреля 1698 года, во времена бывшности царя въ Лондонѣ. Договоръ этотъ напечатанъ въ II. Собр. Зак., № 1628. О предваритель-

нomy сочиненіи Петра съ англійскими купцами разказывается у Монтильона (I, 193 и 194) слѣдующее: «Un de ces Marchands, nomm  Gilbert Heathcote, dit au Czar que l' t b lissem nt en question lui seroit encore bien plus avantageux, n' t oit la d fense que le Patriarche Moscovite avoit faite   deux de sa Communion de fumoir du tabac, ce qui en bornoit le d bit presqu'aux seuls Etrangers qui  t oient en Moscovic. Sur quoi le Czar lui r pondit: «Je mettrai ordre   cela quand je serai de retour chez moi». Такими образомъ, и этотъ разсказъ Нартова оказывается основаннымъ на какомъ-то источнике, а не только на устномъ сообщеніи резидента Веселовскаго.

13.

Указъ Петра о неупотребленіи уменьшительныхъ имѣт. см. въ П. Собр. Зак., № 1184. Распоряженіе объ отыѣвѣ холѣнпреклоненія послѣдовало позже; то словахъ Штедлера (Анахоры, стр. 121), оно было выписано тѣмъ, что въ первые годы по основаніи Петербурга узаки не были въ чистѣ вымощены; москвиѳ искъ началось не раньше 1714 года (Петрополь, Исторія С.-Петербургра, стр. 123, 124).

14.

Рассказъ о разговорѣ Петра съ польскимъ резидентомъ Лефортомъ составленъ по Монтильону (I, 227 и 214), который замѣтилъ это у Корбса. У посѣдавшаго разговоръ царя съ резидентомъ записанъ подъ 14-мъ, а отъимъ Петра о королѣ Августѣ — подъ 5-мъ сентябрь 1698 года. Но въ обоихъ этихъ источникахъ ничего не упоминается о выраженной будто бы Петромъ надеждѣ со временемъ угощать своихъ гостей русскими виноградницами виномъ. Должно впрочемъ замѣтить, что Петръ привыкалъ виноградную избру къ утвержденію если не винодѣлія, то виноградарства, какъ на Дону, такъ и въ Астрахани.

15.

Рассказъ о гаѣтѣ Петра на г нерала Шелла переведенъ довольно близко изъ Монтильона (I, 228—230), который ссылается на Корбса. Корбъ сообщаетъ объ этомъ подъ 14-мъ сентября 1698 года, но болѣе кратко, а въ словахъ Петра какразъ своего воспоминанія не говорить ничего; Монтильонъ же, приводя ихъ, прибавляетъ: «C'est ce q'on lui a entendu dire plusieurs fois», — слѣдовательно, могъ бы привести въ доказательство своего показанія и другихъ свидѣтельства, кроме Корбова.

16.

Рассказъ о похоронахъ Франца Лефорта, умершаго 3-го и погребенаго 10-го марта 1699 года, извѣщенъ въ сокращеніи изъ Монтильона (I, 238—240), который въ свою очередь воспользовался дневникомъ Корбса подъ 21-мъ марта того же года.

17.

О взятіи двухъ шведскихъ кораблей изъ устья Невы, 6-го мая 1703 года, въ «Журналь» Петра Великаго, I, стр. 66—68, читается слѣдующее: «Того же дня (2-го мая) въ вечеру получена вѣдомость отъ нашихъ кораузыщиковъ о приходѣ на изморье неприятельскихъ кораблей, и что они, приходѣ въ устью Невскому, учили въ городѣ козунѣ о своемъ оружии, приходѣ двумя выстрелы пушечными (будучи въ той надеждѣ, что люди ихъ въ городѣ сидѣть), и для того по приказу Фельдмаршала вѣтвѣ въ вечеру и по утру въ нашемъ обозѣ стрѣлять изъ пушекъ Шведскій изъзвѣстить по дважды, чтобы на тѣхъ корабляхъ не дознаемо было поманутия города взять; дабы съмъ ихъ обмануть и какъ надѣемъ поискъ учинить, что и удалось; ионеже по тому козунѣ приходили съ Адмиральскаго ихъ корабля бить или шлюпку для Лопатиновъ. Иль тай шлюпки выходили солдаты и матросы на берегъ; и наши, которые на кораузы вырѣшились въ лѣсу были, однаго изъ нихъ поймали, а доставлены ушли, который матросъ сказалъ, что надѣялся той пришедшему ескадрою конвою даетъ Вице-Адмиралъ Нумерсъ. Потомъ пришли 2 Шведскія судна, шиша и большій ботъ, и стали передъ устьемъ на изморѣ, для того, что опоздали, и въ устье войти не могли. По которымъ вѣдомостямъ Май въ 6 день капитанъ отъ бомбардировъ и Поручика Меншикова (ионеже личъ на морѣ знающихъ никого не было), въ 30 лодкахъ отъ обонъ полковъ Гвардіи, которые тогоже вечера на устье прибыли и ссыпались за островомъ, что лежитъ противу деревни Балицкій къ морю; а 7 числа предъ сѣвѣрной половиною водокъ помыли яхомъ греблемъ возгѣ Васильевскаго острова подъ стѣнами санго лѣса и вѣхами оныхъ отъ моря, а другая половина съ верху на нихъ пустогласъ. Тогда неприятель тѣль часть стала парусахъ и истутилась въ бой, пробивалась назадъ къ своей ескадрѣ, (также и на морѣ стоящи ескадры отѣли на парусахъ же для выручки оныхъ), но узости ради глубины не хотѣя скоро отойти парусами; и хотя неприятель жестоко стрѣлялъ изъ пушекъ по нашимъ, однакоже хотя неприятель не былъ, омы оба судна абордировали и взяли; а Май 8 о полудни привели въ лагерь къ Фельдмаршалу съмъ взятыхъ суда: ботъ Адмиральской, имѣовавшій Геданъ, па оно же 10 пушекъ 3 фунтовыхъ, да Шлюза Астрель, на которой было 14 пушекъ... Май въ 30-й день за тое (викогда прежде бывшую) морскую побѣду было благодареніе Богу съ троекратною стрѣльбою изъ пушекъ и ружьѣ, и при томъ капитанъ и Поручикъ Меншиковъ учкены Кавалерами ордена сиятаго Андрея, а по тому слути недѣлю и постельничій господинъ Головинъ въ той акціи бывшей удостоенъ тоюже кавалеріею, которая лѣтъ наложена чрезъ Адмирала Графа Головина (ако первого того ордена Кавалера); и прочими офицерами дали медали золотыя съ цепями, а солдатамъ медали безъ цепей». Изъ сличности разсказа Нартова съ этимъ поистѣстствомъ видно, что первый замѣтилъ письмо «Журнала», съ вѣтвѣ

терыми лишь сокращенными, съ подсокращением слога и съ прибавкой отзыва Петра о храбромъ поведеніи офицеровъ и солдатъ въ этомъ случаѣ помѣщены.

18

Указъ о введеніи немецкаго платы послѣдовалъ 30-го декабря 1701 года (П. Собр. Зак., № 1887). Слова, приведенныя Нартовицъ Петру по этому случаю, воспроизведутъ краеугольно разсужденія Руссе (II, 166, 167) о значеніи этого нововведенія.

18

Въ этомъ разсказѣ, вообще представляющемъ очень много интересностей, большая часть происшествій относится къ 1706 и 1707 годамъ; но бракъ Алии Моне съ Кейзерлингомъ состоялся только въ юнѣ 1711 года.

21

Рассказъ этотъ основанъ на «Журналь» Петра Великаго, гдѣ (I, 60, 61) читается слѣдующее: «Въ тоже время (въ 1702 году) города Олонца Иопъ Иванъ Окуловъ уѣзжалъ о непріятелѣ, которые стояли въ Корельскомъ уѣздѣ за рубежомъ, собравъ охотниковъ пять порубежныхъ жителей иящихъ съ 1000 человѣкъ, ходили за Шведскій рубежъ, и разбили непріятельскія, Ругозейскую, Гиппонскую и Сумерскую и Кернкурскую, заставы. А было въ тѣхъ мѣстахъ непріятельскихъ людей человѣкъ съ 600, изъ которыхъ побито человѣкъ около 400, а достальныи ушли; тутъ же взялъ пѣсолько рейтарскаго знамени, барабановъ, ружья всякаго и кошадей довольно; а присягата брахи наши люди сколько, сколько могли съ собою взять, а достальное, чего не могли забрать, все сожгли. И здѣсь, какъ выше въ разсказѣ 17-мъ, слогъ подневѣренъ, кѣкоторымъ подробноти исказены, но за то прибавлены слова, будто бы сказанныя Петромъ. Нѣкоторое сходство съ этимъ разсказомъ представляеть звѣдеть подъ заглавiemъ «Монархъ встрѣтается на пути съ вооруженнымъ священникомъ», сообщаемый со словъ известнаго протоіеряла Петра Алексѣева Голиковыемъ (Апендицы, стр. 364, 865).

21 Η 22

Сенатное царя Петра от морского Августея II въ Баржѣ продолжалось съ 21-го по 27-е февраля 1701 года.

23

Свидѣніе царя съ Августомъ въ Торѣ пролѣходило въ 1709 году съ 26-го сентябрь по 14-е октября.

24 л 25.

Продолжительное пребывание Петра въ Варшавѣ относится къ 1707 году, когда онъ находился здесь съ 11-го июля до 4-е сентября. Указание Нартова въ пріѣзжаніи въ разсказу 25-ку о томъ, что при царѣ состояли тогда князь А. Д. Меншиковъ и Г. Ф. Долгорукій, является «Журналомъ» Петра Великаго, ч. I, стр. 147 и 148.

26

Но что подобное сообщение в этом рассказе речь Петра находить в в «Анecdотах» Штадлера, стр. 366—368. Штадлер определяет время произнесения этих слов гг. ч., что они были сказаны Петром «господину И. И.», когда тот «изогрался съ своего Помощества отъ двора, предъ окончаниемъ Шведской войны по задолго до Инненштадтаго заключенія и течасъ лежа по двору» (русскому), и сообщаетъ, что спина у него была сломана отъ графа Андрея Ив. Остермана. Упомянутый Штадлеръ «И. И.» есть, по моей вѣроятности, самъ Остерманъ, будивший въ началѣ 1719 года не только да Азиатскій конгрессъ, но и въ Стокгольмъ. По извѣстію французского агента Лави (Сборникъ Ини. Р. Ису. Общества, т. XL, стр. 14—16), Петръ держалъ же томъ же смыслъ речь къ своимъ приближеніямъ въ январѣ 1719 года, предъ отѣзгомъ изъ Охопецъ. Ср. также разсказъ 121-й.

27

Рассказъ Нартова о томъ, что одинъ изъ стрѣльцовъ посыпалъ на жизнь Петра изъ Троицкаго монастыря предъ алтаремъ, отвергнуты Устюловыны, какъ вѣтранный (Исторія Петра В., т. IV, ч. 1, стр. 208).

30

Въ этомъ разсказѣ идеть рѣчь, бывъ сознаніи, о маскарадѣ, устроенномъ въ Петербургѣ по полученню извѣстія о замкнутии мора въ Пинѣтавѣ и продолжавшемся съ 11-го по 17-е сентября 1721 года (Походъ Журавля 1721 г., стр. 74); Петръ на этомъ маскарадѣ явился дѣятельно въ костюмѣ голландскаго матроса (Дневникъ Берегольца, I, 168).

31

У Штедлера (Анекдоты, стр. 127—130, 288—290) есть также рассказы о ласковом обращении Петра съ голландскими корабельщиками. Ср. также 109-й рассказ Нортон. Проповѣстіе съ царемъ въ Нимвегенѣ, о которомъ упоминается въ разсказѣ 30-мъ, подробно описано у Штедлера (стр. 60—62) со словъ самого Д. А. Шенкеля, при чемъ отнесено ко «вторичному пути государя въ Голландію 1716 года». Но, какъ видно изъ походныхъ журналовъ 1716 года, Нимвегенъ не лежалъ

на тогдашнемъ пути Петра. Въроятѣе относiti посѣщеніе Пимпогена къ сентябрю 1717 года, когда царь, по возвращеніи изъ Франціи, еще разъ проѣзжалъ Голландію; но за вторую половину этого года не сохранилось походныхъ журналовъ.

32.

Готторпскій глобусъ былъ привезенъ въ Петербургъ въ 1715 году въ компонентъ въ томъ самомъ зданіи, где прежде содержался приведенный позь Персіи, но вскорѣ окончаній слопъ; зданіе это находилось противъ почтоваго двора на площади Царицыномъ лугу (Weber, Das veranderte Russland, I, 58, 59; Дневникъ Беркгофца, I, 136, 164). Съ учченіемъ о множествѣ міровъ Петръ могъ быть знакомъ по сочиненію Гюгенса: «Книга мірозданія», переведеному на русскій языкъ и датованому напечатанному, въ 1717 и 1724 годахъ.

33.

Неблаговѣрітный отзывъ Петра о евреяхъ приведенъ и въ «Анекдотахъ» Штепина, стр. 42—46, при чмъ отнесенъ къ 1698 году.

34.

Подобный же разсказъ сообщается со словъ задѣдывавшаго кунсткамерой Шумахера въ «Анекдотахъ» Штепина, стр. 114—116. Устройство петербургской кунсткамеры начато въ 1714 году (Педарскій, Наука и литература при Царѣ В., I, 53), а Арескинъ умеръ въ концѣ 1718 года (Weber, Das veranderte Russland, I, 331); следовательно, передаваемый Нартовымъ разговоръ Петра съ Ягужинскимъ долженъ относиться къ этому промежутку времени.

35.

Штепинъ (Анекдоты, стр. 149—152) разсказываетъ слушай, какъ Петръ разговаривалъ на одного русскаго якорного кузнѣца, выказавшаго неблагодарность къ своему учителю голландцу, — не означая впрочемъ времени этого пропенства.

36.

Въ этомъ разсказѣ рѣчь падаетъ, вѣроятно, о томъ маіорѣ Пребраженского полка Карповѣ, который отличился при взятіи Нотебурга 11-го октября 1702 года, бывъ при томъ жестоко раненъ и за свою подвиги пожалованъ деревлянинъ (Журналъ Петра В., I, 56, 57); но пожалованіе послѣдовало не при его отставкѣ, таинъ маіоръ Карповъ участвовалъ въ осадѣ Нары и былъ убитъ во время штурма 23-го июня 1704 года (Письма и бумаги императора Петра Великаго, II, 419). Ср. подобныя слова Петра Великаго, но въ привѣснѣи къ другому лицу, въ «Анекдотахъ» Штепина, стр. 215—217.

37.

Петръ бывъ въ Европѣ восемь разъ: изъ первыхъ — въ концѣ 1694 года, въ послѣдній — въ февралѣ 1709; но къ которому изъ этихъ посѣщений относится данный разсказъ — опредѣлить нельзя.

38.

Распоряженіе Петра о собраниіе русскихъ лѣтоискусствъ относится къ 1722 году (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 190). Изъ одиннадцати изъясняемыхъ сочиненій, поименованныхъ въ этомъ разсказѣ Нартова, девять действительно были изданы въ русскомъ переводе при Петре съ 1708 по 1724 годъ; что касается остальныхъ двухъ, а именно: «Токарного искусства» Плюмбера и «Архитектуры» Леклерка, то о существованіи рукописныхъ переводовъ ихъ, хранящихся въ государственномъ кабинетѣ, упоминается въ «Анекдотахъ» Штепина, стр. 266. Любопытно, что и Монтильо (II, 384) обратилъ вниманіе на работы Петра о переводахъ на русскій языкъ сочиненій по части техники.

39.

Отрывъ Петра о Шаржѣ, въспоминаній будто бы при отѣздѣ отъ сада въ 1717 году и сходный съ тѣмъ, который находится въ этомъ разсказѣ, производится и даже въ разсказѣ 126-мъ; ср. примѣчаніе къ сему послѣднѣму.

40.

Олонецкія Кончеверскія воды были открыты въ 1714 году; въ 1718 году построены были у колодца дворецъ для царскаго прѣѣзда, и только въ январѣ 1719 году Петръ впервые началъ пользоваться этими водами на юѣтѣ (Походы. Журналъ 1719 г., стр. 113); между тѣмъ Арескинъ умеръ еще въ концѣ 1718 года; следовательно, Петръ не могъ съ днѣмъ бѣсѣживать спри питіи марциальныхъ водъ. Такимъ образомъ въ разсказѣ Нартова оказывается несообразность; но она можетъ быть устранена, если предположить, что разсказчикъ вместо Арескина хотѣлъ назвать доктора Брументроста, который долженъ былъ сопровождать царя при посѣщении посѣщавшихъ имъ марциальныхъ водъ въ 1720, 1722 и 1724 годахъ.

41 и 42.

Окончательное устройство токарной мастерской Петра въ его изѣстномъ домишкѣ на Петербургской сторонѣ относится къ 1721 году (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 205). Въ Походномъ Журнальѣ этого года (стр. 21) уже подъ 4-мъ февраля находится запись такого рода: «Его Величество изволилъ быть въ токарѣ и точильѣ изъ разныхъ деревъ различія фигуры, пущаль дома...». Вѣть можетъ, въ этомъ дни и относится разомъ 41-й. Впрочемъ, подобныя же записи встречаются и въ послѣдующіе годы.

43

У Голикова (Анекдоты, стр. 368—375), сообщается разсказ И. И. Неплюева о томъ, какъ Петри разгѣвался изъ своего девъщика И. Мих. Орлова за его отлучку почию, и какъ это обстоятельство подало поводъ къ открытию савзы Орлова ст. фрейлиной М. Д. Гамильтонъ, которая, желая скрыть своихъ незакошныхъ дѣтей, предавала ихъ смерти. Казнь эта за это преступленіе относится къ 1719 году. Къ этому же году слѣдуетъ пріурочить и произошедшее, разсказываемое Нартовымъ, если оно то же, что случай, сообщенный Неплюевымъ.

44

Слова, будто бы сказанные Петромъ послѣ неудачи подъ Нарвой 19-го ноября 1700 года, сообщены у Мовильона (т. I, стр. 283) въ слѣдующемъ видѣ: *«Je sai bien que les Suédois nous battront longtemps; mais au bout du compte, nous apprendrons à les battre, et nous les battrons en effet. Evitons les actions générales avec eux, et affoiblissons-les par de petits combats»*. Упомянутъ (Исторія Петра В., т. IV, ч. 2, стр. 208) указываетъ на верѣрность сообщенія Нартова въспоминанію «англичанъ» Петраъ о новонабраннѣи войскъ подъ Нарву вторично въ 1700 году».

45

Прописание, описанное въ этомъ разсказѣ, можетъ быть приурочено къ декабрю 1700 или къ январю 1701 года, когда, вслѣдъ Нарвскаго пораженія, Петръ находился въ Москвѣ и былъ занятъ изготавленіемъ новой артиллеріи (Устриловъ, Исторія Петра В., I, стр. 70—72). То же прописание разсказано у Голикова, по видѣю князя Ромодановскаго тамъ названы князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, который въ первые годы XVIII вѣка действительно управлялъ приказомъ боезпѣчной палаты. Голиковъ сообщаетъ апокадотъ со словъ его внука, князя А. А. Прозоровскаго.

48

Сражение, въ которомъ В. И. Шереметевъ впервые разбилъ Шведовъ, бывшіхъ подъ начальствомъ Шинделебаха, произошло подъ Гумилевскимъ при Гумилевѣ 18-го июля 1702 года. Царь благодарилъ побѣдителя письмомъ отъ 17-го августа (Письма и бумаги императора Петра Великаго, II, 79).

47

Митава была взята 2-го сентября 1705 года, а 5-го сентября русская войска заняли Тамошній замок. Въ «Журналь» Петра Великаго (I, стр. 114) обѣ этиоть рассказывается такъ: «Когда караулы наши стояли у Шведовъ призначать, тогда подъ церковью въ погребѣ, гдѣ кладутся тѣла Кильзей Курляндскаго, увидѣли наши, что изъ тѣла изъ гробовой

19

Сражение подъ Добринъ происходило 28-го августа 1708 года. О за-
ступничествѣ князя Мих. Мих. Голицына за виновнаго въ немыкость
князя Никиту Ив. Рериха сообщается у Балтыша-Каленскаго, Сло-
варь достоп. людей, 1836 г., т. II, стр. 85. Устрядовъ (Исторія Петра В.,
т. IV, ч. 1, стр. 208) считаетъ этоть разсказъ Нартова испиртимъ.

49

Ил. В. Брюсъ былъ первымъ русскимъ уполномоченнымъ во время мирныхъ переговоровъ со Швейціей въ Нюштадтѣ съ 19-го по августъ 1721 года. Ср. ниже приимѣніе къ рассказу 69-му.

50

Въ этомъ разсказѣ идетъ рѣчь объ осадѣ Нарвы въ августѣ 1704 года. По вѣткѣ послѣ штурма 9-го числа Петъ IIѣхалъ изъ города и прекратилъ производимый russами войсками грабежъ. Сохранилось нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ о сковахъ,оказанныхъ царемъ по этому случаю (Устряловъ, Исторія Петра В., I. ч. 1, стр. 813; ср. Штелинъ, Апокдоты, стр. 52, 53), но они не тѣ, что сообщаются Нартошь.

51

О любимой собакѣ Петра Великаго Лиастрѣ въ «Анекдотахъ» Штейнера, стр. 392—396, есть особый разсказъ, быть можетъ, наѣюющій отношеніе къ настоящему разсказу Нартова, но также безъ опровѣденія времени пронеизвестія. Собака Лиаста была у Петра еще въ 1707 году, такъ какъ въ это время царь погибъ въ честь ей называемыя заложеннаго тогда юлии (Петровъ, Исторія С.-Петербургск., стр. 68).

52

Завѣдываніе всѣми русскими крѣстьянами было возложено на генераль-фельдцейхмайстера Я. В. Брюса указомъ 23-го мая 1720 года (П. Собр. Зак., т. VI, № 3588); если прижалъ во виновнѣ это обстоятельство, то передаваемый изъ настоющаго разсказа скончавшаго царя слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ годамъ его царствованія.

53.

Первымъ и единственнымъ при Петре Астраханскимъ губернаторомъ былъ А. П. Волынский; назначение его на эту должность послѣдовало въ паче 1719 года; съ тогда же отправился въ Астрахань, но вскорѣ затѣмъ былъ высланъ изъ Петербурга и возвращился въ свою губернию только лѣтомъ 1721 года; въ 1722 году онъ окончательно отлучился изъ Москвы и лишь съ концомъ этого года прожилъ въ Астраханской губерніи безвыѣздно до кончины Петра. Сообразно съ тѣмъ разсказъ Нартова можетъ быть приведенъ изъ этому послѣднему periodу.

54

Приведениея иль этими разсказѣ слова Петра могутъ относиться къ 1716 году, когда, предъ отъездомъ царя за границу, былъ составленъ архитекторомъ Гербереномъ проектъ проведения каналовъ на Васильевскомъ островѣ и разрушеніо производство этихъ работъ (Петровъ, Исторія О.-Петербургса, стр. 114). Но возвращеніи патъ-за границу осенью 1717 года Петръ уже выражалъ неудовольствіе по поводу дурнаго ихъ исполненія (ср. выше № 69).

55

Шведский флотъ разбитъ былъ при Гангутѣ 27-го Іюля 1714 года. 9-го сентябрь происходило торжественное возвращеніе царя изъ Финляндіи, а 28-го—спускъ корабля «Шлютебургъ», на которомъ посланы Господинъ Вице-Адмиралъ, и Сынъ Ейский Князь (Ромодаловскій) и всѣ седатои вѣселились доволено» (Походъ. Журналъ 1714 года, стр. 77). Ср. dazu разсказъ 89-й и 140-й.

56

Изреченье Петра, сходное съ приведеннымъ въ этомъ разсказѣ, сообщалось изъ «Анекдотахъ» Штейнца (стр. 134, 135) со словъ гофмаршала Д. А. Шенкеля, который сопровождалъ царя въ его заграниценные путешествія 1716 и 1717 годовъ. Въ предѣлахъ Польши Петръ находился съ февраля по май 1716 года.

58

Заботы об устройстве укреплений на острове Нотхайт занимали Петра еще с 1703, а окончено съ 1710 года. Осенью 1721 года, показавши эти сооружения французскому посланнику Кампредону, Петръ говорилъ о пахъ ему въ томъ же смыслѣ, какъ и Меншикову—по свидѣтельству Нартова, и выражалъ надежду, что все работы будутъ окончены въ 1723 году (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XL, стр. 283—297).

59

Цеєръ получиль позвестію о подписанні міжнародного договора со Швецієй
ізь Швіцарією во времена скончання къ Дубкамъ 3-го септември 1721.

69

Коронование императрицы Екатерины происходило в Москве 7-го мая 1724 года; съдовательно, пропечатанное Наргомынь, относится къ ближайшему врѣдѣ тѣмъ времени. Подобный же рассказъ со словъ адмирала А. И. Нагаева сообщаю въ «Анекдотахъ» Голикова, стр. 459, 459.

151

Въ постѣдніе годы жизни Петръ пыталъ обычай посѣщать Шлюссель-
бургъ въ октѣбрь мѣсяцѣ, 11-го числа праздновать таихъ его взятія и
загѣмъ отпраиваться осматривать работы на Ладожскому каштѣ, начатыи
въ 1718 году. Бездѣ сопѣтва, въ однокъ изъ такихъ поездокъ отпо-
ситой разсказъ Нартова, особенно ссыпъ привѣтъ во вспоминаніе учоми-
наніе о Сантрорѣцкѣ: здѣшній заводъ основанъ въ 1721 году, а работы
перенесены въ 1724.

62

Особенная милость, которой пользовались отъ Петра корабельные мастера, то-есть, морские инженеры, обращавшие на себя внимание английских дипломатовъ, находившихся при русскомъ дворѣ; такъ Джемсъ Джейферсонъ писалъ о нихъ, 3-го аврѣля 1719 года, своему правительству сълѣдующее: «Они, на сколько могу судить, если долги останутся на службѣ царской, поставятъ царя хозяиномъ Балтийского моря. Однѣ изъ нихъ недавно уѣхали меня, что прожили царь еще года три, у него будеть флотъ въ сорокъ линейныхъ кораблей, отъ 70 до 90 пушекъ каждыи, да двадцать 30—40 пушечныхъ фрегатовъ, построенныхъ здѣсь и какъ нельзя лучше. Этихъ юдей царь заставляетъ особенно милостиво: жалованье они получаютъ большое, выплачивается оно пикратно; они имѣютъ съ ними частными образомъ, ихъ царь сажаетъ за свой столъ при самыхъ малорукодѣльныхъ изображеніяхъ; гдѣ бы онъ ни былъ, тѣмъ бы онъ потѣшился, — кто-нибудь изъ нихъ сопутствуетъ ему. Этими ясаками его беззачество желаетъ пролетѣть изъ себѣ, чтобы оно не покинуло его. Предоставляю вамъ однако судить: входить ли въ интересы Великобританіи быть зрителемъ возрастающаго могущества Россіи, особенно на морѣ, къ тому же могуществу, созданнаго руками англійскихъ подданныхъ» (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. I.XI, стр. 515, 516; ср. стр. 536, 537). Эти слова подтверждаютъ разсказъ Нертона.

Рассказъ этотъ долженъ быть пріуроченъ ко времени послѣ 1719 года, такъ какъ сооруженіе Кронштадтскаго иъ Котлинскаго валовъ было начато въ этомъ году (Походъ Журавля 1719 года, стр. 69).

Но записки о службѣ Нартова, 1754 года, видно, ото времени старшему его сыну Степану быть гряддатой годъ, съдовательно, ото родилъ въ 1724 или 1725 году; по записки о бытии царя на крестинахъ у Нартова не оказалось въ исходныхъ журналахъ Петра за эти годы, хотя тамъ встрѣчается много другихъ подобныхъ записей.

Рассказъ этотъ относится къ 1724 году: 22-го января этого года царь разсмотрѣлъ доѣздъ обѣ учреждѣній Академіи Науки, представляемый ему лейбъ-медикомъ Кумпелростомъ (Певарскій, Исторія Имп. Академіи Науки, т. I, стр. XXX), а 1-го декабря того же года одобрилъ свои замѣчанія на проектъ академіи художествъ, изготовленный А. Е. Партовымъ (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, XI, 558—562).

Этот разсказ относится, по всему видимому, к тому случаю, который произошел в Петербурге весной 1719 года и давало свою представление об присутствии государя и двора (Сборник Имп. Р. Ист. Общества, т. LXI, стр. 509; Weber, Das veränd. Russland, I, 360; см. Дневники Бернгольца, III, 92).

Фейерверкъ, о которомъ говорится въ этомъ разсказѣ, былъ сожжены въ Петербургѣ 22-го октября 1721 года, въ день «штогорого триумфа» по случаю Пинната мира (Походн. журналъ 1721 г., стр. 76). Подробное описание его находится въ Дневнике Беркогольца (I, 198—200), при чёмъ авторъ замѣчаетъ, что распорядитель фейерверка, какъ генералъ, измѣнилъ мнѣніе, и государь долженъ былъ самъ себѣ всеть забыть; по о словахъ, приводимыхъ Петру Наутошину, Беркогольцъ, конечно, не упомнѣаетъ. Для сравненія можно привести разсказъ Штейнпа (Дицкоттъ, стр. 404—407) о словахъ, сказанныхъ царемъ прусскому посланнику Мардебельду, что частными погрѣшилъ огнями съ ходу пріступить свой народъ къ отцу боевому.

Архитекторъ Леблоуз поступилъ въ русскую службу въ 1715 году и тогда же прибылъ въ Петербургъ; въ течении 1716 и 1717 годовъ съзанился планировкой разныхъ частей города и особенно Васильевскаго

острова, но встрѣталъ противодѣйствіе со стороны Мешникова. Петръ могъ въ этомъ убѣдиться по возвращенію въ Петербургъ осенью 1717 года, и безъ сомнѣнія, къ этому времени относится случай, разсказываемый Шартонымъ (Петрополь, Исторія С.-Петербургія, стр. 115—122, 141—143). Шартоныи (Петрополь, Исторія С.-Петербургія, стр. 242—246, разсказано то же происшествіе.

Въ «Анекдотахъ Штейни, стр. 199—203, есть также известія объ
особеленіи разенії Петра Великаго с дубахъ», но по приводится пока-
жихъ его изречений по этому поводу. Начало Петергофа восходить къ
1707 году, и всѣдѣ затѣмъ стала устраиваться дорога къ нему; въ 1716
году Петръ уже дѣлалъ распоряженія объ ея окончаніи (Гейротъ, Описа-
ніе Петергофа, стр. 12).

Разъясненное здесь относится, без сомнения, к октябрю 1724 года, когда Петр I въехалъ въ Старую Русу (Походы Ижуряка 1724 г., стр. 21). Объ этой поездкѣ зафѣровавшій тогда работами во Ладожскому каналу Миллхъ сообщаютъ слѣдующее: «Пробѣжалъ въ Старую Русу и на обратномъ пути оттуда, Петру осматривали Ладожскій каналъ,... о которомъ самъ заботился съ особенной любовью, потому что, по его выражению, «каналъ этотъ долженъ быть патеть Петербургу и Кронштадту и доставлять материалы для ихъ обстройки; изъ немъ быть хотѣль, исправить есть товары и промышленная богатства, составляющіе предметы торговли Россіи съ остальной Европой, а также материалы, потребляемо для сооруженій и поддержки флота» (Записки фельдмаршала графа Миллхика, стр. 25, 26). Любопытно, что уже въ 1719 году, то-есть, въ второй же годъ по началу работъ по прорытию Ладожского канала, английскій дипломатъ, акредитованный при русскомъ дворѣ, Дж. Джефферсонъ, обращалъ внимание своего правительства на важное экономическое значеніе этого предпринятія, которое «откроетъ сообщеніе между симиими частями пирскихъ владѣй, С.-Петербургомъ и Балтийскимъ моремъ» (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. LXI, ст. 535, 536).

Распоряжений о преследовании живущих и склонившихся быть
издеваемы Петровъ неоднократно, между прочими въ 1715 году (П. Собр.
Зак., т. V, № 2906), и въ Духовномъ Регламентѣ 1721 года; доирѣчь склонить
и путь наказаніе возлагается изъ гражданской власти, почему это дѣло можно
капитали и Дениса съ тѣмъ поеть, какъ въ 1718 году онъ былъ возна-
челъ генералъ-полицеймейстеромъ (Петровъ, Исторія С.-Петербургъ,
стр. 134).

Пришедшими въ этомъ разсказѣ слова Петра отвосатъ, быть можетъ, изъ 1718 года, когда злоупотреблія Меншикова были уже хорошо из-

въстия царю, и на князя были назначены громадные начёты, но Пётръ обещалъ сократить съ него часть штрафа (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, 270). Ср. рассказъ Штакенса, съшнаній отъ графа Остермана, въ «Апекдотахъ», стр. 98 и 100.

73

Этот разсказ может относиться к 6-му января 1714 года. Въ Пеходномъ Журналѣ этого года (стр. 1, 2) крещенію парадѣ описаны съ указаниемъ на суровость погоды, чего за другіе годы не отмѣчено: «Въ 6-й день, то-есть, праздникъ Боголюбія Господня, ... былъ великой штормъ и вьюга. И вслѣдъ обѣди Господня Генераль (то-есть, царь Петръ) извозилъ быть на Іорданѣ, и были приведены полки и по совершенніи мѣстѣцѣ, стрѣляли изъ ружья, такожъ и съ фартелемъ изъ пушекъ.

76

Разсказъ такого же содержанія находится въ «Анекдотахъ Голикова», стр. 156—159. Рѣчь идеть о стольнице Михаилѣ Желабужскомъ, который въ 1711 году былъ назначенъ оберъ-фельдмаршаломъ, а въ 1712 занялъ эту должность Несторовыемъ (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, 232 и 233). Быть можетъ, это скорее устраненіе Желабужского отъ такой важной должности произошло вслѣдствіе какой-либо провинностиъ его стороны; въ такомъ случаѣ, разсказанное Нарговыимъ происшествіе должно относиться къ ближайшему затѣмъ времени. Позже, въ 1718 году, М. Желабужской былъ генерал-адъютантомъ Рижской губерніи, а съ 1719 года служить въ Москве (Румицъ, Русск. родословный сборникъ, I, 264).

77

4-го ноября 1721 года издать былъ высочайший указ со прошедшими казнью матерями и колодниками, кроме смертноубийцъ и разбойниковъ (Полн. Собр. Зак., т. VI, № 3842).

79

Штейнъ, подобно Нартову, занесла проданію о томъ, что Петръ не терялъ слугъ при столѣ (Апокодотъ, стр. 176 и 176). Сообразно съ тѣмъ, въ Петровскомъ дворцѣ, тѣхъ новыхъ существъ въ Мѣтлемъ саду, компаніи расположены такъ, что кухни находятся подъ столовой, и кушанье можетъ быть передаваемо изъ первой во вторую透过 особое отверстіе безъ посредства служы.

81

Пребывавш Петра на Истокиных железнных заводах относится к концу 1724 года, съ 3-го на 12-е число (Походъ Журналь 1724 г., стр. 8; ср. Сборникъ Имп. Р. Церк. Общества, т. LII, стр. 243). Рассказъ Евр-

това подтверждается и Штелинами (Анекдоты, стр. 16—18), который
спешилъ объ этомъ обстоятельствѣ отъ самого вѣдѣтеля тѣхъ заводовъ,
П. Михаила.

82

Рассказъ о приключенияхъ ѿ женой камердинера Позубоврова сообщенъ въ Штедлинскомъ (Алекдотъ, стр. 286, 287) со словъ придворного повара Феофилена, притомъ имѣло ѿ прибранной о коварномъ умыслѣ мужа; очевидно, это была случай, забавлявшій въ свое время дворцовую прислугу. Время происшествія не определено и у Штедлина.

3

Рассказъ этотъ относится къ 1719 году. Упоминаяемъ въ по-
мощь Петра ониска изъ Походнаго Журнала 1719 года за октябрь въ-
сплыть (стр. 109) съдующимъ образомъ: «26-го. По утру въ 7-мъ часу
Его Царскаго Величества побѣжалъ изъ шлюзъ на Лахту и оттого сухими
путемъ въ Дубки, 7-ми верстъ отъ Лахти; и тутъ кушалъ, и осматривалъ
работы и начевалъ. 27-го. Кушалъ въ Дубкахъ и потомъ юзпалъ на Лисой
рѣкѣ, 10-ти верстъ сухими путемъ, осматривать работы; и оттого прі-
бѣжалъ, почевалъ въ Дубкахъ же. 28-го. Кушалъ въ Дубкахъ, въ столовъ ми-
щахъ въ Петербургъ и приѣхалъ въ 3-мъ часу по погодии. Раадача ве-
реекъ и буеровъ частими липами въ Петербургъ произошедшаго 8-го и
10-го мая 1718 года, и съ тѣхъ поры начались прогулки танк.-пазырь-
шагося Непскаго флота (Походн. Журналъ 1718 года, стр. 30), конторни-
вались и въ поехавшю годъ; эти же флотомъ начальствовалъ И. С. По-
тонниковъ, пазырь-шагший постому Непскими адмираломъ и замѣщавший
также картикулярной верфью для постройки этихъ судовъ на Фонтанкѣ
(Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XI, стр. 469).

4

Какъ извѣстно, Петръ поддерживалъ дружеския отношенія съ Прускому королю Фридриху-Вильгельму I и неоднократно посыпалъ ему великороссийскіе подарки для его потсдамской гвардіи. Одна изъ такихъ посылокъ относится къ октябрю 1718 года, и при томъ королю были открыты еще другіе подарки, между прочимъ токарный стаканъ и кубокъ или бокаль, собственною ручкою выточенный Нартомъ. За эти подарки король благодарилъ царя письмомъ отъ 22-го октября 1718 года. Въ это-то время Нартомъ, находившійся въ Берлинѣ, и обучалъ короля токарному искусству (какъ видно изъ рассказа 91-го). Въ юлѣ 1720 года, когда Нартомъ уже возвратился изъ-за границы, королю снова были отправлены «большіе грэвадиры», и быть можетъ, тогда же послана была табакерка, упоминаемая Нартовымъ (см. статью М. П. Пущико: «Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей. Русскіе великаны въ прусскомъ службѣ» въ «Русскомъ Вѣтринѣ» 1878 г., т. 134). Съ отзывомъ Петра о Фридрихѣ-Вильгельмѣ, приведеннымъ у Нартова, любопытно со-

поставить свидетельство графа Ротенбурга, французского посланника при томъ же Пруссскомъ королѣ; по словамъ этого дипломата, Петръ говорилъ: «Король Пруссіи любить хватать рыбу, да чтобы не прощучать ножъ» (см. статью E. Lavisse: «Le père du grand Frédéric» въ «Revue des deux mondes», 1-er octobre 1890, p. 592).

85.

Графъ В. П. Шереметев умеръ 17-го февраля 1719 года въ Москвѣ, 14-го августи 1712 года, при прѣѣздѣ его въ Петербургъ, царь устроилъ ему торжественную встречу съ залома судовой и крѣпостной артиллерией, а по попутѣ фельдмаршала приказалъ похоронить его въ Александровско-Новоскольскомъ монастырѣ (Петровъ, Исторія С.-Петербургра, стр. 90, 260). Рассказъ Нартова, безъ замѣнѣй, дѣлать въ виду эти сужданія.

86.

Въ этомъ рассказѣ Нартова очевидная хронологическая ошибка: рѣчь падаетъ о Гренадерскомъ сраженіи, за которое князь М. М. Голицыну действительно была нажалованна шапка, осмыслившая бриллианты; но сраженіе это происходило не въ 1719 году, а въ 1720, юля 27-го.

87.

Упоминаемый въ этомъ рассказѣ высочайший указъ начечатанъ въ II. Собр. Зак., за № 4450, подъ заглавіемъ «о званіи москвитскому, объ определеніи въ домостыри отставныхъ солдатъ и объ учрежденіи семинарій и госпиталей».

88.

Должность генераль-прокурора учреждена была указомъ 12-го января 1722 года, и всегда затѣмъ, 18-го января, на то въведеніе было И. И. Штуденскій (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XI, стр. 447); между тѣмъ князь Л. О. Долгорукій удеръ и званіи сопагора еще 24-го июня 1720 года. Такимъ образомъ, въ рассказѣ Нартова можетъ быть усмотрѣно противорѣчіе, но оно устраиваетъ, если мы примемъ во вниманіе, что еще въ силу указа 2-го юля 1718 года на Штуденскаго возложено было наблюдение за порядкомъ дѣлопроизводства въ коллегіяхъ, чтобъ вносили въ звание обязанности генераль-прокурора (Ивановъ, Октыбрь биографій генераль-прокуроровъ, стр. 1, 2). Слѣдовательно, рассказъ Нартова можетъ быть приуроченъ ко времени съ юлемъ 1718 по юль 1720 года.

89.

О возведеніи царя въ чинъ вице-адмирала въ 1714 году см. рассказъ 55-й и 140-й и примѣнія къ шлюзѣ; ср. также рассказъ 141-й. У Штедена (Александри, стр. 93—95) есть рассказъ о томъ, какъ одни-

яди нѣсколько маючишихъ иконастасіи, состоящихъ въ русской ахубѣ, дали Петру знать, что они съ четвертніемъ ждутъ новышии, въ ченѣ и были удовлетворены.

90.

Рассказавшее здѣсь иропшество должно быть отнесено къ началу 1724 года, тѣмъ какъ, по свидѣтельству Походного Журнала за этотъ годъ (стр. 4), Петръ въ ливарѣ мѣсяцѣ увердно запланировалъ тѣченіе пушки (стр. 4), Петръ въ ливарѣ мѣсяцѣ увердно запланировалъ тѣченіе пушки для церкви во Олонецкихъ гарнизонныхъ водахъ. Извѣстно это пушкило находится въ соборѣ св. Петра и Павла въ С.-Петербургской цркви. Въ «Анекдотахъ» Голикова, стр. 132—134, разсказано то же иропшество, по вѣдѣ Нартова выведенъ како-то солдатъ, и притомъ изображено, что сцена его столкновенія съ Машинскимъ была изображена въ сбояхъ токарной въ видѣ картины.

91.

О заграницномъ путешествіи А. Б. Нартова см. во введеніи.

92.

По смыслу приведенныхъ здѣсь словъ Петра надоѣно подѣлать, что они были сказаны по смерти Карла XII (30-го ноября 1718 г.), о ченѣ. Извѣстно, что получилось официальное извѣстіе 28-го февраля 1719 года, въ битвѣ съ Олонецкими гарнизонными водахъ (Походн. Журналъ 1719 г., стр. 117), по прежде превратившему союзникамъ на Ахшскомъ конгрессѣ, чтобъ поспѣхомъ въ сентябрь того же года.

93.

Время пропавшескихъ словъ, приведенныхъ въ этомъ рассказѣ (если только они были сказаны Петромъ), конечно, не возможно определить, такъ какъ Петровская крѣпость строилась въ теченіе нѣсколькоѣтъ, начиная съ 1703 года; но появление этого изрѣчения въ «Поучества-віяхъ» Нартова любопытно, какъ выраженіе очевидно распространенному еще въ XVIII вѣкѣ мысли, давшей сподѣлѣніе поводъ къ запомѣнѣнію Петровскоговоренію Штуденка, о рабѣи того къ кортежѣ возложениемъ Петербурга, избрасываніи Батюшковымъ въ статьѣ «Прогулка въ академію художествъ».

94.

18-го юля 1722 года Петръ выступилъ изъ Астраханіи съ флотомъ, въ 20-ю промѣръ изъ заморья, тѣ, вѣроятно, и произошло описанное Нартовымъ купанье (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 50).

95.

Высадка русскаго войска на берегъ въ устьѣ Астраханіи началась 28-го юля 1722 года, а вслѣдъ затѣмъ производилось устройство лагеря (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 6 и слѣд.).

Торжественное вступление царя въ Дербентъ состоялось 23-го августа 1722 года (Походы Журналь 1722 г., стр. 12), а выѣздъ царя въ Москву по возвращенію изъ Персидскаго похода совершился 18-го декабря (Дневникъ Барятинъца, II, 846 — 349). Весьма сомнительно, чтобы Петромъ были произнесены слова, приведенные въ этомъ разсказѣ, ибо весь разсказъ Бартова, несмотря на ссылку его на генерала Левашова, отзы-вается какими-то прописанными имъ; по крайней мѣрѣ, въ современномъ дневнике французскаго адвоката М. Мара (*Journal de Mathieu Marais*, II, 408, 409) находимъ следующую запись, безъ сомнѣнія, заимствованную изъ тогдашнихъ газетъ: «Le Czar est rentré en triomphe à Moscou, de la conquête de la ville de Derbent en Perse. C'est Alexandre qui l'a fait bâlir, et il a surpassé le conquérant. On lui a dressé un arc de triomphe avec deux Renommées, l'une qui offre le plan de la ville à Alexandre, l'autre qui en offre les clefs au Czar. Audessus de cette première il y a une inscription: «Fama vetus», et audessus de la seconde: «Fama nova». Comme si l'on disait: Voilà la vieille renommée, et voilà la nouvelle, et on a mis aussi ce vera latino:

Struxerat hanc fortia, sed fortior hanc coepit urbem». Составитель «Повествований», разумеется, не мог знать даенника Марса, напечатанного только в половинах выпуклого въска, но весомъбыло, что оба рассказа восходят къ какому-то общему источнику.

97

Петръ стоялъ лагеремъ подъ Тарку съ 8-го по 16-е августа 1722 года (Походъ Журналъ 1722 г., стр. 8, 9).

10

Царь посыпал хана Аюку въ его кочевыи 13-го іюнца 1722 года
(Покоди. Журналъ 1722 г., стр. 42—44).

99

Самъ Нартовъ ставитъ этотъ разсказъ въ связь со сгѣдующими, 100-мъ; поэтому можно думать, что приведенные здесь слова царя были сказаны во время празднествъ по случаю Ниннаташкаго ипра въ 1721 году.

100.

Слова Петра, приводимыя въ этомъ разсказѣ, выражаютъ въ простой формѣ ту же мысль, какую онъ высказалъ въ своей рѣчи, произнесеній 22-го октября 1721 года, при принятіи имъ императорскаго титула. Ср. выше примѣчаніе къ разсказу 59-му.

101.

Рассказанное здесь происшествие должно относиться ко времени до 1719 года, так как Георгий Арсеньев умер в конце 1718 года.

102

Рассказъ этотъ наимѣнно относится къ 1718 году, такъ какъ въ началѣ его, 13-го февраля, состоялся указъ о доставленіи со всей Россіи уродовъ и рѣдкостей въ купеческую (Пекарскій, Наука и литература при Петре В. I, 54).

103

Если разослать Нартону точечь въ томъ отпоменѣи, что Петръ говорилъ о платкѣ изъ горшаго льна въ присутствіи Ареекина, то этотъ случай долшио отнести ко времени памятки конца 1718 года. Если же имя Ареекина называло здѣсь не письмъ, то сообщеніе Нартола можетъ быть поставлено въ спась съ замѣткой французскаго посланника Кампредона, что однажды, во время московскихъ празднествъ по случаю Никитского ипра, въ конецъ января и началѣ февраля 1722 года, царь показывалъ своимъ гостямъ кусокъ полотна, сотканаго изъ хбеста, и подвешивъ его къ окну, чтобы доказать его несгораемость (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества т. XLIX, стр. 50 и 51).

104

Оходзий рассказ находится въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 408—

195

Нѣчто подобное разсказано въ «Апскотахъ» Штепина, стр. 352—354, при чёмъ прописствія относятся къ 1781 году и сдѣланы есеника на графа А. П. Вестужева-Рюминова и на И. А. Черкасова. Ср. также предавіе, записанное симпатикомъ П. Алексеевицъ (Р. Архивъ 1863 г., ст. 697, и Р. Вѣстникъ 1864 г., № 1, стр. 320—333). Вероятнѣе однакоже достовѣрно разсказать Нартова въ 1720 году, когда, въ февралѣ исклѣдъ духовный Регламентъ былъ рассматриваемъ сперва государемъ, а потомъ духовными властями и сенатомъ.

196.

Это, кажется, единственное памятное о предложении Петра соорудить въ Александро-Невскомъ монастырѣ памятникъ Лейфорту, Шереметеву, Шеплу и Горюху. Изъ самого разсказа Мартова видно, что проектъ относился къ самимъ послѣднимъ годамъ жизни великаго государя.

107.

Рассказъ о томъ, какъ Петър отпесъ къ докосу однаго духовнаго
и писательно члоблазнитѣйвой жизніи Феофона Прокоповича, пер-

данъ и въ «Аллегоріи» Голикова, стр. 422—423, со склонъ Г. Н. Теллона. Ф. А. Ториковский, въ своей статьѣ о Стефанѣ Яворскому (Труды Біеннальной академіи 1864 г., № 6, стр. 157, 158), сравнивалъ рассказы Голикова и Нартова, замѣтилъ, что въ передачѣ посѣдѣнія санкдентъ очевидно недостовѣрность. Извѣстъ многихъ заключающихся въ поемъ несообразностей укажемъ на одну: когда былъ созданъ «Камень вѣри» (1713—1715 гг.), Стефанъ жилъ въ Москвѣ, а Софія—въ Ізѣевѣ; съдовательно, государь не могъ въ одинъ вечеръ быть у того и другого. На это можно возразить тѣмъ, что ошибка Нартова въ данномъ случаѣ ограничиваются лишь упоминаніемъ па «Камень вѣри», и что Петръ могъ заставить Стефана па за эти мѣсяцы, а за какихъ-нибудь другимъ тру-домъ. Стефанъ и Софія находились одновременно въ Петербургѣ съ 1718 до 1721 года, и къ этому періоду, означенному холодастью царя па Яворскому, ничто не препятствовало бы пріурочить рассказъ Нартова. Быть можетъ спрошу, что послѣдний есть только позднѣйшая выдумка, сочинившая съ замѣрзаніемъ дать сравнительную ха-рактеристику образа жизни обоихъ архіереевъ.

108.

Этотъ разсказъ долженъ быть пріуроченъ, кажется, къ 1714 году: 21-го февраля этого года Петръ присутствовалъ на Петербургскомъ лѣтнѣомъ дворѣ при ялѣи пушекъ, а вслѣдъ заѣхъ писалъ находившемуся въ Москвѣ Врюсу: «Понеже здѣсь вѣтии дѣланы замодгты вачахо, гдѣ п наша артиллериа щѣть быть, того ради погодину мастеровыхъ людей немедленно вытолъ ѿѣда (поянже ялѣи великое плавѣ ѿѣда) и сажь къ прозапику прїѣзжай». По приѣздѣ Врюса Петра, 11-го апреля 1714 года, явовъ посыпалъ литеиний дворѣ (Походи. Журналъ 1714 года, стр. 5, 8; Голикова, Дѣянія Петра В., V, стр. 561).

109.

Случай, сообщающий сдѣль Нартовимъ, долженъ отослаться во времена поэже 25-го апраля 1719 года, когда посыпалъ кончины малолѣтнаго царевича Петра Петровича. Для сравненія съ эти мѣсяцами разсказомъ Нартова можно указать на склонные разсказы Штельвига (Анекдоты, стр. 127—180, 288—290).

110.

Разсказъ этотъ относится ко времени поэже 1716 года, таъ какъ командинаніе надъ четырьмя союзниками Флагманъ Петръ пріозвалъ ихъ азугутъ этого года въ виду Понопогеста (Походи. Журналъ 1716 г., стр. 33 и слѣд.). Онъ любилъ вспоминать этотъ эпизодъ своей жизни и рассказывалъ о немъ, между прочими, герцогу Голштѣнскому 26-го марта 1723 года (Дневникъ Верхгольца, III, 162).

111.

Прибытие царя въ царевицъ изъ Москвы въ Шлюссельбургъ и за-тѣмъ въ Петербургъ посыпало 20-го апраля 1708 года. Извѣстіе отъмъ находится въ «Журнале» Петра Великаго, ч. I, стр. 150, 151, откуда, вѣроатно, и заимствовано въстоящій разсказомъ. Знаменитый ботикъ Петра Великаго пріозвалъ бытъ въ Шлюссельбургъ 27-го мая 1723 года, заѣхъ 30-го торжественно приведеть въ Петербургъ, а 11-го июня встрѣчень флотомъ въ Кронштадтѣ (Походи. Журналъ 1723 года, стр. 15, 19).

112.

Изъ записки о службѣ Нартова, 1754 года, видно, что, состоя при царѣ, онъ сперва получалъ триста, а затѣмъ шестьдесятъ рублей годового жало-виша; въ 1723 году онъ подавалъ царю челобитную о повышении своего оклада, но ходатайство его не было удовлетворено до самой кончины Петра. Такимъ образомъ, въ разсказѣ Нартова обнаруживается неточность, норазительная тѣмъ болѣе, что дѣло касается его самого. Во всякомъ случаѣ, если пріосвещеніе, сообщающее въ этомъ разсказѣ Нартова, имѣть какую-либо достовѣрность, то оно должно быть пріурочено къ 1723 году, во времена предъ подачей челобитной. Целью однако же заимствуетъ странно то самое пріосвещеніе: исторія обѣ отшибленіемъ «своїхъ» въ ру-жлиѣ, которымъ будто бы обладалъ мастеръ аплікаторъ, очень похожий на виновника; не возникла ли она изъ того, что при Петре были токар-ный мастеръ Юрий Курновичъ, умершій ранѣе 1723 года, и въ которомъ упоминается въ той же челобитной Нартова?

114.

Рассказанное здѣсь можетъ относиться только ко времени до 1719 года, таъ какъ въ февралѣ этого года уже скончался одинъ изъ упоминаемыхъ Нартовыми собесѣдниками Петра, графъ Б. П. Шереметевъ.

116.

Этотъ разсказъ взятъ изъ Вольтеровой «Histoire de Charles XII». Въ книжѣ IV-й, описанъ сраженіе при Головчинѣ, 5-го июля 1708 года, п занятие Карломъ Могиленѣ, за которымъ могло посыпало движеніе Шведовъ въ Москву. Вольтеръ продолжаетъ: «Le czar, qui vit alors son empire, où il tenait de faire naître les arts et le commerce, en prole à une guerre capable de renverser dans peu tous ses grands desseins, et peut-être son trône, songea à parler de paix: il fit bassarder quelques propositions par un gentilhomme polonais qui vint à l'armée de Suède. Charles XII, accoutumé à n'accorder la paix à ses ennemis que dans leurs capitales, répondit: «Je traiterai avec le czar à Moscou. Quand on rapporta au czar cette réponse hautaine: «Mon frère Charles», dit-il,—prétend faire toujours l'Alexandre; mais je me flatte qu'il ne trouvera pas en moi un Da-

rius». Мозильсовъ отнесся съ подозрѣемъ къ этому разсказу и, приведя его только въ приложеніи (I, 427), замѣтилъ, что не имѣлъ ему подтвержденийъ въ своихъ поготвкахъ. Но Вольтеръ повторилъ его въ ст. своей «Исторіи Петра Великаго» (ч. I, гл. 16).

119.

Этотъ разсказъ заимствованъ въ сокращеніи патр. Вольтера о С: «Histoire de Charles XII» (livre IV). Для сокращенія приводимъ подлинникъ: «Il (партъ Петръ) fit aux g n eraux su dois l'honneur de les inviter & sa table... Prezent un verre de vin: «A la sant e», dit-il,—de mes ma tres dans l'art de la guerre. Rehnsk ld lui demanda qui  taient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. «Vous, messieurs les g n eraux su dois», reprit le czar. «Votre Majest  est donc bien ingrate», reprit le comte, — «d'avoir tant maltrait  ses ma tres! Le czar, apr s le repas, fit rendre les sp es & tous les officiers g n eraux et les traita comme un prince qui voulait donner & ses sujets des le ons de g n erosit  et de la politesse qu'il connaissait».

121.

Рѣчи Петра, приведеныя въ этомъ разсказѣ, сходны съ тѣмъ, которыя сообщены выше въ разсказѣ 26-мъ. Ср. ярмъчаніе къ саму послѣднему.

122.

Этотъ разсказъ заимствованъ у Русса, въ сочиненіи втораго, при описаніи Полтавскаго сраженія (III, 125, 126), читася съдѣдующее: «Sa Majest  Czarienne, qui se trouvoit partout, voyant l'Enemi en fuite et enti rement d fait, donna ordre que l'on fit quartier, et que surtout on sauva le Roi, son Enemi. Sa Majest  donna dans cette action des preuves non seulement de valeur, mais aussi de son exp rience dans l'art militaire, par la sage disposition qu'elle fit elle-m me de ses troupes, en sorte qu'il n'y eut que la premi re ligne, forte de dix mille hommes qui eut part l'action... Quand on rapporta & Sa Majest  Czarienne qu'on avoit trouv  la li tre du Roi de Sib de toute en pi ces sur le champ de bataille, elle t moigna une inqui tude extraordinaire du sort de ce Prince dontelle plaignoit la destin e, et elle donna ordre de le chercher parmi les morts».

123.

Рассказъ этого заимствованъ у Мозильсона (II, стр. 335, 336), которыи сообщаетъ съдѣдующее: «Un Comte Gallowin, que le Czar estimoit beaucoup & causa de sa bravoure, et qu'il avoit fait Major-G n eral, quoi qu'il n'e t  pas trente ans accomplis, fut envoy  par ce Monarque & Venise, pour y apprendre tout ce qui regarda la Construction des Vaisseaux et la Langue Italienne. Il y demeura quatre ans, et & son retour Pierre le Grand voulut voir ce qu'il savoit faire, et le mena aux Chantiers; mais il s'apper-

cut bient t qu'il ne connoissoit pas m me les principes de l'Art. Il crut qu'il auroit peut- tre mieux r ussi dans la Langue Italienne, mais Gallowin lui confess  qu'il n'en savoit pas un mot. «H o que diable avez-vous donc fait & Venise?» lui dit le Czar. «Sire», r pliqua-t-il, — «j'y ai fum  ma pipe, j'y ai bu du brandevin, et ne suis presque pas sorti de ma chambre. Il auroit pay  cher sa n gligence, si le Monarque ne l'avoit pas aim  autant qu'il faisoit. Il se contenta de faire peindre ce paresseux sous le titre de Kn es Van, ou de Maitre-Prince, environn  d'Instruments de Math m atiques; r illerie qui auroit pu mortifier tout autre que Gallowin». Въ передачѣ Нартова разсказъ Мозильсона въ сколько измѣненъ и дополненъ замѣщениемъ, что Нартовъ самъ видѣлъ поклонную картицу у царя. Но не ск『дуетъ ли думать, что это былъ не портретъ И. М. Головина, а просто изображеніе браженка съ трубкою въ зубахъ, обычный способъ показывать гардемаринъ живописцамъ? Нартовъ могъ переносить по своему схемѣ картины подобно тому, какъ до сихъ поръ въ Фамиусовѣ и Репетилловѣ, въ Овѣнѣвѣ и Татищевѣ: иные пишутъ во ткань, а живыи лицъ, современники Грибоедову и Пушкину.

124.

Извѣстія Нартова о пребываніи Петра въ Парижѣ, сообщаемыя въ этомъ и въ сколькохъ слѣдующихъ разсказахъ, замѣчательны тѣмъ, что сопровождаются очень точными хронологическими данными. Такъ какъ въ «Журналѣ» Петра Великаго отѣбѣгія обѣ этомъ времени очень кратки, то съдѣаетъ думать, что составитель «Повѣстований» пользовался для своихъ разсказовъ бумагами Руссе и Мозильсона (быть можетъ, и Вольтера) или же сообщеніями официальной парижской «Gazette» и «Le poitisan Mercure», служившими источниками для этихъ авторовъ; кое-что Нартовъ могъ записать и по разсказамъ очевидцевъ изъ своего бытства въ Парижѣ уже послѣ пребываній тамъ царя. Поэтому нельзя отвергать въслѣдъ и рассказа Нартова о кунанѣ русскихъ гранадеровъ въ Сенѣ.

125.

Смотрѣ французской гвардіи происходилъ 5-го июня 1717 года (Погоди. Журналъ 1717 г., стр. 18). Упоминаніе о герцогахъ де-Мекѣ и Гизѣ указываетъ на то, что Нартовъ пользовался въ данномъ случаѣ книгой Руссе, тѣмъ (III, 430, 431) этотъ смотрѣ выкоакъ подробно; отсюда между прочимъ можно видѣть, что вместо Гизѣ надобно читать Гинѣ (de Guiche). Отзывъ о французскихъ войскахъ привезленъ русскимъ авторомъ.

126.

Неблагонравное сужденіе Петра о Парижѣ въходитъ также въ разсказѣ 39-мъ. Источникъ этого разсказа чисто пешавѣстникъ, но, во всемъ ф роатію, его подобно пекать въ какомъ-нибудь французскомъ правоучительномъ или сатирическомъ сочиненіи; по крайней мѣрѣ въ это подобное читается въ одномъ французскомъ помфлете 1780-хъ годовъ:

«On prétend que lorsque le Czar Pierre I vint à Paris, un courtisan prit la liberté de demander ce qu'il pensoit de cette grande et superbe ville. «Ce que je pense», répondit-il, — «c'est que si j'en étois le souverain, je la brûleroie» (Les Entretiens de l'autre monde sur ce qui se passe dans celui-ci. Londres. MDCCCLXXXIV, p. 317).

127.

Петръ посѣтилъ герцога д'Антверна 16-го мая 1717 года (Roussel, III, 428). Въ Походномъ Журналѣ 1717 года не упоминается объ этомъ посѣщении, хотя говорится (стр. 17), что въ этотъ день «послѣ обѣда сипсывали ворсову», чего, въ свою очередь, не сообщаютъ Руссе; напротивъ того, у Вольтера есть извѣстіе о писавшемъ портрета, при чёмъ прибавлено, что это было для царя неожиданностью. О томъ, что Петръ изразилъ удовольствіе, увидѣвъ портретъ царицы въ домѣ герцога, говорится только въ одной французской книжкѣ, которая не могла быть извѣстна Нартову, именно въ «Mémoires sur la Bégeance» Дюкло. Рѣчи царя по этому поводу составляютъ собственную прибавку Нартова.

129.

Рассказъ о томъ, какъ Петръ неожиданно обѣдалъ у епископа города Бове, не встрѣчается въ тѣхъ французскихъ начатыхъ источникахъ, какіе могли быть доступны Нартову. Тѣмъ не менѣе, суммию сообщаемаго иль фактъ вѣрна, какъ это обнаруживается изъ недавно обнародованнаго письма одного изъ лицъ, на обязанности которыхъ лежало принять царя на пути его скѣдованія изъ Кале въ Парижъ: Нартовъ ошибенъ только тѣмъ, что называлъ городъ Бове именемъ Амьена; что упомянутаго же доказуемаго видно, что изъ епископскому дому изъ Амьена дѣйствительно былъ приготовленъ парадный обѣдъ, воѣ Петръ отказался его принять, изъ немножку оторгнутое кѣстнаго начальника де-Бернажа (окъ же и авторъ письма; см. статью Э. Бартельмана «Le czar Pierre en France» въ «Revue Contemporaine» 1865 г., кн. I, и сообщеніе М. М. Ковалевскаго въ «Русской Старинѣ» 1875 г., т. XIII, стр. 113, 114). Это совпаденіе свидѣтельства французскаго архивного документа съ сообщеніемъ Нартова всего лучше доказываетъ, что онъ пользовался устными сей-дѣніемъ о пребываніи Петра во Франції.

130.

Морская кампания Петра въ 1714 году подробно описана въ Походномъ Журналѣ этого года, но помѣщеніемъ тамъ извѣстія все-таки не даютъ возможности опровергнуть, къ какимъ двумъ плаваніямъ относятся промежествія, разсказанные Нартовымъ. Въ Журналѣ наиболѣе бурное состояніе моря измѣнено дважды: воленрѣхъ, 7-го и 8-го юна, когда русскій флотъ дѣйствительно находился между Гельзенкирхеномъ и Альксенскими островами, и повторныхъ, съ 30-го августа по 5-е сентябрь, когда флотъ находился у Березовыхъ острововъ; въ наиболѣшой опасности

суда были 1-го сентября, когда оторвало много шлюпокъ и ботовъ и, въ случаѣ продолженія шторма, предложено было рубить мачты на корабляхъ.

131.

Число 27-го апрѣля (или по новому стилю 8-е мая) указано Нартовымъ согласно вакъ съ Походнымъ Журналомъ 1717 года, стр. 13, также и съ Руссе, III, 421. Свѣдѣнія о смерти Петра и обѣ его разговорѣ съ регентомъ прибавлены Нартовымъ.

132.

Посѣщеніе монетнаго двора, 1-го юна 1717 года (Походн. Журналъ, стр. 18), описано у Руссе (III, 427) въ Москвѣ (II, 266) болѣе подробнѣо, чѣмъ у Нартова.

133.

Петръ проѣжалъ Дюнкеркъ 14-го апрѣля 1717 года (Походн. Журналъ 1717 г., стр. 11, 12). Но о какихъ рѣчахъ царя по поводу дюнкеркскихъ мѣльницъ вѣтъ извѣстій; но можно замѣтить, что Петръ, еще будучи въ Парижѣ, при посѣщеніи фабрики гобеленовъ очень восхищался коврами, на которыхъ были и изображенія похожденія Дон-Кихота (Roussel, III, 429).

134.

Въ Бале Петръ пробылъ съ 17-го по 23-е апрѣль; 17-го смотрѣлъ французскія войска и крѣость, а 18-го «смотрѣлъ француза большого, которой тѣко всакъ» (Походн. Журналъ 1717 г., стр. 12).

135.

О посѣщеніи Петромъ Сен-Дені не записано въ Походнемъ Журналѣ 1717 года, но оно отмѣчено у Руссе (III, 424) подъ 2-мъ юна нового стиля, впрочемъ безъ тѣхъ подробностей и разговоровъ, которые сообщены Нартовымъ.

136.

Въ Намюрѣ Петръ былъ 14-го и 15-го юна 1717 года (Походн. Журналъ 1717 г., стр. 21); Руссе (III, 428) довольно подробнѣо разсказываетъ о крестѣ царя графомъ Гомилемъ, но не сообщаетъ никакихъ рѣчей, сказанныхъ будто бы Петромъ.

138.

Ср. далѣе разсказъ 148-й.

139.

Этотъ разсказъ долженъ относиться къ самыи послѣднимъ годамъ жизни Петра. Изъ прошесвія, поданаго ему Нартовымъ въ мартѣ 1723

года, видно, что въ то время любимый товарь цара еще жилъ въ чужой квартире.

140.

Побѣда русскаго флота надъ шведскими при Гангутѣ описана въ Походномъ Журнале 1714 года, стр. 66, 67; а о возмажаніи Петра вице-адмираломъ 9-го сентябрь того же года упоминается также въ стр. 77. Рассказъ о празднованіи по этому случаю у Меншикова и о разговорѣ Петра съ Ершальдомъ заимствованъ Нартовымъ у Мовильона (т. II, pp. 208, 209), где читается съдѣдующее: «Il y eut (въ домѣ князя Меншикова) un grand festin, pendant lequel le nouveau Vice-Amiral parla avec gloge du Contre-Amiral Suédois, «Vouz voyez», dit-il, — «Messieurs, un brave et fidèle serviteur du Roi de Suède, qui s'est rendu digne par ses exploits et par son courage de l'estime de tout le monde, et pour qui j'aurai toujours moi-même beaucoup d'égard et de considération tant qu'il sera avec moi, quoiqu'il m'aît tué un bon nombre de braves sujets. Mais», ajouta-t-il en parlant à Ehrenschild, — «je vous pardonne, et vous pouvez compter sur mon amitié». Le Vice-Amiral Suédois répondit, que quelque action éclatante qu'il eût pu faire pour le service de son Maître, il n'avoit fait que son devoir; qu'il avoit cherché la mort sans pouvoir la rencontrer. Et ce n'est pas une petite consolation pour moi», continua-t-il, — «d'être le prisonnier de Votre Majesté, et de me voir traité si favorablement, et avec tant de marques de distinction par un aussi grand Officier de Mer, qu'on vient d'élever avec justice à la charge de Vice-Amiral». Ср. такої же рассказъ у Рукое, III, 350, 351.

141.

По смыслу этого рассказа надобно полагать, что слова Петра о правѣ его получать жалованье не чину относятся къ тому времени, когда они писались вице-адмираломъ, то-есть, изъ периода съ 1714 по 1721 годы; но Нартовъ ошибается, называя его въ то же время генераломъ-издѣломъ: по сухопутной армии Петръ еще съ 1709 года числился генералъ-лейтенантомъ, а съ 1714—генераломъ (Устриловъ, Исторія Петра Великаго, т. IV, ч. I, стр. 482, 483).

142.

О посѣщеніи Петромъ Парижской обсерваторіи не упоминается въ Походномъ Журнале 1717 года, но есть краткій съдѣдіял въ Рукое (III, 432) и Мовильона (II, 265). Кроме того, оби этомъ говорится въ одной страницѣ книжкѣ, подъ заглавиемъ: «Le Czar Pierre Premier en France», сочиненной Г. Ле-Бланомъ (Hubert Le Blanc) и изданной въ Амстердамѣ въ 1741 году. Это вовсе не историческое сочиненіе; авторъ его почти ничего не рассказываетъ о томъ, что дѣлалъ Петръ въ столице Франціи, а выводить его въ рядъ пытавшихъ с每一天, чтобы написать сатиру на нравы французского общества и на распространенный въ немъ

идей; такъ, глава, где Петръ изображаетъ осматривающимъ обсерваторію, даетъ автору полюбъ относиться къ проповѣдѣ Декарта и къ идеямъ Фонтенееля о движестіи земли. Нельзя не подивиться, что въ «Повѣстовавіяхъ» Нартова встрѣчается заимствованіе изъ этой книги, а между тѣмъ не подозрить сомніяю, что рѣчь, по словамъ Нартова, будто бы обращенная Петромъ къ россиянамъ, сопровождавшимъ его въ Парижскую обсерваторію, есть упрощеніе передѣла стѣдующихъ словъ, взятыхъ изъ уста царя Ле-Бланомъ: «Le Globe de la Terre est un Livre fermé, à cause de tant d'empêchemens qui rendent si difficile de se procurer l'examen de sa surface; on ne l'ouvre qu'en voyageant, pour en parcourir les feuillets qui sont les Royautés. On s'y instruit de ce que c'est quel l'homme, à la vue de la variété des établissemens qu'il s'y est fait; mais le Ciel est un Livre ouvert, où l'on peut lire et parcourir des espaces immenses sans sortir de chez soi. Il parle aux yeux, qu'il existe une Intelligence. Être nécessaire, qui ait distribué les corps lumineux et opaques dans le fluide de la Substance éthérée avec tant d'ordre, qui l'y maintienne par son concours actuel, et qui ait la puissance d'y déranger lorsque les Vertus morales vont être opprimées par le mouvement physique, en lui laissant libre son cours, et qu'il plait à l'Ante de la Nature de faire sentir qu'il n'a pas perdu son domaine, et que même sa domination est essentielle dans l'Univers, quoiqu'il paroisse si fort tenir à la Machine» (Le Czar Pierre en France, t. I, pp. 167, 168). Ср. также рассказъ 71-й.

144.

Этотъ рассказъ относится къ пребыванію Петра въ Екатеринбургѣ въ Гарѣ въ марте 1717 года (Походн. Журналъ 1717 года, стр. 2, 3) и заимствованъ изъ Рукое (III, 400, 401), где читаемъ съдѣдующее: «Pendant leur séjour le Czar ne manqua point de voir tout ce qu'il y a de curieux aux environs, et comme il se trouva alors un Mathématicien qui prétendait avoir trouvé la Longitude, Sa Majesté voulut assister aux expériences que cet inventeur proposoit de faire de plusieurs instrumens qu'il avoit construits, qui consistoient surtout en une boussole, qui, selon lui, monroit les degrés de Longitude aussi bien que ceux de l'latitude, et par le moyen de laquelle il trouvoit d'abord le Méridien et sous quelle longitude on étoit sur une Mappemonde couverte. Cet homme avoit fait construire une cabane octogone dans une barque qu'on fit entrer dans le Vivier de la Haye, il avoit enfoncé dans ce Vivier plusieurs perches numérotées dont il avoit un plan dans la cabane, et qui formoient du Vivier une sorte de Mer dont ces perches étoient sur des ports ou des côtes différentes. Le Czar eut la patience de rester plus de trois heures avec le Comte d'Albemarle, quelques Députés des Etats de Hollande et cet homme dans cette cabane fermée de tous côtés. Des gens qui étoient dans la barque la faisoient rougir de côté et d'autre, et le Mathématicien enfermé dans la cabane désignoit dans quel endroit du Vivier la barque se trouvoit et auprès de quelle perche; le Czar lui faisoit des objections qui souvent l'embarrassoient, et il avoua depuis que cet homme étoit allé fort loin dans la découverte des Longitudes, mais qu'il n'avoit pas encore perfectionné cette utile invention».

145.

Ср. выше рассказ 24-й.

146.

Проведенный из этого рассказа слова Петра о Меншиковѣ Соловьевъ сопоставляется съ числомъ сокѣтѣшаго шага къ царю въ маѣ 1723 года, когда Меншиковъ былъ уличенъ въ незаконномъ расширѣи своихъ малороссийскихъ имѣній и долженъ былъ прокатъ въ томъ променіи, и также обращается внимание на заступничество Екатеринѣ (Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 156, 157).

147.

Собственноручная инструкція Петра, данная капитану Берингу, написана была 6-го января 1725 года и составлена особомъ инструкціей ему отъ генералъ-адмирала графа Ф. М. Апраксина (Вахтина, Русское судоходство моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса: соединится ли Азія съ Америкой, стр. 86, 87).

150.

Большая часть этого рассказа переведена изъ Мовскова (I, 216, 218), какъ можно видѣть по склонившей винѣ: «Mr. Le Fort, le seul de ceux que le Czar affectionnait qui osait ou qui sut lui donner des leçons sur la véritable gloire, l'engagea à pardonner encore cette fois à son Soeur. «Elle a conspiré contre ma vie», lui disoit le Czar, — «qu'elle n'avait pas encore quarante ans». «N'importe», répliquoit Le Fort, — «Votre Majesté ne doit point la faire mourir, & moins, Sire, que votre vengeance ne vous soit plus chère que votre gloire. C'est affaire aux Turcs à tremper leurs mains dans le sang de leurs frères; mais un Prince Chrétien doit avoir d'autres sentiments». Le Czar pardonna à Sophie, il se contenta de lui aller faire les reproches les plus sanglans, qui se terminerent par des larmes de part et d'autre. Sophie employa toute son eloquence pour se justifier, et peu s'en fallut que le Czar ne la crût innocente. Au sortir du Monastère, oÅ il avoit fait cette étrange visite, il ne put s'empêcher de dire à Le Fort, que Sophie étoit un grand génie, et que c'étoit seulement dommage qu'elle fût si méchante».

151.

Брюсъ и Остремль были отправлены изъ Испитатъ для переговоровъ въ парл. со Швеціей въ апрѣлѣ 1721 года, и очевидно, къ этому времени относятся слова Петра, сообщаемыя въ настоящемъ рассказѣ.

152.

Рассказъ этотъ относится къ 1721 году, когда Минихъ былъ принятъ въ русскую службу и, немедлено приступилъ къ составленію

проекта упрѣжденій Брандта и Рогервика (Вахтина корта), окончить эту работу съ совершенномъ удовлетвореніемъ царя, о чёмъ самъ онъ действуетъ въ члобитной, поданной въ 1727 году. Въ 1723 году Петръ взялъ Миниху осмотрѣть работы Ладожского канала и, во вмѣщаніи его доклада, 18-го января 1724 года приказалъ «издаватьсь по управлению поручить ему» (Записки фельдмаршала графа Миниха, стр. 25, 26, 283).

154.

Разговоръ Петра съ П. А. Толстымъ, сообщенный въ этомъ рассказѣ, Соловьевъ приурочиваетъ къ второй половинѣ янв. 1718 года, когда допрошена была Афросинья Федорова и сподѣлила окончательно извѣстіе вѣровѣсть царевича Алексѣя въ глазахъ цара (Исторія Россіи, XVII, 216).

155.

Слова Петра, приведенные въ этотъ рассказѣ, относятъ отнести, очевидно, къ тому же времени, какъ и разговоръ цара съ Толстымъ, изложеній въ рассказѣ 154-й.

156.

Сообщенные въ этомъ рассказѣ слова Петра, по мнѣнію Соловьевъ, выражаютъ сословные духи царя въ то время, когда, посдѣ допроса Афросиньи и собственныхъ признакъ царевича Алексѣя, 18-го іюня 1718 года, опредѣленіе вѣровѣсти послѣд资料 было предоставлено на судъ знатѣйшаго духовенства, инквизиторъ, сенаторъ и генералитета (Исторія Россіи, XVII, 216).

157.

Вариантъ этого рассказа находится въ Запискахъ Порошинъ (изд. 1881, стр. 18, 19) въ склонившемъ видѣ: «О Толстомъ говорилъ предшественникъ Никита Ивановичъ (Палинъ), какъ онъ склонилъ быть въ бунтахъ стрѣмъцкыхъ противъ государя... Случалось, когда государь Петръ Великий въ комплекѣ подвѣсился, въ Томской тутъ, то государь, сдавши съ него парикъ и колотя его по вѣхѣ, говоривъ: «Голова, голова, кабы не такъ ума ты била, дарво бы я отрубить тебѣ вѣхѣ».

158.

Слова Петра, записанные Нартовымъ въ этомъ рассказѣ, относятся къ 22-му іюля 1718 года, когда Толстой былъ посланъ къ царевичу Алексѣю съ вопросами (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVII, 220—222).

159.

Ср. выше рассказъ 158-й.

161.

Рассказъ этот долженъ быть отнесенъ во времена до февраля 1719 года, когда умеръ графъ Б. П. Шереметевъ.

162.

Нѣкоторыя подробности изъ разсказа Нартова о смерти Горюхина напоминаютъ разсказъ о томъ же въ Дніпровскій Корабль (русс. переводъ, стр. 303), но еще не даютъ повода заключать, чтобы составитель «Полѣст-зований» могъ пользоваться этимъ источникомъ. Отныне Петра въ Гор-довѣ у Корабля нѣть.

Дополненіе къ примѣчанію 94-му.

Происшествіе, описанное въ этомъ разсказѣ, упоминается также въ «Описаніи Каспійскаго моря», составленномъ Г. Ф. Миллеромъ по журналамъ Ф. И. Семёнова (С.-Пб. 1763, стр. 79 и 80). Вытаска изъ рукописнаго «Екстракта» тѣхъ же журналовъ, относящихся къ упомянутому происшествію, сообщена въ «Русской морской библиотекѣ» А. П. Саве-хова, 2-е изданіе подъ редакціей Е. К. Шульца. С.-Пб. 1883, стр. 97.

